

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрякина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков,
А.А. Мёдова, Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 22,
№ 5 / 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Шуныков Д.В.** Награждение сотрудников правоохранительных органов в СССР в период наградного дуализма (1922–1933)..... 5
- Шановалова Е.В.** Мотив Голгофы в *chapelle ardente* Лотарингских принцев (1589 год) 15

ЛИНГВИСТИКА

- Бакина А.Д.** Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов..... 28
- Колмогорова А.В., Маликова А.В.** Моделирование специфики эмоционального восприятия интернет-текстов на русско-тувинскими билингвами в сопоставлении с русскими монолингвами : опыт экспериментального исследования..... 39
- Давтян Ю.В., Крюкова Е.В.** Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке... 51
- Мишкuroв Э.Н., Новикова М.Г.** Апория «переводимости-непереводимости» как объект дискурсивно-манипулятивных игр в современной теории и методологии перевода..... 60

ФИЛОСОФИЯ

- Ненашева М.В.** Феномен жизнестойкости в контексте глобальных вызовов современности..... 69
- Дьяков А.В.** Призраки Деррида: между дискурсом памяти и историей философии..... 78
- Суханова Е.В.** Концепция управления временем В.Н. Муравьева в эпоху антропоцена: диалог естественного и искусственного..... 86

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 26.10.2022.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,23. Уч.-изд. л. 13,20.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8140.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2022

Дорожкин Е.Л. Геофилософия: краткое введение в «поэтическую» философию природы.....	96
Зашихина И.М. Актуальность проблемы как жизненный опыт: феноменологический взгляд на научные публикации.....	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. Диссертационный совет САФУ 24.2.394.01: на пути к новым горизонтам.....	119
Голдин В.И., Соколова Ф.Х. Архангельская область в системе подготовки специалистов в области международных отношений.....	126
Климов О.Ю., Репневский А.В. К 70-летию нордиста Владимира Анатольевича Карелина.....	132

НЕКРОЛОГ

Памяти Юрия Павловича Окунева.....	139
Наши рецензенты.....	141
К сведению авторов.....	143

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipsitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 22,
No. 5 / 2022

CONTENTS

HISTORY

- Shunyakov D.V.** Awarding Law Enforcement Officers in the USSR During the Period of Award Dualism (1922–1933)..... 5
Shapovalova E.V. The Motif of Calvary in the *chapelles ardentes* of the Princes of Lorraine (1589)..... 15

LINGUISTICS

- Bakina A.D.** Intertextual Potential of Biblical Phraseological Units.... 28
Kolmogorova A.V., Malikova A.V. Modelling the Emotional Perception of Russian Internet Texts by Tuvan-Russian Bilinguals Compared to Russian Monolinguals: A Pilot Study..... 39
Davtyan Yu.V., Kryukova E.V. Religious Conceptual Sphere in the Modern Political Discourse of Latin America..... 51
Mishkurov E.N., Novikova M.G. Translatability–Untranslatability Aporia as an Object of Discursive-Manipulative Games in Modern Theory and Methodology of Translation 60

PHILOSOPHY

- Nenasheva M.V.** The Phenomenon of Resilience in the Context of Contemporary Global Challenges..... 69
D'yakov A.V. The Ghosts of Derrida: Between the Discourse of Memory and the History of Philosophy..... 78
Sukhanova E.V. Valerian Muravyov's Concept of Mastering Time in the Anthropocene Epoch: A Dialogue Between the Natural and the Artificial..... 86
Dorozhkin E.L. Geophilosophy: A Short Introduction to the "Poetic" Philosophy of Nature..... 96
Zashikhina I.M. Relevance of the Problem as Life Experience: A Phenomenological Perspective on Scholarly Publications..... 107

CONTENTS

Editor
M.G. Averina

Managing Editor
I.V. Kuznetsova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. Orel

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 26.10.2022.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 15.23.
Acad. publ. sh. 13.20.
Circulation 1000 copies. Order no. 8140.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2022

ACADEMIC LIFE

- Kudryashova E.V., Zhgileva L.A.** NArFU 24.2.394.01 Thesis Council: Towards New Horizons..... 119
- Goldin V.I., Sokolova F.Kh.** Arkhangelsk Region in the System of Training Specialists on International Relations..... 126
- Klimov O.Yu., Repnevskiy A.V.** To the 70th Birthday Anniversary of the Nordic Historian Vladimir A. Karelin..... 132

OBITUARIES

- In Memory of Yury P. Okunev..... 139
- Our Peer-Reviewers..... 141
- Information for Authors..... 143

ШУНЯКОВ Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, профессор военного учебного центра Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 37 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179>

НАГРАЖДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СССР В ПЕРИОД НАГРАДНОГО ДУАЛИЗМА (1922–1933)

Анализируется опыт наградной практики правоохранительных органов после образования Советского Союза в 1922 году. Констатируется, что объединение республик привело к необходимости создания общесоюзной наградной системы. Параллельно ей продолжали существовать наградные системы в союзных и автономных республиках СССР. В основе исследования лежат принципы историзма, объективности и системности. Применение статистического анализа позволило количественно обработать наградные данные, полученные методом сплошной выборки. На основе архивных материалов, опубликованных источников и воспоминаний утверждается, что союзная и республиканские наградные системы во многом были аналогичны и базировались на наградных принципах, выработанных в годы Гражданской войны. При этом, несмотря на потребность, на государственном (всесоюзном) уровне так и не были учреждены специализированные награды для правоохранительных структур. Наградная практика свидетельствует, что высшие награды – ордена – применялись крайне редко по причине отсутствия в статутах положений о награждении за особые заслуги в специфической деятельности правоохранителей. Самыми массовыми видами поощрения являлись ведомственные награды – знаки, материальные (ценные подарки и премии) и моральные (благодарности, грамоты, знамена и др.) поощрения. Награды применялись как персонализировано, так и коллективно. Автор приходит к выводу, что исследуемый период является переходным от наградных систем республик к общесоюзной. Существовавший наградной дуализм был вызван сложной криминогенной ситуацией и, как следствие, необходимостью отмечать заслуги правоохранителей, а также неспособностью союзного руководства одновременно создать эффективную наградную систему. После введения наградной системы СССР республиканские награды были упразднены.

Ключевые слова: Советский союз, НКВД, наградная система, наградной дуализм, награда, орден, ценный подарок.

---

*Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: konigsberg039@mail.ru

Для цитирования: Шуняков Д.В. Награждение сотрудников правоохранительных органов в СССР в период наградного дуализма (1922–1933) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V213

Введение

Тема награждения сотрудников правоохранительных органов после образования Советского Союза не являлась предметом специального исследования. Работы В.А. Дурова, А.Н. Куценко, П.В. Ахманаева, В.С. Антонова, А.М. Буякова, М.А. Рогова и др. [1–7] имеют фалеристическую направленность и рассматривают прежде всего ордена, медали, а также ведомственные знаки отличия. Основное внимание уделяется награждению военнослужащих Красной армии и сотрудников Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Награждения милиционеров и пограничников практически не рассматриваются. Данное исследование призвано дополнить эти работы, провести комплексный анализ наградной системы СССР и союзных (автономных) республик. Кроме наградных знаков в статье рассматриваются материальное (денежное или в натуральной форме) и нематериальное (благодарность, грамота, почетное наименование части и пр.) поощрения.

Для сбора теоретического материала автор обращался к законодательной базе, в частности к фондам Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории, сборникам приказов и постановлений, информации о деятельности наградных органов, спискам награжденных [8–11]. Анализ данных позволил установить, что правоохранительная деятельность была возложена на две структуры. Борьба с контрреволюцией и саботажем, охрана границ СССР осуществлялись общесоюзной структурой ОГПУ. Охрана правопорядка, борьба с преступностью производились республиканскими отделениями Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД). В конце 1931 года эти структуры были объединены.

В исследуемый период параллельно существовали союзная и республиканские наградные системы. Для отличия правоохранителей использовались как союзные, так и республиканские боевые и трудовые награды. Все ордена не содержали положений о поощрении специфиче-

ской правоохранительной деятельности, поэтому основная масса наградений происходила ведомственными знаками отличий.

Анализ криминогенной ситуации в Советском Союзе показал динамику борьбы правоохранительных структур с преступностью. Статистика свидетельствует о росте противозаконных действий в исследуемый период, к примеру, прирост осужденных за должностные преступления составил 46,1 %, число контрреволюционных выступлений увеличилось почти в 4 раза. Однако эти цифры нельзя сопоставлять со снижением эффективности работы структур ОГПУ–НКВД. После окончания Гражданской войны численность личного состава правоохранительных органов была резко уменьшена. Разруха, безработица, тяжелая экономическая ситуация вели к криминализации общества. Начавшаяся коллективизация вызвала волну крестьянских выступлений. Амнистия в честь 10-летия Октябрьской революции освободила почти $\frac{2}{3}$ заключенных, многие из которых встали на привычный путь [12; 13].

Обращение к мемуарам сотрудников правоохранительных органов, а также истории частей войск ОГПУ позволило от первого лица узнать специфику борьбы с криминалитетом в исследуемый период. Воспоминания очевидцев свидетельствуют о трудном материальном положении правоохранителей, которое усложняло борьбу с преступностью. Орденами, наградным оружием, часами и деньгами чекистов не баловали, в основном премировали грамотами, благодарностями, а также вещами, имеющими практическое значение: сапогами, отрезами ткани и т. п. [14; 15].

Целью исследования является попытка проведения анализа и генерализации исторического опыта развития и совершенствования системы награждения сотрудников правоохранительных органов как составной части наградной системы СССР и союзных республик в период 1922–1933 годов, дать ее подробное описание в функциональном аспекте в составе общественных институтов и систем управления исследуемого периода.

Научная новизна представлена полиаспектностью исследования, дополнением статистических данных о награждении правоохранителей союзными орденами, а также типологизацией награждений по иерархичности и категориям награждаемых.

Практическая значимость заключается в изучении наградной системы как комплекса мер, направленных на поощрение сотрудников правоохранительных органов в обуздании преступности.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на общенаучных методах (анализ, синтез, генерализация, системный подход). Теоретический этап включал подбор статистического материала. На этапе обработки и систематизации практических данных были использованы специальные методы исторического исследования, в т. ч. метод статистического анализа, который позволил показать процесс усовершенствования наградного производства в общем контексте деятельности органов государственного управления по борьбе с преступностью и саботажем.

Результаты исследования

С образованием СССР 30 декабря 1922 года [12, с. 6] естественным ходом событий являлся переход на общесоюзные правоохранительные ордена и награды. Однако этот процесс растянулся на целое десятилетие. Республиканские структуры Государственного политического управления (ГПУ), отвечающие за борьбу с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом и охрану границ, постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР от 15 ноября 1923 года были консолидированы в ОГПУ при Совете народных комиссаров (СНК) СССР [9, с. 461–463]. В то же самое время управление милицией и уголовным сыском до конца 1930 года входило в компетенцию наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик [12, с. 19]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 года республиканские наркоматы были упразднены, а их функции переданы ОГПУ [10, с. 34].

Подобный дуализм существовал и в наградной сфере. После образования СССР происходило административно-территориальное размежевание для повышения эффективности политического и экономического управления. Во многих субъектах были приняты республиканские (союзные или автономные) конституции. Одним из следствий широкой автономии явилось активное республиканское «наградотворчество». Всего было учреждено 9 орденов Трудового Красного знамени (орденов Труда): Армянской (2 июля 1923), Белорусской (10 октября 1924), Абхазской (20 октября 1924), Хорезмской (1924), Узбекской (30 декабря 1925), Туркменской (24 февраля 1926), Таджикской (16 апреля 1930), Грузинской (31 декабря 1931), Закавказской (17 марта 1932) ССР [4, с. 85, 150, 218, 244, 262, 278, 310, 326, 344, 392]. Суммарно с наградами, учрежденными в годы Гражданской войны, республики и автономии оперировали 5 «боевыми» и 11 «трудовыми» орденами.

Несмотря на «трудовой» статус орденов они активно применялись для отличия сотрудников правоохранительных органов. Так, 14 марта 1932 года орденами Трудового Красного знамени Азербайджанской ССР была награждена группа сотрудников Аз. ГПУ в связи с 15-летим «героической работы ВЧК–ГПУ». Начальник уголовного розыска УзССР И.Х. Алтынбаев был удостоен двух орденов Трудового Красного знамени УзССР (№ 139 и 301). Награды вручались не только персонифицировано, но и коллективно. К примеру, 9 февраля 1930 года орденом № 329 Трудового Красного знамени УзССР было награждено Главное политическое управление УзССР. Ордена Трудового Красного знамени ТуркССР в 1931 году были удостоены 10-й Ташкентский кавалерийский полк, 62-й и 85-й отдельные кавалерийские дивизионы, а также 45-й (Меврский) и 46-й (Ашхабадский) пограничные отряды войск ОГПУ [4, с. 91, 248, 284, 287, 314–316].

Всего было произведено 520 награждений орденами союзных республик сотрудников правоохранительных органов (см. *таблицу*),

СТАТИСТИКА НАГРАЖДЕНИЙ ОРДЕНАМИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК СОТРУДНИКОВ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПЕРИОД НАГРАДНОГО ДУАЛИЗМА (1922–1933)

STATISTICS OF AWARDING LAW ENFORCEMENT OFFICERS
WITH ORDERS OF THE SOVIET REPUBLICS DURING THE PERIOD OF AWARD DUALISM (1922–1933)

Республика	Вид награды	Количество награждений	Комментарий
РСФСР	Орден Красного знамени	74	В т. ч. 13 сотрудников награждены дважды и один – нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий – трижды
	Орден Трудового Красного знамени	158	115 персональных награждений и 43 коллективных
	<i>Всего</i>	232	–
БССР	Орден Трудового Красного знамени	17	ОГПУ – 9 награждений (в т. ч. пограничный корпус – 2 из них 1 персональное и 1 коллективное), а НКВД – 8 (в т. ч. РКМ* – 6 и 2 – пожарных депо)
УССР	Орден Трудового Красного знамени	40	ОГПУ – 25 награждений (в т. ч. 1 – в пограничном корпусе) и НКВД – 15 (только РКМ)
АзССР	Орден Красного знамени	2	2 сотрудника Азербайджанского ЧК
	Орден Труда (Трудового Красного знамени)	13	Только ОГПУ (в т. ч. пограничный корпус – 2). Из общего количества 12 персональных награждений и 1 коллективное (12-й батальон конвойных войск)
	<i>Всего</i>	15	–
АрмССР	Орден Красного знамени	–	Нет данных
	Орден Трудового Красного знамени	23	Сотрудники АрмГПУ – 20 орденов и НКВД (РКМ АрмССР) – 3
	<i>Всего</i>	23	–
ГССР	Орден Красного знамени	2	Ордена вручены 3 июля 1923 года председателю ГПУ ГССР Е.А. Кванталиани и его заместителю Л.П. Берии
	Орден Трудового Красного знамени	30	Сотрудники ГрузГПУ – 18 орденов (17 персональных награждений и 1 коллективное (10-й батальон конвойных войск)) и НКВД (РКМ ГССР) – 12
	<i>Всего</i>	32	–
ЗСФСР	Орден Трудового Красного знамени	25	Только ОГПУ (в т. ч. пограничный корпус – 1)
ТаджССР	Орден Трудового Красного знамени	40	ОГПУ – 35 награждений (в т. ч. пограничный корпус – 2) и НКВД – 5 (только РКМ)

Окончание таблицы

Республика	Вид награды	Количество награждений	Комментарий
ТуркССР	Орден Трудового Красного знамени	21	ОГПУ – 20 награждений (в т. ч. пограничный корпус – 7) и НКВД – 1 (РКМ). Из числа сотрудников ОГПУ (без учета пограничников) 9 персональных и 4 коллективных. Из числа награждений пограничного корпуса 5 персональных и 2 коллективных
УзССР	Орден Трудового Красного знамени	48	ОГПУ – 42 награждения (в т. ч. пограничный корпус – 1) и НКВД – 6 (РКМ). Из числа сотрудников ОГПУ (без учета пограничников) 39 персональных награждений и 2 коллективных (ГПУ УзССР и 10-й кавалерийский полк). В пограничном корпусе была награждена Сухран-Дарьинская пограничная комендатура
БНСР*	Орден Красной звезды 1 степени	–	Нет данных
	Орден Красной звезды 2 степени	10	ОГПУ – 3 награждения и НКВД – 7 (все РКМ)
	Орден Красной звезды 3 степени	9	ОГПУ – 2 награждения (только пограничный корпус) и НКВД – 7 (все РКМ)
	<i>Всего</i>	19	–
ХССР**	Орден Труда (Трудового Красного знамени)	8	ОГПУ – 6 награждений (в т. ч. пограничный корпус – 1) и НКВД – 2 (все РКМ)
<i>Итого</i>	–	520	–

Примечания: 1. Количественные подсчеты сделаны на основе анализа и классификации материала, содержащегося в [4, с. 74–76, 136–142, 189–192, 202–205, 237–238, 303–308, 321–323, 351–356; 6, с. 29–47].

2. * – Рабоче-крестьянская милиция; ** – Бухарская народная советская республика; *** – Хорезмская социалистическая советская республика.

из них боевыми – 97 награждений (18,6 %) и трудовыми – 423 (81,4 %). Все награждения боевыми орденами произведены за индивидуальные отличия, в т. ч. 13 (13,4 %) сотрудников поощрены дважды и 1 (1,03 %) – трижды, 366 (86,5 %) трудовых орденов вручены персонально и 57 (13,5 %) – коллективно. Распределение наград (без учета орденов РСФСР, по которым отсутствуют точные данные) по структурам следующее: ОГПУ – 222 (77 %) награждения, НКВД – 66 (23 %), всего – 288. В свою очередь, сотрудники ОГПУ были награждены 203 (91,4 %) раза, 19 (8,6 %) орденов удостоился пограничный корпус ОГПУ. Из 203 награждений сотрудников ОГПУ почти все –

195 (96 %) вручены персонально и 8 (4 %) орденов удостоились коллективы частей, в т. ч. 231-й полк конвойных войск ОГПУ, награжденный орденами Трудового Красного знамени АзССР (2 апреля 1931) и Трудового Красного знамени ГССР (20 апреля 1931). В пограничном корпусе ОГПУ ситуация несколько иная: за индивидуальные отличия вручены 15 (78,9 %) орденских знаков, пограничные заставы и комендатуры отмечены 4 (21,1 %) орденами. В НКВД практически все – 64 (96,9 %) ордена вручены милиционерам и 2 (3,1 %) знаками отмечены пожарные депо.

Одновременно с республиканскими учреждались и общесоюзные ордена. Среди них были

как «боевые» (Ленина (6 апреля 1930), Красного знамени (1 августа 1924), Красной звезды (6 апреля 1930)), так и «трудовые» (орден Трудового Красного знамени (7 сентября 1928)) [2, с. 15, 18, 23, 26, 31, 48]. Награждение осуществлялись параллельно с республиканскими. Так, 23 февраля 1927 года орден Красного знамени был вручен командиру отдельной дивизии Отряда особого назначения при коллегии ОГПУ им. Дзержинского (ОСНАЗ) комбригу П.Г. Кобелеву, 27 марта 1933 года ордена Красной звезды удостоился начальник пограничной охраны войск ОГПУ по Казахстану А.А. Ковалев [13, с. 163]. Президиум ЦИК СССР от 21 февраля 1931 года наградил 4-й Украинский полк орденом Красного Знамени [8, с. 283].

Всего за исследуемый период произведено награждение 396 сотрудников ОГПУ орденами СССР. Практически все – 393 – были удостоены орденов Красного знамени, один – Ленина и двое – Красной звезды. В свою очередь, из числа получивших орден Красного знамени 17 человек награждены повторно: 15 – двумя орденами, один – тремя, один – четырьмя [5, с. 78–84]. Необходимо отметить, что поощрение специфичной служебно-боевой деятельности чекистов встречало противодействие высших эшелонов военной власти. В частности, массовое представление сотрудников к ордену Красного знамени за подавление антиколхозных выступлений, инициированное руководством ОГПУ, было заблокировано наградной комиссией Революционного военного совета и руководством Красной армии, которые не желали награждать чекистов без совершения личных подвигов в боевой обстановке в соответствии со статусом награды [16]. Учитывая, что «исключительные заслуги перед революцией совершаются отдельными работниками в обстановке, которую нельзя отнести к боевой... вследствие чего ряд работников ОГПУ, несмотря на заслуги, остаются неотмеченными высшей наградой – орденом "Красное знамя"», коллегия ОГПУ предлагала учредить орден Феликса Дзержинского для награждения сотрудников и части

войск ОГПУ [18]. Однако данный проект не был реализован [3, с. 98].

Кроме орденов отличившимся вручались ценные подарки, к числу которых относились часы, портсигары, предметы утвари, а также холодное и огнестрельное оружие. Как правило, на ценные подарки наносились пояснительные надписи с гравировкой фамилии и инициалов награжденного и формулировкой обстоятельств награждения. В качестве формулировки наиболее часто указывалось: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», «За самоотверженную чекистскую работу», «За успешную борьбу с контрреволюцией» и т. п. Все награды вручались от имени Коллегии ВЧК–ОГПУ. С 1932 года формулировки стали меняться на: «Тов. _____ за самоотверженную работу от Коллегии ОГПУ», «За успешное выполнение оперативного поручения». Также применялись и прежние формулировки [5, с. 7, 8]. Например, командир 37-й пограничной бригады В.С. Сахно за умелое командование при разгроме банды басмачей численностью до 750 сабель в районе г. Ширабад (Узбекская ССР) был награжден пистолетом системы «Маузер» с надписью «За успешную борьбу с басмачеством в Средней Азии» [14, с. 156]. За организацию охраны ценного груза сошедшего с рельс эшелона на перегоне Байкал-Михелево 6 бойцам была объявлена благодарность и выдана премия – по золотому червонцу [15, с. 80].

Награждения вызывали гордость у кавалеров. Вот как вспоминал о своем награждении золотыми часами с дарственной надписью «За преданную работу в органах ОГПУ Мяксинского района» оперуполномоченный Ю.Н. Богданов: «напряженная и опасная работа по ликвидации негативных последствий непримиримой борьбы с кулачеством конкретного районного сотрудника внутренних дел была оценена по достоинству» [17, с. 87].

Наравне с индивидуальным применялось и коллективное награждение путем объявления благодарности, вручения почетных знамен или присвоения части имени отличившихся чекистов. Так, красноармейцам оперативно-боевых

отрядов, участвовавшим в ликвидации бандитизма на Северном Кавказе и в Закавказье, приказом по войскам ОГПУ № 270 от 20 августа 1930 года объявлена благодарность [8, с. 281, 282]. Приказом по войскам ОГПУ № 120 от 20 июля 1933 года павшие смертью храбрых в бою с бандитами в Чеченской автономной области командир дивизиона кавалерийского полка отдельной дивизии оперативного назначения им. Ф.Э. Дзержинского П.В. Спивак и помощник командира взвода А.Ф. Толстов навечно зачислены в списки части. После смерти председателя ОГПУ при СНК СССР Ф.Э. Дзержинского приказом ОГПУ № 173 от 19 августа 1926 года его имя было присвоено дивизии ОСНАЗ в целях «увековечивания памяти безвременно скончавшегося организатора, строителя и вождя революционной армии бойцов-чекистов» [15, с. 78, 88].

Кроме государственных применялись наградные знаки «Почетный работник ВЧК–ГПУ» как высшая ведомственная награда ОГПУ, знаки, учрежденные к 5- и 15-летним юбилеям органов ВЧК–ГПУ в 1923 и 1932 годах соответственно. Последние имели идентичную архитектуру, представляли собой серебряный овальный обруч с наложенным серпом и молотом, а также мечем острием вниз. Эмблемы окаймлялись римскими цифрами V и XV. В нижней части, на ленте, наносилась аббревиатура В.Ч.К. или Г.П.У., а сверху овала чеканились дата 1917–1922 или 1917–1932 соответственно. На реверс наносился порядковый номер. Несмотря на юбилейный статус, знаки использовались именно как награды. Их вручение производилось постановлением Коллегии ОГПУ. Одновременно со знаком вручалась грамота. Согласно Положению о Почетном знаке ВЧК–ОГПУ, утвержденному приказом № 304 по ГПУ, на награждение имели право сотрудники ВЧК–ОГПУ, имеющие особые заслуги перед Республикой или стаж работы не менее трех лет. С 1 мая 1930 года награжденным ежемесячно выплачивалась сумма в размере 30 рублей. Лица, осужденные, уволенные из органов или партии по дискредитации, лишались награды [7, с. 12–14, 29, 30].

Всего было произведено около 800 награжденных знаком «5 лет ВЧК–ГПУ» и 3000 – «15 лет ВЧК–ГПУ» [5, с. 12, 24]. Имелся случай коллективного награждения. Знаком «15 лет ВЧК–ГПУ» 25 декабря 1933 года была награждена Высшая офицерская школа ОГПУ: «В ознаменование десятилетия Высшей пограничной школы ОГПУ и за заслуги в деле создания кадров командиров-чекистов» [10, с. 47]. Также имелись случаи вручения ведомственных наград лицам, не состоящим на службе в «карающем мече революции». Так, в 14-ю годовщину Рабоче-крестьянской Красной армии знака «5 лет ВЧК–ГПУ» № 773 был удостоен командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, командарм 1-го ранга В.К. Блюхер за «... его постоянную боевую связь с органами ЧК–ГПУ в борьбе с врагами диктатуры пролетариата» [5, с. 18].

Существовал также юбилейный жетон к 10-летней годовщине органов ВЧК–ОГПУ. Он представлял собой значок с профилем Дзержинского на фоне красного знамени с цифрами «1917» и «1927» в углах. Жетон изготавливался в трех вариантах: для младшего начальствующего состава – из латуни; для среднего – из латуни с раскрашенным красной краской знаменем; для высшего комсостава – из серебра с красной эмалью. Данный жетон не являлся наградным, не имел номера и вручался без решения руководящего органа (коллегии ОГПУ) [7, с. 22, 23].

Аналогичные по смыслу юбилейные знаки существовали в НКВД. Практически в каждой республике и автономии учреждались юбилейные знаки, приуроченные к годовщине милиции (например: «5 лет Брянской рабоче-крестьянской милиции» (1925); «6 лет рабоче-крестьянской милиции Украинской ССР» (1925); «10 лет рабоче-крестьянской милиции Грузинской ССР» (1931); «За самоотверженную службу в милиции Крымской Республики» (1927) и др.). После передачи милиции в декабре 1930 года в ОГПУ приказом № 1088 от 25 ноября 1932 года был учрежден юбилейный знак «Почетный работник РКМ», схожий по смыслу

со знаком «Почетный чекист». Внешне они были похожи. Как правило, изготавливались из серебра и несли все символы советского государства (красное знамя, серп и молот, овальную форму, обрамленную снопами пшеницы и т. п.). В соответствии с постановлением ЦИК «Об орденах СССР и союзных республик и о нагрудных значках» от 23 апреля 1933 года все эти награды, как имеющие сходство с орденами, подлежали замене вновь разработанными знаками [6, с. 73–76].

Заключение

Таким образом, в течение 10 лет после образования СССР сотрудники правоохранительных органов одновременно поощрялись союзными и республиканскими органами власти. Анализ наградной практики (с учетом отсутствия данных по номинации некоторых наград) свидетельствует, что львиная доля союзных/республиканских орденов (90 %) вручена сотрудникам ОГПУ (с учетом пограничной стражи) и только 10 % удостоились работники НКВД. Автор объясняет разницу уровнем подчинения структур и приоритетностью задач. Сотрудники ОГПУ как государственного органа награждались как союзными, так и республиканскими орденами, а работники НКВД – лишь республиканскими. Преступления против личности, входившие в сферу ответственности милиции, стояли ниже задач ОГПУ по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, охране границ и т. д. Республиканский уровень наград сыграл

важную роль на национальных окраинах, где противники советской власти длительное время вели ожесточенную вооруженную борьбу. После формирования союзной наградной системы, республиканские награды были упразднены.

Ценные подарки, как ведомственные отличия, являлись важной составляющей системы поощрения правоохранителей в указанный период. Находясь в иерархии на ступень ниже орденов, они стали самыми массовыми вещественными мивознаграждениями. Материальное премирование чекистов, высокое (по сравнению с гражданскими служащими) жалование, пайковое снабжение позволяли привлекать в ряды правоохранителей добровольцев и мотивировать на борьбу с преступностью. Возможность поощрять сотрудников ценными подарками без согласования с высшими органами государственной (республиканской) власти существенно расширяла наградные полномочия коллегии ОГПУ и полномочных представителей на местах.

К сожалению, система, созданная для борьбы с преступностью, использовалась для укрепления тотального контроля органов власти над всеми сферами жизни общества.

Говоря о перспективах исследования, отметим, что статья является второй в трилогии. В планах – публикация завершающей статьи, охватывающей период централизации государственных органов правопорядка и наградной системы вплоть до начала Великой Отечественной войны (1933–1941).

Список литературы

1. Ахманаев П.В. Советская наградная система. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. 560 с.
2. Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1983. 302 с.
3. Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени. М.: Collector's Book, 2005. 224 с.
4. Куценко А.Н., Смирнов Ю.Д. Ордена Советских республик. Донецк: Лебедь, 1996. 400 с.
5. Буюков А.М. Ведомственные награды ВЧК–НКВД. Ч.1. Ведомственные награды ВЧК–ОГПУ (1922–1932): справ. Владивосток: Информ.-реклам. агентство «Комсомолка ДВ», 2002. 112 с.
6. Рогов М.А. История наград и знаков в МВД России (1802–2002). М.: [б. и.], 2004. 543 с.
7. Антонов В.С., Величко В.Н. Награды внешней разведки. Символы профессионализма. М.: Вече, 2010. 176 с.
8. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства, 1922–1941 гг. Документы и материалы М.: Юрид. лит., 1977. 640 с.
9. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справ. / под ред. А.Н. Яковлева, авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.Б. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с.

10. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Золотова. М.: Ред. журн. «На боевом посту», 2019. 160 с.
11. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920–1940-е. М. Нов. лит. обозрение, 2019. 414 с.
12. Советские конституции: хрестоматия: в 4 ч. Ч. 2. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015. 334 с.
13. Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.): моногр. М.: Вече, 2018. 480 с.
14. Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я. Из истории органов госбезопасности Узбекистана (Докум. очерки истории 1917–1930 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1967. 184 с.
15. Арибжанов Р., Артюхов Е., Штутман С. Дивизия имени Дзержинского. М.: Яуза, 2007. 476 с.
16. Богданов Ю.Н. 30 лет в ОГПУ–НКВД–МВД: от оперуполномоченного до заместителя министра. М.: Крафт+, 2013. 576 с.
17. Тепляков А.Г. «Как не подходящий по личным подвигам в боевой обстановке»: наградные документы сибирских чекистов 1930–1931 годов // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, № 1. С. 159–167.
18. Докладная записка председателя ОГПУ В.Р. Менжинского в Политбюро ЦК ВКП(б) о проекте ордена Феликса Дзержинского от 14 ноября 1932 г. // Рос. гос. архив соц.-полит. истории. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5284. Л. 1.

References

1. Akhmanaev P.V. *Sovetskaya nagradnaya sistema* [Soviet Award System]. Moscow, 2014. 560 p.
2. Kolesnikov G.A., Rozhkov A.M. *Ordена i medali SSSR* [Soviet Orders and Medals]. Moscow, 1983. 302 p.
3. Durov V.A., Strekalov N.N. *Orden Krasnogo Znameni* [Order of the Red Banner]. Moscow, 2005. 224 p.
4. Kutsenko A.N., Smirnov Yu.D. *Ordена Sovetskikh respublik* [Orders of the Soviet Republics]. Donetsk, 1996. 400 p.
5. Buyakov A.M. *Vedomstvennye nagrody VChK–NKVD. Ch.1. Vedomstvennye nagrody VChK–OGPU (1922–1932)* [Departmental Awards of the Cheka–NKVD. Pt. 1. Departmental Awards of the Cheka–OGPU (1922–1932)]. Vladivostok, 2002. 112 p.
6. Rogov M.A. *Istoriya nagrad i znakov v MVD Rossii (1802–2002)* [The History of Awards and Decorations in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (1802–2002)]. Moscow, 2004. 543 p.
7. Antonov V.S., Velichko V.N. *Nagrody vneshney razvedki. Simvoly professionalizma* [Foreign Intelligence Awards. Symbols of Professionalism]. Moscow, 2010. 176 p.
8. *Vnutrennie voyska v gody mirnogo sotsialisticheskogo stroitel'stva, 1922–1941 gg. Dokumenty i materialy* [Internal Troops During the Years of Peaceful Socialist Construction, 1922–1941. Documents and Materials]. Moscow, 1977. 640 p.
9. Kokurin A.I., Petrov N.V. *Lubyanka: Bodies of VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991*. Moscow, 2003. 768 p. (in Russ.).
10. Zolotov V.V. (ed.). *Ot vnutrenney strazhi Rossiyskoy imperii k voyskam natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii* [From the Internal Guard of the Russian Empire to the National Guard Forces Command of the Russian Federation]. Moscow, 2019. 160 p.
11. Dullin S. *La frontière épaisse: Aux origines des politiques soviétiques, 1920–1940*. Paris, 2014. 355 p. (Russ. ed.: Dyullen S. *Uplotnenie granits: k istokam sovetской politiki, 1920–1940-e*. Moscow, 2019. 414 p.).
12. Kuznetsov D.V. (comp.). *Sovetskie konstitutsii. Ch. 2. SSSR, 1922–1936 gg.* [Soviet Constitutions. Pt. 2. USSR, 1922–1936]. Blagoveshchensk, 2015. 334 p.
13. Mozokhin O.B. *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deyatel'nost' organov VChK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953 gg.)* [Repression as Reflected in Figures and Documents. The Work of VChK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953)]. Moscow, 2018. 480 p.
14. Aripov R.A., Mil'shteyn N.Ya. *Iz istorii organov gosbezopasnosti Uzbekistana: (Dokumental'nye ocherki istorii 1917–1930 gg.)* [From the History of the Security Apparatus of Uzbekistan (Documentary Essays on the History of 1917–1930)]. Tashkent, 1967. 184 p.
15. Aribzhanov R., Artyukhov E., Shtutman S. *Diviziya imeni Dzerzhinskogo* [Dzerzhinsky Division]. Moscow, 2007. 476 p.

16. Bogdanov Yu.N. *30 let v OGPU–NKVD–MVD: ot operupolnomochennogo do zamestitelya ministra* [30 Years in OGPU–NKVD–MVD: From Detective to Deputy Minister]. Moscow, 2013. 576 p.

17. Teplyakov A.G. “Kak ne podkhodyashchiy po lichnym podvigam v boevoy obstanovke”: nagradnye dokumenty sibirskikh chekistov 1930–1931 godov [“As Inapplicable in Terms of Heroic Acts in a Combat Situation”: Award Papers of Siberian Chekists in 1930–1931]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 159–167.

18. Report of the Chairman of the Joint State Political Directorate V.R. Menzhinsky in the Political Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Project of Felix Dzerzhinsky Order, Dated 14 November 1932. *Russian State Archives of Socio-Political History*. Coll. 558. Inv. 1. Fol. 5284. F. 1 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V213

Dmitriy V. Shunyakov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
ul. Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179> e-mail: konigsberg039@mail.ru

AWARDING LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE USSR DURING THE PERIOD OF AWARD DUALISM (1922–1933)

The paper investigates the practice of awarding law enforcement bodies after the establishment of the Soviet Union in 1922. It is stated here that the unification of the republics necessitated the creation of an all-union award system. At the same time, the award systems in the union and autonomous republics of the USSR continued to exist. This study is based on the principles of historicism, objectivity and systematic approach. Using statistical analysis, the author quantified the award data obtained by continuous sampling. Archival materials, published sources and memoirs demonstrate that the all-union and republican award systems were largely similar and were based on the award principles that had been developed during the Civil War. At the same time, despite the need, no special awards for law enforcement bodies were ever established at the state (all-union) level. The award practice indicates that the highest awards – orders – were given extremely rarely due to the lack of provisions in the statutes for rewarding specific activities of law enforcement officers. The most common types of awards were departmental: decorations as well as material (valuable gifts and bonuses) and moral rewards (certificates of acknowledgement, certificates of merit, banners). The awards could be both individual and collective. The author concludes that 1922–1933 was a transition period from the republican award systems to the all-union system. The award dualism was caused by a difficult crime situation and, as a result, the need to distinguish law enforcement officers, as well as by the inability of the state leadership to promptly establish an effective award system. As soon as the USSR award system was created, the republican awards were abolished.

Keywords: *Soviet Union, NKVD, award system, award dualism, award, order, valuable gift.*

Поступила 22.02.2022
Принята 22.08.2022
Опубликована 16.11.2022

Received 22 February 2022
Accepted 22 August 2022
Published 16 November 2022

For citation: Shunyakov D.V. Awarding Law Enforcement Officers in the USSR During the Period of Award Dualism (1922–1933). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V213

УДК 94(44).031:[2+726]

DOI: 10.37482/2687-1505-V212

ШАПОВАЛОВА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета. Автор 26 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9146-0760>

МОТИВ ГОЛГОФЫ В CHAPELLE ARDENTE ЛОТАРИНГСКИХ ПРИНЦЕВ (1589 год)

Статья посвящена поминальным церемониям в честь Лотарингских принцев, герцога Генриха де Гиза и кардинала Людовика де Гиза, убитых в Блуа по приказу короля Генриха III де Валуа, одной из особенностей которых стало создание символических «пылающих капелл» (*chapelle ardente*) во французских церквях. Украшение данных капелл отражало не только религиозные и политические идеи сторонников Гизов, но и изменения в религиозном искусстве, не связанные с конкретной ситуацией. Например, доминирующий мотив Голгофы, влияние которого на интерьеры французских церквей усилилось к концу XVI века в связи с решениями Тридентского собора, или триумфальные мотивы, характерные для репрезентации представителей власти в течение всего XVI века и имевшие принципиальное значение в контексте развития идей Ренессанса, а также галликанских настроений. Основными визуальными источниками для уточнения иконографии являются гравюры, как самостоятельные (ряд работ католических гравиров, откликнувшихся на убийство в Блуа, и прежде всего работа Жака Лалуэтта, в деталях воспроизводящая парижскую *chapelle ardente*), так и в виде книжных иллюстраций, и описания подобных капелл, изображения которых до нас не дошли (например, текст Пьера Матье с описанием церемонии и капеллы в Лионе). Среди основных мотивов, присутствующих в сюжете о гибели Лотарингских принцев, кроме Голгофы можно выделить подражание Христу, а также триумфальные мотивы в античной манере, характерные как для придворного искусства эпохи религиозных войн в целом, так и конкретно для дома Гизов.

Ключевые слова: французская гравюра, религиозные войны во Франции, Генрих де Гиз, Людовик де Гиз, *chapelle ardente*, Жак Лалуэтт, Пьер Матье.

---

*Адрес: 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 5; e-mail: e.sokhina@gmail.com

Для цитирования: Шаповалова Е.В. Мотив Голгофы в *chapelle ardente* Лотарингских принцев (1589 год) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 15–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V212

Когда в декабре 1588 года, в разгар религиозных войн, король Франции Генрих III де Валуа принял решение устранить Лотарингских принцев¹, лидеров католической партии, уничтожение их тел должно было не допустить возникновения нового культа. На деле же получилось ровно наоборот. Уже через несколько дней в лояльных принцам городах, прежде всего в Париже, сторонниками Гизов начинают проводиться памятные церемонии², по форме близкие к традиционной христианской литургии, но с предельно политизированным содержанием, носившим ярко выраженный тираноборческий характер.

Одной из особенностей данных церемоний стало создание символических (в отсутствие тел и, как следствие, реальной погребальной церемонии) «пылающих капелл» (*chapelle ardente*) во французских церквях³. Жак Лалуэтт, французский гравёр, примкнувший к Католической лиге, на одной из своих гравюр⁴ воспроизвел интерьер парижской капеллы (*рис. 1*), Пьер Матье оставил описание другой подобной капеллы в Лионе⁵ и т. д. Насколько можно судить по текстовым источникам, убранство *chapelle ardente* было достаточно однообразно: стены драпировались черной тканью и украшались гер-

¹Герцог Генрих де Гиз и его младший брат кардинал Людовик де Гиз были убиты в замке Блуа 23 и 24 декабря 1588 года. О том, что их тела были сожжены, а пепел выброшен в воды Луары, упоминается в ряде источников. Безусловное возмущение сторонников Гизов вызывало «надругательство над мертвыми телами» [*Registres des deliberation du bureau de la ville de Paris*. Т. 9. Paris, 1902. P. 229, 231–232], сожжение которых исключило возможность христианского погребения. Факт сожжения тел признается и сторонниками короля. Так, об этом пишут л'Этуаль [L'Estoile P. de. *Registre-journal du règne de Henri III, Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France* / par MM. Champollion-Figeac et Aimé Champollion fils. Paris, 1837. P. 269] и Мирон [*Relation de la mort de Messieurs les duc et cardinal de Guise* / par le sieur Miron, medecin du roy Henri III // *Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. S. I, T. 12. Paris, 1836. P. 111–138, P. 137], а у де Ту мы находим информацию, что тела были помещены в известь, «чтобы уничтожить все следы» [*Histoire universelle* // de Jacque-Auguste de Thou. T. 10. Londres, 1734. P. 479]. Данный сюжет также нашел отражение в гравюрах, созданных в среде сторонников принцев (*Comme Henry fait mettre en pieces les corps des deux Princes martyrs, puis les fait jeter au feu pour les consommer en Cendre*. Gravure sur bois, avec légende, L'Estoile P. de; *Les belles Figures et Drolleries de la Ligue avec les peintures Placcars et Affiches iniurieuses et diffamatoires contre la memoire et honneur du feu Roy que les Oisons de la Ligue apeloient Henri de Valois, imprimées, criées, preschées et vendues publiquement à Paris par tous les endroits et quarefours de la Ville l'an 1589 (1580–1606)*. Bibliothèque nationale de France, département Réserve des livres rares, RES FOL-LA25-6, Fol. 9 v; *Le soufflement et conseil diabolique deperson a Henry De Vallois, Pour saccager les catholiques*. Gravure sur bois, avec légende, L'Estoile P. de; *Les belles Figures et Drolleries de la Ligue ...* Fol. 8 v).

²Согласно распоряжениям местной власти от 28 января 1588 года в Париже данные церемонии были назначены на 29 и 30 января [*Registres des deliberation du bureau ...* P. 276–277], а один из сторонников Гизов описывает поминальные мессы в их честь уже 9 января [*Journal de François, bourgeois de Paris: 23 décembre 1588–30 avril 1589* / par Eugène Saulnier. Paris, 1913. P. 24]. Мы также находим описание траурных интерьеров церквей [Ibid], регулярных процессий [*Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII*. T. XII. Paris. 1836. P. 275] и богослужений не только в таких значимых церквях, как Сен-Жермен л'Оксеруа и Собор Парижской Богоматери, но и «в каждом приходе Парижа» [*Archives curieuses ...* P. 276].

³Согласно Дени Крузе, одна из первых таких капелл была устроена в парижской церкви Сен-Жерве. Затем подобная практика распространилась и на другие приходы [1, с. 495], а своей кульминации церемонии достигают в капелле Собора Парижской Богоматери [1, с. 496–497].

⁴*Les Effigies de feux Monsieur de Guise et Monsieur le cardinal son frere massacrez à Bloys, Pour soutenir l'Eglise Catholique et la loy de nostre sauueur Iesu-christ*. Gravure sur bois, coloriée, avec légende, L'Estoile P. de; *Les belles Figures et Drolleries de la Ligue ...* Fol. 10 r.

⁵*Pompe funebre des penitents de Lyon, en deploration du massacre fait à Blois sur les illustres & genereuses personnes de Louys & Henry de Lorraine*. Avec l'Oraison sur le mesme sujet / prononcé par M. Pierre Matthieu, Docteur és Droicts & Aduocat à Lyon, Lyon, Jacques Roussin, 1589.

бами и девизами герцога и кардинала. Свечи, освещавшие капеллы, дополнительно актуализировали мотив пламени.

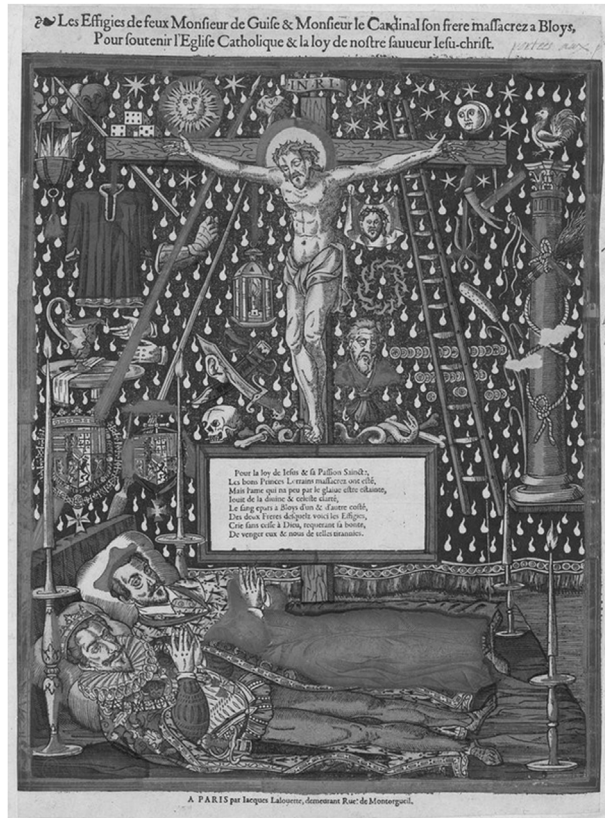

Рис. 1. Жак Лалуэтт. Изображение герцога де Гиза и его брата кардинала де Гиза, убитых в Блуа. 1589. Гравюра на дереве, цветная. Коллекция П. л'Этуэля. Национальная библиотека Франции, Париж

Fig. 1. Jacques Lalouette, *Depiction of Duke of Guise and His Brother Cardinal of Guise, Who Were Assassinated in Blois*, 1589, woodcut, colour, collection of P. l'Etoile, National Library of France, Paris

Целью данного исследования является анализ приемов, прежде всего визуальных, при помощи которых выстраивался публичный образ политических лидеров в контексте гражданского противостояния, на примере посвященных братьям Гизам погребальных церемоний, явно

политизированных и имевших пропагандистские цели. Несмотря на то, что *chappelle ardente* часто упоминаются в работах, посвященных убийству в Блуа, Католической лиге⁶ или религиозным войнам в целом, предмет специального исследования они не становились. Однако их символический визуальный ряд является ценным источником информации для уточнения иконографии фигур, значимых как в религиозной полемике, так и в вопросах формирования общественного мнения, каковыми, несомненно, являлись Лотарингские принцы.

Политическая гравюра, создаваемая лиге-рами после убийства Лотарингских принцев, способствовала укреплению образа братьев Гизов как мучеников, принесенных в жертву, что в свою очередь объясняло активное использование мотива подражания Христу. На гравюре Лалуэтта мы видим шпалеру с изображением Страстей, а также Распятие, отсылающее к реальным алтарным образам и в то же время акцентирующее мотив Голгофы.

Выстраивая композицию, мастер создает иллюзию присутствия в реальном помещении – расположение светильников не только отсылает к действительности, но и конструирует объемное пространство. Установленные у изголовья и ног принцев светильники подчеркивают периметр капеллы. А чередующиеся планы изображения дополняют этот эффект. Распятие не выглядит частью изображения на шпалере – его подножие расположено подчеркнуто ближе, так что это не только символический образ, но и воспроизведение Распятия, в действительности установленного в парижской капелле по случаю траурных мероприятий. Что касается представления Страстей, то, конечно же, обращает на себя внимание их детализация. В то же время часть изображений на шпалере (например, игральные кости) визуально соединяются с Распятием. Равно как орден Святого Духа, украшающий герцогский герб, касается ложа принцев над головой герцога. Но если во втором

⁶Например, Д. Крузе анализирует гравюру Ж. Лалуэтта наряду с другими изображениями тираноборческого толка [1].

случае это может быть объяснено тем, что щиты с гербами Лотарингских принцев действительно устанавливались в подобных капеллах и на гравюре являются отражением использования геральдических элементов в интерьере, символы Страстей «переходят» в реальное пространство. Таким образом, пространственные планы гравюры перетекают друг в друга. И, кроме художественного эффекта, это имеет и символическое значение: из реального пространства *chapelle ardente* Гизы переходят в царство Христа.

Гербы Лотарингских принцев в данном случае служили не только идентификации главных героев⁷. Не все лигеры были гизарами, однако Лига активно использовала гнев парижан из-за убийства принцев в целях консолидации общества против короля. Следовательно, гербы подчеркивали, прежде всего, высокий статус погибших и их значимость для последователей, а также тот факт, что герцог и кардинал состояли в Ордене Святого Духа. Одним из мотивов лигеров стало «изобличение» показной религиозности короля (*рис. 2*). Монарх, учредивший Орден Святого Духа, принимавший активное участие в религиозных обрядах монастырей, разделявший их духовность, совершавший паломничества, на деле оказался великим лицемером, без суда, вопреки собственной клятве поднявшим руку на «защитников истинной веры», пэров Франции, один из которых был к тому же архиепископом Реймским и кардиналом. Булла *In coena domini* позволяла папе отлучить короля от церкви⁸. А парижанам, как и всем добрым католикам Франции, предписывалось не знать покоя, пока воз-

мездие не свершится. Многочисленные памфлеты лигеров были столь же эмоциональны, как были экспрессивны их гравюры. И те и другие поддерживали тираноборческие настроения в обществе.

Рис. 2. Фальшивая личина великого лицемера Франции. 1589. Ксилография. Коллекция П. л'Этуэля. Национальная библиотека Франции, Париж

Fig. 2. *The False Face of the Great Hypocrite of France*, 1589, xylograph, collection of P. l'Etoile, National Library of France, Paris

Французский исследователь Дени Крузе обращает внимание на то, что взгляд кардинала на гравюре Лалуэтта (*рис. 1*) обращен к зрителю [1, с. 507]. Он интерпретирует этот прием как призыв к отмщению. И с этим сложно не согласиться, учитывая, что в центральной части гравюры помещен текст, также говорящий о возмездии за пролитую кровь принцев:

⁷Подобные изображения гербов по своей смысловой нагрузке были ближе к девизам, отражавшим уже не столько родовую принадлежность, сколько конкретно-политическую [2, с. 203]. Идея изобразительного девиза как политического знака была широко распространена в визуальной культуре XVI века [2, с. 206]. На гравюре Лалуэтта (*рис. 1*) мы видим гербы Генриха и Людовика де Гиза, выполненные в виде традиционных щитов. Например, кардинальская шляпа «галеро» была устойчивым элементом геральдики священнослужителей, начиная с XIV века [3, с. 211–212]. В то же время для автора в приоритете был не сам факт того, что Людовик де Гиз был кардиналом, а то, что убит был кардинал.

⁸13 января 1589 года датируется поручение, данное депутатам Парижа, отправленным в Рим «со смиреннейшим протестом» против убийства Гизов [*Registres des deliberation du bureau ...* P. 247], однако еще до этого в столице ходили слухи, будто король уже отлучен [*Journal de François ...* P. 20, 27].

*За веру и страсти Христовы
Были убиты добрые принцы Лотарингские,
Но душа, сраженная мечом,
Пребывает в божественном небесном свете,
А кровь обоих братьев, изображенных здесь,
Пролитая в Блуа,
Взывает непрестанно к Богу, моля о
Возмездии...*

При этом взгляд герцога де Гиза обращен в сторону, что не может не привлекать дополнительного внимания к кардиналу, словно это именно он обращается к верным с призывом. Чем вызвано подобное внимание к кардиналу? Прежде всего, тем обстоятельством, что духовный сан Людовика де Гиза был основанием для отлучения короля от церкви. Это лишнее доказывает, что политическая гравюра периода религиозных войн во Франции имела вполне прикладное значение. Если одной из ее функций и было сохранение исторической памяти, фиксация события, то она явно не выглядит перво-степенной. Основная задача подобных гравюр – поддержание тираноборческих настроений, направленных против короля. Этим объясняется популярность у лигеров техники гравюры на дереве, рассчитанной на более широкую целевую аудиторию по сравнению с гравюрой на меди.

Но в таком случае возникает вопрос: а не является ли образный ряд гравюр, посвященных траурным церемониям в честь братьев Гизов, преимущественно символическим и могут ли подобные гравюры служить источником информации о реальных *chapelle ardente*? Детальное изображение Страстей было совершенно не обязательным для тканей, которыми драпировались церкви в

таких случаях (более того, описания драпировок ни о чем подобном и не говорят), типологическая параллель между произошедшим в Блуа и событиями на Голгофе считывалась и без него. Этому способствовало установление Распятия как центральной скульптурной композиции. Какие же символы, кроме геральдических, получили наибольшее распространение в поминальных церемониях, посвященных Лотарингским принцам, и реально присутствовали в интерьерах капелл? И как они соотносились с мотивом Голгофы? Рассмотрим описание еще одной подобной капеллы, составленное Пьером Матье.

Лионская «пылающая капелла» была устроена в той же манере, что и парижская. Примечательно, что церемонии в ней проводились в июне 1589 года⁹, т. е. мы видим, как на протяжении всего периода с момента убийства герцога и кардинала и фактически до самой гибели короля¹⁰ при помощи траурных мероприятий с характерной визуализацией события поддерживались тираноборческие настроения не только в Париже, но и в других нелояльных Генриху III городах. В Лионе ключевую роль в подобных церемониях играла община кордельеров¹¹, прежде тесно связанная с монархом и гордившаяся его участием в их покаянных процессиях. После убийства принцев, как пишет Пьер Матье, имя короля было «вычеркнуто»¹², поскольку его причастность к деятельности коллегии ставила целью лишь «сокрыть его нечестие»¹³. Более того, сама религиозность Генриха III была поставлена под сомнение¹⁴. Именно в этом ключе развивается тема «разоблачения короля», получившая распространение в гравюре

⁹*Pompe funebre, faite à Lyon au Devot College des Penitens, aux obseques du Cardinal de Guise & de son frere; Pompe funebre des penitents de Lyon, s.p.*

¹⁰Генрих III скончался от нанесенной ему Жаком Клеманом раны 2 августа 1589 года.

¹¹В Орлеане также в церкви Кордельеров были установлены два барельефа с изображениями Лотарингских принцев [1, с. 499].

¹²*Pompe funebre, faite à Lyon au Devot College des Penitens ...; Pompe funebre des penitents de Lyon, s.p.*

¹³*Ibid.*

¹⁴В публичном пространстве сторонниками Генриха III подчеркивалось покаяние короля после убийства Гизов. Так, Мирон пишет, что Генрих III надевает облачение капуцина в знак покаяния [*Relation de la mort de Messieurs les duc et cardinal de Guise*. P. 83–84].

и воплотившаяся, в частности, в уже упомянутом образе «великого лицемера». Так, на плакате (рис. 2) на дальнем плане мы видим процессию, несущую Распятие. Это кающиеся, среди которых так часто шествовал сам король. А на переднем плане представлен антихрист в облачении кающегося грешника и с четками (подчеркнуто католическим символом) в руках, руководящий убийством принцев. Герцог уже убит, и люди короля наносят смертельные удары кардиналу. Таким образом, перед нами «истинный облик» монарха. По эмоциональному посылу подобное изображение не уступает более динамичным композициям. При этом иконографические схемы изображения герцога и кардинала переключаются с другими гравюрами лигеров, а также книжными иллюстрациями¹⁵.

Отвернувшись от Генриха III кордельеры устраивают капеллу в честь погибших братьев Гизов по тем же правилам, что и другие. Интерьер драпируется черной тканью, устанавлива-

ется множество изображений гербов и девизов, а также возводятся две пирамиды (или обелиска). Пирамиды в данном случае следует рассматривать как триумфальный мотив¹⁶. Причем, согласно Матье, одну из них украшала церковная эмблема как знак набожности, а вторую – военная, символ храбрости¹⁷. Таким образом, триумфальный мотив можно разделить на «два меча», «светский» и «духовный», соответствующие статусу герцога и кардинала, или же рассматривать его как аллегорию добродетелей, присущих обоим принцам.

Сам символ обелиска для иконографии Лотарингского дома был не нов – он служил личной эмблемой кардинала Карла Лотарингского¹⁸, дяди убитых принцев и одного из признанных лидеров католической партии в 1560–1570-е годы. Следует вспомнить хотя бы семейный портрет Гизов работы Леонара Лимозена¹⁹, где используются такие мотивы, как триумф евхаристии и процессия, движущаяся в направлении пирамиды²⁰. Это была визуализация торжества христианской веры

¹⁵Изображение герцога практически идентично представленному на гравюре *Le vray pourtraict de ce grand et magnanime duc de Guise, pillier de l'église, cruellement assassiné par Henry de Valois, en la ville de Bloys*. Estampe, s.n., Gravure sur bois, Appartient à: Recueil, Collection Michel Hennin. Estampes relatives à l'Histoire de France, T. 9, Pièces 810–923, période: 1588–1589, Bibliothèque nationale de France, département Estampes et photographie. Данной листовке соответствуют иллюстрации в изданиях: *Boucher J. La vie et faits notables de Henry de Valois. Maintenant toute au long, sans rien requérir. Où sont contenues les trahisons, perfidies, sacrileges, exactions, cruautés, hontes de cet Hypocrite, ennemy de la Religion Catholique*. Paris, Chez Didier Millot, 1589. P. 75; *Histoire au vray du meurtre et assassinat proditoirement commis au cabinet d'un Roy perfide, barbare, en la personne de Monsieur le duc de Guise, Protecteur et Deffenseur de l'Eglise Catholique, du Royaume de France: ensemble du massacre aussi perpetré en la personne du Cardinal, son frère, sacré ...* 1589. P. 97. Сцена убийства кардинала де Гиза аналогична представленной на гравюрах *Le martire cruel du Reverendissime Cardinal de Guise ...* Gravure sur bois, avec légende, 24,6×38 cm, L'Estoile P. de; *Les belles Figures et Drolleries de la Ligue ...* Fol. 8 r, иллюстрации издания Pinselet Ch. *Le martire des deux freres ...* 1589. Petit Palais, musée des Beaux-arts de la Ville de Paris. LDUT688. P. 41, картине *L'Assassinat du Cardinal de Guise, Le martyr cruel du révérendissime Cardinal de Guise sous l'inhumain tyran Henry*. 4e quart 16e siècle. Parchemin bois, peinture à l'huile. 69,7×58,2 cm. Musée du Château, Blois. Подробнее об иконографических схемах лигеров в сюжете «убийство братьев Гизов в Блуа» см. [4].

¹⁶В том же значении были установлены пирамиды у «пылающей капеллы» в Тулузе [1, с. 504].

¹⁷*Pompe funebre, faicte à Lyon au Devot College des Penitens ...; Pompe funebre des penitents de Lyon*, s.p.

¹⁸О пирамиде как эмблеме кардинала Карла Лотарингского подробнее см. [5].

¹⁹*Léonard L. Triumph of the Eucharist and of the Catholic Faith*, Limoges, ca 1560. Enamel on copper. 19.7×25.4 cm. The Frick Collection, New York.

²⁰До гибели короля Генриха II эмблема кардинала украшалась полумесяцем и монограммой короля, что вместе с девизом «Пока ты стоишь, я процветаю», подчеркивало служение Гизов христианнейшему монарху. Особенно, когда подобная эмблема появлялась в книгах или манускриптах кардинала в контексте полемики с протестантами. Как, например, в *Textes relatifs à la transsubstantiation et au culte des images*, 1550–1559. Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits.

и идеи движения с видимым ориентиром для верных, наподобие того, как реальный обелиск в Риме мог служить ориентиром для паломников. В контексте Контрреформации идея истинного ориентира приобретает новый смысл, а в случае с печальной участью Лотарингских принцев триумфальная тема дополняется «жертвой братьев за истинную веру», что возвращает нас к теме «подражания Христу», триумфу Христа и мотиву Голгофы.

Активное использование триумфальных мотивов в репрезентации короля и представителей знатных домов было характерно для французского искусства с начала XVI века. Круг мастеров, относимых к первой школе Фонтенбло, воплощал идею величия Франции и ее монарха, используя все возможные техники, ренессансные приемы и образный ряд²¹. Нередко производились заимствования из узнаваемых литературных произведений. Так, например, произошло с трактатом «Гипнэротомехия Полифила», изданием которого занимались те же мастера, что разрабатывали программу торжественных декораций для королевских въездов в города²². Многочисленные пирамиды на животных рядом с сооружениями или над ними,

изображения которых были представлены на иллюстрациях, претерпевают незначительные изменения²³ и получают воплощение в декорациях арок городских ворот по пути следования короля из Парижа в Реймс и в качестве украшений дворца То²⁴ и т. д. При этом сходство художественных решений не предполагало обязательный ассоциативный ряд с трактатом. Например, в описании декораций к коронации Генриха II²⁵, составленном очевидцем, нет отсылок к текстам, а обелиск дворца То воспринимается как сооружение в «римском стиле». Следует отметить, что XVI век – это период повышенного археологического интереса к римским древностям, время, когда свои труды создает Лигорио, анализировавший античные памятники, в частности описывавший обелиски [8, с. 96]. Можно предположить, что отсылки к Риму считывались более широкой аудиторией, что имело большое значение для публичных мероприятий.

Развитие триумфальных мотивов в связи с погребальными церемониями мы видим, например, в ситуации с гибелью короля Генриха II. В частности, в серии рисунков Антуана Карона, выполненных к тексту Николая Уэля «Исто-

²¹Во французской гравюре преобладали темы религиозного содержания, второй по популярности темой была репрезентация короля и представителей аристократии. Так, в Париже одним из издателей становится Симон Вотр. Исследователи отмечают итальянское влияние на композиции издаваемых Вотром гравюр [6, с. 18].

²²Так, например, изданием «Гипнэротомехии Полифила» занимался Жан Мартен, работавший над созданием декораций для въезда короля Генриха II в Реймс и Париж [7]. Среди авторов программы церемонии въезда называют Жана Кузена, Жана Гужона и Филибера де Лорма.

²³Например, изображение носорога с обелиском на спине из представляющей декорации Livret (*C'est l'ordre qui a este tenu a la nouvelle et joyeuse entrée, que treshault, tresexcellent, & trespuissant Prince, le Roy treschrestien Henry deuzieme de ce nom à faicte en sa bonne ville & cite de Paris, capitale de son royaume, le sezieme jour de juin M.D.XLIX*. Paris chez Jacques Roffet dict le Faulcheur, en la rue Gervais Laurés, à l'enseigne du Soufflet pres sainte Croix en la cité, par privilège du Roy, 1549) вполне можно связать с образом слона из «Гипнэротомехии Полифила» (*Hypnèrotomachie, par F. Colonna, ou Discours du songe de Poliphile, déduisant comme Amour le combat à l'occasion de Polia, nouvellement traduit de langage italien en françois* / édité par Jean Martin et traduit par le Cal de Lenoncourt., 1546).

²⁴Кардинал Карл Лотарингский, а затем его племянник кардинал Людовик Лотарингский, погибший в Блуа, последовательно были архиепископами Реймса, коронованными королями Франции. Резиденцией архиепископа традиционно считался дворец То, расположенный в непосредственной близости от Реймского собора.

²⁵Автором текста принято считать Паоло Герардо, которому также принадлежит описание церемонии погребения короля Франциска I. Текст был опубликован в Венеции в 1547 году. *L'entrée du Roi Très Chrétien Henri II dans la ville de Reims et son couronnement* / traduction de l'italien, communiquée par M. Hugues Krafft. Reims, 1913.

рия королевы Артемизии»²⁶. В центре внимания увековечивание памяти Мавсола (рис. 3) и прославление почившего великого правителя, а также «доброе правление» королевы Артемизии, в чьем образе легко угадывалась Екатерина Медичи²⁷. Визуальный ряд, с одной стороны, цитировал узнаваемые объекты, такие как скульптура богини Дианы из замка Ане, или следовал узнаваемой манере, популярной при дворе, например Жана Гужона, а с другой, делал акцент на символическом значении образа. Так, архитектура, посвященная Мавсолу, не похожа на настоящую гробницу Генриха II, чьей типологической параллелью она в данном случае является. Рисунок Антуана Карона посвящен триумфу короля и победе над смертью, соединяя темы его военной доблести и религиозности и активно используя мотив обелиска²⁸. И в этом контексте пирамиды в лионской *chapelle ardente* Лотарингских принцев вполне следуют сложившейся традиции.

Тема огня также получила дополнительное толкование. Согласно описанию Пьера Матье пирамиды в лионской капелле были украшены изображением пылающего сердца²⁹. Подобные изображения использовались и в других случаях, когда речь шла о братьях Гизах. Прежде всего, это плакаты и книжные иллюстрации в сочинениях тираноборческого толка. Так, памфлеты содержат изображения короля Генриха III, пора-

Рис. 3. Антуан Карон. Иллюстрация к «Истории королевы Артемизии» Николая Уэля, 1563–1570

Fig. 3. Antoine Caron, Illustration for the *History of Queen Artemisia* by Nicolas Houël, 1563–1570

жающего принцев в сердца³⁰, и сами пронзенные сердца³¹. Часто популярный мотив используется неоднократно, в том числе в более сложной композиции, где появляется образ Голгофы³² (рис. 4).

Лотарингские принцы предостоят перед Распятием, сердце герцога пронзено кинжалом, кардинала – стрелой. При этом у второго мотива нет исторических оснований, стрела воспри-

²⁶*Histoire de la reine Artémise*. Antoine Caron, Dessinateur, Nicolas Houël, Auteur du texte, 39 dess.: plume et encre brune, lavis avec réhauts de blanc sur pierre noire, 44×50 cm, Bibliothèque nationale de France, département Estampes et photographie, EST RESERVE AD-105.

²⁷Визуальный ряд дополняет размещенный в верхней части рисунка девиз королевы: *Ardorem extincta testantur vivere flamma*.

²⁸Следует отметить, что, как и многие французские художники его эпохи, Антуан Карон находился под влиянием итальянского искусства, прежде всего Рафаэля и др. [9, с. 11].

²⁹*Pompe funebre, faicte à Lyon au Devot College des Penitens ...; Pompe funebre des penitents de Lyon*, s.p.

³⁰*Tumbeau sur le trespas et assassinat commis aux personnes de Messeigneurs de Guyse à Bloys le XXIIIe et XXIIIe Decembre 1588*, Avec fig. gravée sur bois, L'Estoile P.de; *Les belles Figures et Drolleries de la Ligue avec les peintures Placcars et Affiches ...* Fol. 10 v.

³¹*Le martire des deux freres contenant au vray toutes les particularitez plus notables des massacres & assassinats commis [contre le] Cardinal de Guyse et le Duc de Guyse*, Là ou l'on verra les Figures au vif des deux Martirs, 1589.

³²*Action de graces à Dieu pour les beaux exploits faicts à Saint Ouyn pres la ville de Tours, par Monseigneur le duc de Mayenne*, à Paris, pour Pierre Des-Hayes, rue du Bon puis, 1589. В издании того же текста в Труа композиция меняется, однако мотив Голгофы как доминирующий остается (*Action de graces à Dieu, pour les beaux exploits faicts à Saint Ouyn, pres la ville de Tours, par Monseigneur le duc de Mayenne: à Troyes*, de l'imprimerie de Jean Moreau, 1589).

Рис. 4. Иллюстрация к памфлету «Мученичество двух братьев...», 1589

Fig. 4. Illustration for the pamphlet *The Martyrdom of Two Brothers...*, 1589

нимается как аллегория мора, абсолютное зло и кара божья, воплощенные в короле, ставшем причиной гибели Людовика де Гиза. Учитывая восприятие лигерами Генриха III как антихриста, здесь имеют место и апокалиптические коннотации. Тем более что изображение самих сердец было глубоко символичным. Они воспринимались как ревность принцев во всех делах, но прежде всего в делах религии, и символизировали любовь к отечеству и преданность, а также их глубокую и искреннюю веру³³. Плающие сердца означали, что истинная вера герцога и кардинала разгоняет мрак ереси³⁴, освещая путь их сторонникам подобно факелам. Однако огонь ассоциировался и с сильным чувством — гневом добрых католиков из-за совершившегося убийства³⁵. Пепел принцев, чьи тела были сожжены, разжигает пламя в сердцах тех, кто готов

к возмездию³⁶. Таким образом, изображения сердец соотносятся как с самими принцами (на это однозначно указывают герцогская корона и галеро), так и выводят читателя трактата или молящегося в капелле на более широкую проблему — истинной веры и борьбы за нее с готовностью принести себя в жертву. Дени Крузе выделяет здесь три основных мотива: страдания, поклонения и моления [1]. Гизы становятся эталоном в развитии темы «подражания Христу».

В некоторых случаях, как, например, в публикациях призывов к молитве за принцев, сохранился традиционный образ Голгофы с предстоящими Девой Марией и Иоанном. Однако и без изображения Гизов, учитывая содержание текста, мотив «подражания Христу» прочитывается в контексте их истории в соединении с темой победы над смертью.

В случае с лигерами использование узнаваемых иконографических схем, безусловно, имеет символическое значение. Однако даже в этом случае нельзя полностью исключать проблему технического заимствования популярных приемов. Так, Жак Лалуэтт, гравюра которого воспроизводит парижскую *chappelle ardente*, был автором целого ряда гравюр на религиозную тематику. В частности, его авторству принадлежит работа «Мистический винный пресс», выполненная в 1572 году. Сравнивая эту гравюру с работой Франсуа Жанса, посвященной убийству Гизов, мы видим определенное сходство в положении фигур герцога у Жанса и Христа у Лалуэтта. Можно ли объяснить подобное «заимствование» копированием понравившегося приема? Вполне. Однако следует признать, что политическая гравюра этого времени, будучи одним из эффективных инструментов распространения идей, в большинстве случаев подобные совпадения использовала намеренно. И это лишь один из примеров наряду с другими: в изображениях мы находим сходство с иконо-

³³*Pompe funebre, faicte à Lyon au Devot College des Penitens ...; Pompe funebre des penitents de Lyon*, s.p.

³⁴*Ibid.*

³⁵*Ibid.*

³⁶*Ibid.*

графическими схемами поругания Христа и т. д. То есть мотив Голгофы лишь один из них, пусть и довольно значимый.

Можно предположить, что имеющий место акцент на мотив Голгофы объясняется и общими тенденциями во французском религиозном искусстве конца XVI века, связанными с «воспитанием мирян» в духе решений Тридентского собора, затронувших и интерьеры культовых сооружений. В частности, с тем, что касалось единообразия устройства. И, конечно же, с акцентом на крестную жертву. Верующим следовало предоставить достаточное пространство для предстояния и молитвы [10, с. 30–31]. А подчеркнутая роль главного алтаря с Распятием и Святыми Дарами становилась узнаваемым противопоставлением обустройства «католического пространства» «протестантскому»³⁷. Коснулось это и королевской иконографии³⁸. Так, Голгофа и евхаристия в композиции подчеркивают добродетели и религиозность Генриха III. Коленопреклоненный монарх перед Распятием демонстрирует образец смирения и набожности, притом, что его образ в целом чрезвычайно сдержан, словно перед нами король-монах³⁹. Идея воспитания «правильной религиозности» импонировала лигерам, так что мастера, разделявшие те же взгляды, интерпретируя образы Лотарингских принцев, вписывали их в том числе и в контекст политики Тридентского собора⁴⁰. А также противопоставляли «истинную рели-

гиозность» Гизов публичному образу короля, по их мнению, ничего общего не имевшему с реальностью. Но в то же время визуальные образы, создаваемые лигерами, отражали окружающую их действительность, делая процесс наполнения идей двунаправленным. Давид Эль Канз обращает внимание на усиление библейской тематики во французской визуальной культуре в связи с религиозными войнами [15, с. 89], однако подобная тенденция соответствовала и идеям Контрреформации в целом.

Подводя итог, следует отметить, что *chapelle ardente* становится одним из устойчивых элементов посвященных Гизам памятных церемоний, визуальный ряд которых носил ярко выраженный тираноборческий характер. Устройство таких капелл было однообразно (хотя и не идентично) не только в храмах одного города, но и в разных городах, нелояльных королю. Прежде всего, устройство таких капелл следует рассматривать в контексте культа «новых католических мучеников», своеобразный пантеон которых фактически формировала Лига⁴¹. Но в то же время мы видим, что приемы, которые использовали мастера, в том числе мотив Голгофы, отражают и общие тенденции во французском религиозном искусстве. История Лотарингских принцев становилась назидательным нарративом, где в центре внимания оказывалось возмездие за них и воспитание католиков в духе «истинной веры».

³⁷Притом что Распятие оставалось излюбленным символом предыдущих эпох, предоставляющим самые широкие возможности для интерпретаций [11, с. 193], являлось устойчивым элементом традиционных визуальных циклов и имело прочную связь с литургией. В частности, сцена Распятия воспринималась как визуализация евхаристической темы и молитвы *Te igitur* [12, с. 68]. Церковь эпохи Тридентского собора настаивала на более буквальной визуализации догматов [11, с. 179].

³⁸Королевская иконография, задававшая тон в вопросах публичной репрезентации представителей аристократических домов, чутко откликалась на изменения политической ситуации. Так, например, П.Ю. Уваров отмечает, что в репрезентации Генриха II имел немаловажное значение «галликанский кризис» 1550-х годов, усиливший образ монарха как суверена в светской и религиозной сферах [13].

³⁹Anonyme. *Henri III à genoux en prière au pied de la Croix*. 4e quart du XVIe siècle (vers 1585), Huile sur vélin collée sur bois, 0,2×0,13 m, Musée du Louvre.

⁴⁰В контексте развития галликанских идей мы также видим, что уже в период правления Генриха II озвучивается необходимость создания мартиролога – каталога «новых святых», отдавших жизнь за Францию и веру и почитаемых без канонизации, чтобы «побудить потомков к подражанию их доблести» [14].

⁴¹Р. Десимон подчеркивает, что для парижан католическое вероисповедание имело также значение некой сплавляющей силы, «цементирующей чувство общности горожан» [16, с. 139].

Список литературы

1. Crouzet D. *Les guerriers de Dieu: La violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610*. Paris: Champ Vallon, 1990. Vol. 2. 737 p.
2. Медведев М.Ю. «Зима Средневековья» в поздних девизах французских королей // Сред. века. М.: Наука, 2000. Вып. 61. С. 202–216.
3. Pastoureau M. *Traité d'héraldique*. Paris: Picard, 1997. 407 p.
4. Шаповалова Е.В. Imitatio Christi в сюжете «Убийство братьев Гизов в Блуа» во французской политической гравюре XVI в. // *Studia Religiosa Rossica: науч. журн. о религии*. 2021. № 2. С. 132–156. DOI: [10.28995/2658-4158-2021-2-132-156](https://doi.org/10.28995/2658-4158-2021-2-132-156)
5. Шаповалова Е.В. Пирамида архиепископа Реймского: о триумфальных мотивах в репрезентации образа кардинала Карла Лотарингского (1525–1574) // *Studia Religiosa Rossica: науч. журн. о религии*. 2020. № 2. С. 70–85. DOI: [10.28995/2658-4158-2020-2-70-85](https://doi.org/10.28995/2658-4158-2020-2-70-85)
6. Renouvier J. *Des gravures sur bois dans les livres de Simon Vostre libraire d'Heures*. Paris: Auguste Aubry, 1862. 22 p.
7. Демидова М.А. Церемония вхождения Генриха II в Париж (1549). К вопросу о принципах формирования ренессансного образа // *Вестн. Православ. Свято-Тихон. гос. ун-та. Сер. V. Вопросы истории и теории христ. искусства*. 2016. № 1(21). С. 9–28. DOI: [10.15382/sturV201621.9-28](https://doi.org/10.15382/sturV201621.9-28)
8. Лиманская Л.Ю. Пирро Лигорио и развитие европейской археологической мысли XVI века // *Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2018. № 2(12). С. 89–101. DOI: [10.28995/2073-6401-2018-2-89-101](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-2-89-101)
9. Ehrmann J. *Antoine Caron: Peintre des fêtes et des massacres*. Paris: Flammarion, 1986. 229 p.
10. Ким Е.С. «Инструкции» Карло Борромео как приложение к декретам Тридентского собора // *Вестн. Православ. Свято-Тихон. гос. ун-та. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства*. 2018. № 29. С. 27–37. DOI: [10.15382/sturV201829.27-37](https://doi.org/10.15382/sturV201829.27-37)
11. Mâle É. *L'art religieux du XIII siècle en France: Étude sur l'iconographie du Moyen Âge et sur ses sources d'inspiration*. Paris: E. Leroux, 1898. 534 p.
12. Хрункова Е.А. Визуализация темы евхаристии в иконографической программе западного фасада базилики Сен-Дени XII века // *Вестн. Кемер. гос. ун-та*. 2013. № 1(53). С. 66–73.
13. Уваров П.Ю. «Королевское суперинтенданство над всею Галликанской церковью». Об одном малоизвестном проекте времен Генриха II (1556) / отв. ред.: И.Н. Берговская, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров // *На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке*. М., Калуга: Калуж. гос. ин-т развития образования, 2020. С. 531–554.
14. Уваров П.Ю. Проекты реформ Галликанской церкви и «повседневного благочестия» накануне Религиозных войн // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки*. 2021. Т. 23, № 2. С. 59–74. DOI: [10.15826/izv2.2021.23.2.025](https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.025)
15. El Kenz D. *Le massacre de Wassy dans le «Premier volume» de Tortorel et Perrissin (1570). La visualisation du massacre dans les premières guerres de Religion / ed. by G. Haug-Moritz, L. Schilling // Médialité et interprétation contemporaine des premières guerres de Religion*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2014. P. 82–97.
16. Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // *Варфоломеевская ночь. Событие и споры*. М.: РГГУ, 2001. С. 138–189.

References

1. Crouzet D. *Les guerriers de Dieu: La violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610*. Vol. 2. Seyssel, 1990. 737 p.
2. Medvedev M. Yu. “Zima Srednevekov’ya” v pozdnykh devizakh frantsuzskikh koroley [The “Winter of the Middle Ages” in the Later Mottos of the French Kings]. *Srednie veka* [The Middle Ages]. Moscow, 2000. Iss. 61, pp. 202–216.
3. Pastoureau M. *Traité d'héraldique*. Paris, 1997. 407 p.
4. Shapovalova E.V. Imitatio Christi in the Plot of the 16th Century French Political Engraving ‘The Murder of the Guise Brothers in Blois’. *Stud. Relig. Rossica: Russ. J. Relig.*, 2021, no. 2, pp. 132–156 (in Russ.). DOI: [10.28995/2658-4158-2021-2-132-156](https://doi.org/10.28995/2658-4158-2021-2-132-156)

5. Shapovalova E.V. The Pyramid of the Archbishop of Reims. About the Triumphal Motifs in Representing the Image of Cardinal Charles de Lorraine (1525–1574). *Stud. Relig. Rossica: Russ. J. Relig.*, 2020, no. 2, pp. 70–85. DOI: [10.28995/2658-4158-2020-2-70-85](https://doi.org/10.28995/2658-4158-2020-2-70-85)
6. Renouvier J. *Des gravures sur bois dans les livres de Simon Vostre libraire d'Heures*. Paris, 1862. 22 p.
7. Demidova M.A. Tseremoniya vkhozheniya Genrikha II v Parizh (1549). K voprosu o printsipakh formirovaniya renessansnogo obraza [The Entry of Henry II into Paris (1549). About the Principles of the Building-Up of Image in Renaissance Art]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, 2016, no. 1, pp. 9–28. DOI: [10.15382/sturV201621.9-28](https://doi.org/10.15382/sturV201621.9-28)
8. Limanskaya L.Yu. Pirro Ligorio and the Development of the European Archaeological Thought in the 16th Century. *RSUH/RGGU Bull. Ser.: Philos. Soc. Stud. Art Stud.*, 2018, no. 2, pp. 89–101 (in Russ.). DOI: [10.28995/2073-6401-2018-2-89-101](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2018-2-89-101)
9. Ehrmann J. *Antoine Caron: Peintre des fêtes et des massacres*. Paris, 1986. 229 p.
10. Kim E.S. “Instruksii” Karlo Borromeo kak prilozhenie k dekretam Tridentnogo sobora [“Instructions” by Charles Borromeo as a Supplement to Decrees of Trent Council]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, 2018, no. 29, pp. 27–37. DOI: [10.15382/sturV201829.27-37](https://doi.org/10.15382/sturV201829.27-37)
11. Mâle É. *L'art religieux du XIII siècle en France: Étude sur l'iconographie du Moyen Âge et sur ses sources d'inspiration*. Paris, 1898. 534 p.
12. Khripkova E.A. Vizualizatsiya temy evkharistii v ikonograficheskoy programme zapadnogo fasada baziliki Sen-Deni XII veka [Visualization of the Eucharistic Theme in the 12th-Century Iconographic Programme for the West Façade of the Saint-Denis Basilica]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 1, pp. 66–73.
13. Uvarov P.Yu. “Korolevskoe superintendantstvo nad vseyu Gallikanskoj tserkov’yu”. Ob odnom maloizvestnom proekte vremen Genrikha II (1556) [“Royal Superintendence over the Entire Gallican Church”. About a Little-Known Project of the Time of Henry II (1556)]. Bergovskaya I.N., Nazarov V.D., Uvarov P.Yu. (eds.). *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV–XVII veke* [On the Way to the States of the Modern Era: West and East of Europe in the Late 15th – 17th Centuries]. Moscow, 2020, pp. 531–554.
14. Uvarov P.Yu. Proekty reform Gallikanskoj tserkvi i “povsednevnogo blagochestiya” nakanune Religioznykh voyn [Projects of the Gallican Church and the ‘Everyday Piety’ Reform on the Eve of the Wars of Religion]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 23, no. 2, pp. 59–74. DOI: [10.15826/izv2.2021.23.2.025](https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.025)
15. El Kenz D. Le massacre de Wassy dans le “Premier volume” de Tortorel et Perrissin (1570). La visualisation du massacre dans les premières guerres de Religion. Haug-Moritz G., Schilling L. (eds.). *Médialité et interprétation contemporaine des premières guerres de Religion*. Berlin, 2014, pp. 82–97.
16. Descimon R. Varfolomeevskaya noch' i parizhskaya “ritual'naya revolyutsiya” [St. Bartholomew's Day Massacre and Parisian “Ritual Revolution”]. Uvarov P.Yu. (ed.). *Varfolomeevskaya noch' . Sobytie i spory* [St. Bartholomew's Day Massacre: The Event and Disputes]. Moscow, 2001, pp. 138–189.

DOI: 10.37482/2687-1505-V212

Elena V. Shapovalova

Russian State University for the Humanities;

Miusskaya ploshchad' 6, korp. 5, Moscow, 125993, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9146-0760> e-mail: e.sokhina@gmail.com

THE MOTIF OF CALVARY IN THE *CHAPELLES ARDENTES* OF THE PRINCES OF LORRAINE (1589)

This article dwells on the memorial services for Henry I, Duke of Guise, and Louis II, Cardinal of Guise, who were assassinated in Blois at the order of King Henry III of France. These services were special due to the arrangement of symbolic *chappelles ardentes* (“burning chapels”) in the churches.

For citation: Shapovalova E.V. The Motif of Calvary in the *chappelles ardentes* of the Princes of Lorraine (1589). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 15–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V212

The decoration of these chapels reflected not only the religious and political ideas of adherents of the Guise brothers, but also changes in religious art unrelated to the particular event. For instance, the prevalent motif of Calvary, which by the late 16th century had become common in the interiors of French churches following the decisions of the Council of Trent, as well as triumphal motifs that had been used to depict the ruling class throughout the 16th century and had fundamental importance in terms of the development of the ideas of the Renaissance and Gallicanism. The main visual sources used in the paper are engravings, both separate works (by Catholic engravers, primarily Jacques Lalouette's work depicting in detail the Parisian *chappelle ardente*) and book illustrations, as well as descriptions of similar chapels whose images have not survived to the present day (e.g. Pierre Matthieu's text describing the ceremony and the chapel in Lyon). Among other key motifs, besides Calvary, we can name the imitation of Christ, as well as triumphal motifs in an antique manner, which are characteristic both of the court art during the period of the French religious wars in general, and of the House of Guise in particular.

Keywords: *French engraving, French Wars of Religion, Henry Duke of Guise, Louis Cardinal of Guise, chapelle ardente, Jacques Lalouette, Pierre Matthieu.*

Поступила 14.05.2022
Принята 10.10.2022
Опубликована 16.11.2022

Received 14 May 2022
Accepted 10 October 2022
Published 16 November 2022

БАКИНА Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. Автор 90 научных публикаций, в т. ч. 5 коллективных монографий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается проблема реализации интертекстуального потенциала фразеологии библейского происхождения. Уточняется статус библейского текста как *константного интертекста*, который, с одной стороны, аккумулирует в себе множество текстов различных жанров и временных периодов, с другой – является источником интертекстуальных элементов в виде аллюзий, крылатых слов и цитат, повсеместно «насыщающих» новые тексты. Под библейским фразеологизмом в настоящем исследовании понимается устойчивая, воспроизводимая лингвистическая единица, которая структурно может быть представлена в виде словосочетания или предложения, с частично или полностью переосмысленным значением и связанная по своему происхождению с текстом Священного Писания. Исследование библейской фразеологии в рамках теории интертекстуальности представляет собой один из важнейших аспектов понимания особой роли текста Библии, выступающего в качестве глобального претекста, производящего разного рода интертекстуальные элементы, способные воспроизводиться в новых текстах, сохраняя в большинстве случаев свою семантическую связь с текстом-подлинником. В свою очередь, фразеологизмы библейской этимологии, употребляясь повсеместно в текстах-донорах, несут мощный экспрессивный «заряд», оживляя и обогащая нашу речь, трансформируются и развиваются. При проведении исследования использовались методы анализа и синтеза, обобщения, гипотетико-индуктивный метод, контекстологический метод, методы фразеологической идентификации и фразеологического анализа. В качестве иллюстрации теоретических положений исследования анализируются наиболее употребительные библейские фразеологизмы, приводятся примеры употребления библейских фразеологизмов в англоязычных текстах различных видов дискурса. В результате исследования делается вывод о том, что высокий интертекстуальный потенциал библейской фразеологии обусловлен способностью фразеологизмов в сжатой, меткой, образно-экспрессивной форме отражать явления действительности и отношение к ним говорящего.

Ключевые слова: *интертекст, интертекстуальность, библейский текст, библейский фразеологизм, интертекстуальный потенциал, интертекстуальные отсылки.*

---

*Адрес: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95; e-mail: heart-anna@yandex.ru

Для цитирования: Бакина А.Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 28–38. DOI: 10.37482/2687-1505-V203

Введение. Проблемы интертекстуальности широко обсуждаются в лингвистике как наиболее актуальные [1, с. 238–239; 2–4]. Категория интертекстуальности, являясь одной из ключевых характеристик текста, особым образом преломляется по отношению к тексту библейскому. Подобные тексты функционируют в качестве *константного интертекста* (в виде разного рода интертекстуальных включений).

Текстовые включения, заимствованные из Священного Писания, всегда будут иметь статус интертекстуальных, что следует из многочисленных определений интертекстуальности, отражающих главный критерий – существование текста в тексте. Постоянно «проявляясь» в новых текстах посредством интертекстуальных вкраплений разного порядка, Библия оказывает значительное влияние на параметры и характеристики, семантику и прагматику текстов различных видов дискурса, в особенности таких, как художественный и массмедийный.

Несмотря на то, что в большинстве случаев понятия цитаты, крылатого слова, фразеологической единицы, аллюзии принято разграничивать (об этом также ниже), как отличные по своим характеристикам, в отношении библейских текстовых реминисценций следует отметить, что все они способны трансформироваться в устойчивые полностью или частично переосмысленные единицы, т.е. фразеологизмы. Это свидетельствует о том, что язык все больше тяготеет к упрощению (в случае с наличием усеченных вариантов пословиц или цитат, ставших фразеологическими единицами в форме словосочетания [5, с. 247]), а также к имплицитному метафорическому выражению смыслов автора (об этом говорит возросшая за последнее время частотность идиом и фразеологизмов по сравнению с количеством слов и выражений с прямым значением).

Целью данного исследования является изучение актуализации интертекстуального по-

тенциала библейского текста, основанное на анализе контекстов, в которых графически выделяется библейская фразеологическая единица или вербально маркирован сам библейский источник, а также на данных эксперимента, выявляющего степень узнаваемости/неузнаваемости и отождествления того или иного предлагаемого фразеологизма с текстом Библии.

Объектом исследования являются фразеологические единицы библейского происхождения как маркеры библейского текста.

Научную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, занимающихся проблемой интертекста, таких как Р. Барт, М.М. Бахтин, Н.А. Кузьмина, J. Kristeva, Н. Jacobmeyer, К. Roozen, а также вопросами общей фразеологии: Н.Ф. Алефиренко, А.В. Кунин, и библейской фразеологии: таких как В.Г. Гак, В.М. Мокиенко, Л.П. Смит, Т.Н. Федулёнок, Н. Fisch, A. Langlotz, S. Marx, W. Mieder, N. Shaheen, H. Walter.

Материалы и методы. В качестве источника оригинального библейского текста выступает издание Библии The Holy Bible [6]. Источниками отбора единиц для исследования послужили Большой англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина [7], Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии Т.Н. Федуленковой, Е.В. Мартюшовой, М. Боннемарк [8], многоязычный словарь «Лепта библейской мудрости» [9; 10], Merriam-Webster Dictionary [11], Oxford Learner's Dictionaries [12], Wictionary [13]. Для иллюстрации актуализации библейских фразеологизмов в текстах художественного и массмедийного дискурса были использованы электронные источники современных газетных онлайн-версий, данные подкорпусов, входящих в состав Британского национального корпуса (British National Corpus – BNC)¹, а также Новостного корпуса (News on the Web – NOW)² и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)³.

¹British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения: 05.10.2022).

²News on the Web. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 05.10.2022).

³Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.10.2022).

В исследовании применялись следующие методы: анализ и синтез, обобщение, гипотетико-индуктивный метод, метод контекстного анализа, методы фразеологической идентификации (термин А.В. Кунина), фразеологического анализа и фразеологического описания (термин А.В. Кунина), метод количественного анализа.

Результаты. В ходе исследования реализации интертекстуального потенциала текстов Библии мы пришли к промежуточному заключению о том, что, с одной стороны, сакральный библейский текст есть *макротекстуальный интертекст*. Священное Писание представляет собой конгломерат текстов разных авторов, разных периодов и различных жанров. Этим текстам свойственно ссылаться друг на друга: так, есть перекликающиеся сюжеты и текстовые фрагменты в Ветхом и Новом Завете. Кроме того, имеются притчи, выражения, реминисценции, заимствованные из других, созданных ранее текстов, которые успешно ассимилируются в Книге книг. С другой стороны, будучи культурно значимым и часто воспроизводимым текстом, оставляющим вербальные следы в новых текстах, Слово Божие представляет собой уникальный по своим масштабам, многомерности и культурному охвату источник обогащения языков христианского мира выражениями и аллюзиями, цитатами и крылатыми словами и, самое главное, фразеологической лексикой [14, с. 9–10].

Впервые об англоязычных фразеологических единицах библейского происхождения как особой группе единиц в зарубежном языкознании заговорил Л.П. Смит [15], но, к сожалению, далее, чем выделение 158 единиц, он не продвинулся. В то время как советский лингвист А.В. Кунин в «Англо-русском фразеологическом словаре» [16] собрал коллекцию из 400 фразеологизмов-библейзмов, а позднее в своих работах касался таких важнейших вопросов, как структурно-семантическая классификация библейских фразеологизмов (БФ), вариативность библейской фразеологии и специфика ее функционирования, равно как и ее соотношение с русскоязычными фразеологизмами библейской этимологии.

Проблеме фразеологического значения, в том числе специфике семантики библейских выражений, посвящены работы К. Фейаертса (Kurt Feyaerts, 2006) [17]. А. Ланглоц, исследуя вопросы идиоматической креативности при выявлении принципов окказионального фразеобразования на основе фразеологических инвариантов, затрагивает некоторые аспекты вариативности библейской фразеологии (А. Langlotz, 2006) [18]. Ввиду недостаточной представленности исследований библейской фразеологии английского языка и спорадичности подобных исследований необходимо детальное изучение разных аспектов фразеологии библейского происхождения как отдельного направления фразеологии.

1. Аналитические данные

Наше исследование показало, что фразеологические единицы библейского происхождения представляют собой интертекстуальные единицы, легко устанавливающие связь с претекстом.

В ходе фразеологического анализа и описания с использованием метода фразеологической идентификации, а также этимологического и контекстуального анализа фразеологизмов библейского происхождения мы выделили предположительно наиболее популярные и частотные фразеологизмы, обладающие высоким интертекстуальным потенциалом:

(1) *the promised land* – земля обетованная. Определение словаря: 1: something and especially a place or condition believed to promise final satisfaction or realization of hopes (Merriam-Webster Dictionary, далее по тексту – MWD). Источник: Исход, Ветхий Завет. Такую землю, как учит Библия, обещал Господь первосвященнику Моисею, предводителю еврейского народа, который томился в египетском рабстве: “And it shall come to pass, when ye be come to the land which the Lord will give you, according as he hath promised, that ye shall keep this service ” (Exodus 12:25). Contexts: “*But nobody sat through multiple Jerad Eickhoff starts last year to give up before Uncle Stevie gets us back to the promised land*” (NOW); “*Either retiring Duke coach Mike Krzyzewski will have an opportunity to add a sixth championship to his list*”

of accomplishments, or Hubert Davis will get a chance to lead the Tar Heels to the promised land in his first season helming the program” (NOW).

(2) **doubting Thomas** – Фома неверующий. Значение: a person who is unlikely to believe something until they see proof of it (Oxford Learner’s Dictionary, далее по тексту – OLD). Источник: один из эпизодов Евангелия от Иоанна, в котором Святой Фома не мог поверить в Воскресение Иисуса Христа, пока не дотронулся до его ран: “Then he said to Thomas, ‘Put your finger here and see my hands. Reach out your hand and put it in my side. Do not doubt but believe’, Thomas answered him, ‘My Lord and my God!’” (John 20:27).

Context: “*Seriously, when it comes to so-called unity talks among politicians, I remain the ‘Doubting Thomas’. Let me make this declaration boldly – it will never succeed* (NOW).

Всего в корпусе NOW 649 контекстов с данным фразеологизмом.

(3) **lost sheep** – заблудшая овца, человек, сбившийся с истинного пути. Определение словаря – дефиниция в толковых словарях отсутствует. Определение словаря Wiktionary: a disadvantaged or marginalized person who can be brought back into the fold with a little effort (Wiktionary). Источник: притча о заблудившейся овце, встречается в Евангелии от Матфея: “If a man has a hundred sheep, and one of them has gone astray, does he not leave the ninety-nine on the mountains and go in search of the one that went astray?” (Matthew 18:12).

Context: *Focusing on a Bajoran who has trouble with her sums, a hypochondriac, and a misanthropic physicist, Captain Janeway decides to take these three on an away mission, to steer these lost sheep back on course* (NOW).

Более 400 контекстов с фразеологизмом *lost sheep* в корпусе.

(4) **outer (exterior) darkness** – тьма крошечная, тьма внешняя. Определение словаря – дефиниция в толковых словарях отсутствует. Определение словаря Wiktionary: very intense darkness. Источник: В Евангелии от Матфея Иисус рассказывает историю человека, пришедшего на брачный пир, но не одетого должным образом,

поэтому царь бросил его во тьму внешнюю, где был плач и скрежет зубов: “Bind him hand and foot, and cast him into the exterior darkness: there shall be weeping and gnashing of teeth” (Matthew 22:13). Чаще всего это место ассоциируется с преисподней, местом пребывания душ грешников, в протестантской религиозной парадигме этот речевой оборот относится к Страшному суду.

Context: *People already financially challenged would not have to go without the vital tests, however, the working poor without concession cards are, as usual, cast into outer darkness* (NOW).

(5) **out of the mouths of babes (and sucklings)** – устами младенцев (глаголет истина). Определение словаря: used when a small child has just said something that seems very wise or clever (OLD). Источник: “Out of the mouths of babes and infants you have founded a bulwark because of your foes, to silence the enemy and the avenger” (Psalms 8:2).

(6) Context: **Out of the mouths of babes and sucklings thou hast # prepared praise to confuse thy adversaries: # to silence the enemy and the revengeful. # The Abbess from her high seat looks with a kind of wonder at her shadowy chapel of nuns, she listens with a fine joy to the keen plainchant, as if upon a certain newly created world** (NOW).

the prodigal son – блудный сын. Определение словаря: a person who leaves home and wastes their money and time on a life of pleasure, but who later is sorry about this and returns home (OLD). Источник: притча о блудном сыне в Евангелии от Луки: “But the father said to his servants, ‘Bring quickly the best robe, and put it on him; and put a ring on his hand, and shoes on his feet; and bring the fatted calf and kill it, and let us eat and make merry; for this my son was dead, and is alive again; he was lost, and is found’. And they began to make merry” (Luke 15: 22).

Context: *The 34-year-old moved to Paris last summer after Barcelona could no longer afford to keep their prodigal son on their books* (NOW). Более 3000 контекстов с данным фразеологизмом в Новостном корпусе.

(7) **to turn the other cheek** – подставить другую щеку. Определение словаря: to make

a deliberate decision to remain calm and not to act in an aggressive way when somebody has hurt you or made you angry (OLD). Источник: Евангелие от Матфея: “But I say to you, Do not resist the one who is evil. But if anyone slaps you on the right cheek, turn to him the other also” (Matthew 5:39).

Context: “I’m a Christian, but I’m really undeveloped. I don’t have high-level Christianity. On a scale of 1 to 10, I’m like a 2. That’s the level of Christianity I can work on,” Harvey said, per Atlanta Black Star. “You slap T.D. Jakes, he’ll **turn the other cheek**. You slap me? If you sit back in your seat, Jada [Will’s wife] would have to move out of the way. That’s the type of Christian I am” (NOW).

Более 1000 контекстов с данным фразеологизмом в корпусе.

Фразеологизмы библейской этимологии используются в различных жанрах литературного английского языка. Их интертекстуальное включение придает произведению более насыщенную и яркую стилистическую окраску, более глубокое понимание содержания благодаря общности самого интертекста.

Отдельного внимания заслуживает проблема функционирования библейских интертекстуальных отсылок в текстах произведений английского классика У. Шекспира. Древнейшая мудрость в виде отсылок к тексту Священного Писания «просвечивает» во многих его пьесах. См., например, “a thorough familiarity with the Scriptures is a prerequisite to understanding the Biblical references in the plays, and that the plays’ references to the Bible illuminate fresh and surprising meanings in the biblical text” [19, с. 13].

Гарольд Фиш в своем труде, посвященном сопоставлению произведений трех авторов – У. Шекспира, Дж. Мильтона и У. Блейка, – содержащих библейские аллюзии, отмечает: “I shall be concerned primarily with the way my chosen authors incorporate biblical paradigms in their work. This will be taken not as an example of influence in the narrow sense but as a key to their poetic practice – a claim that will be more readily granted in reference to Milton and Blake than to Shakespeare” [20, с. 7].

Часто библейские текстовые реминисценции маркируются авторами, что упрочивает связь с текстом-источником. См., например, взятие фразеологизма в кавычки:

(1) *In all cultures, the offering and acceptance of such hospitality constitutes at the very least a non-aggression pact between the parties – you do not “break bread” with your enemies – and at best a significant move towards cementing friendships and alliances [НКРЯ].*

Во всех культурах данный ритуал – это, по меньшей мере, символическое подписание пакта о ненападении (с врагами «трапезу не делят»), в лучшем случае – значительный шаг вперед в укреплении дружбы и связей [НКРЯ].

(2) *For my part I decided that God was called Afather, that his name shone out in the dark, that Granny was asking him for crusts of bread - “our daily bread” - and I repeated mechanically after her all the mistakes she made [НКРЯ].*

Я же решил, что Оченашем зовут Бога, что это имя светится в темноте, что бабка просит сухарей – «хлеба насущного», и автоматически повторял за ней это «не прости нам» и «не избави» [НКРЯ].

Во втором примере БФ «хлеб насущный» выступает в роли интертекстуальной отсылки к тексту Священного писания, а именно к молитве «Отче наш...», об этом свидетельствует не только взятие фразеологизма в кавычки, но и присутствие других «следов» библейского текста «прости нам», «избави нас» в модифицированном виде. В переводе автор опускает эти «следы», в то время как во фразе «хлеб (наш) насущный» оставляет факультативное «наш» (*our daily bread*).

(1) *He was more like an unsuccessful priest’s son, stricken by God and reduced to beggary; a clerk discharged for drunkenness; a merchant’s son or nephew who had tried his feeble powers in a theatrical career; and was now going home to play the last act in the parable of the prodigal son; perhaps, judging by the dull patience with which he struggled with the hopeless autumn mud, he might have been a fanatical monk, wandering from one Russian monastery to another, continually seeking “a peaceful life, free from sin”, and not finding it [НКРЯ].*

Скорее это обнищавший, забытый богом попович-неудачник, прогнанный за пьянство писец, купеческий сын или племянник, попробовавший свои жидкие силишки на актерском поприще и теперь идущий домой, чтобы разыграть последний акт из притчи о блудном сыне; быть может, судя по тому тупому терпению, с каким он борется с осенней невылазной грязью, это фанатик – монастырский служка, шатающийся по русским монастырям, упорно ищущий “**жития мирна и безгрешна**” и не находящий [НКРЯ].

(2) Sometimes my wife and I ask our offspring to do this for themselves. They groan when it's time to put away their clothes or pick up their toys. As the Bible says, there may be “**weeping and gnashing of teeth**”. But I tell my kids that, according to the laws of thermodynamics, your playroom toys will spiral into chaos if left on their own (NOW).

Иногда мы с женой просим наших отпрысков делать это самостоятельно. Они стонут, когда приходит время убрать одежду или собрать игрушки. Как сказано в Библии, может быть «плач и скрежет зубов». Но я говорю своим детям, что, согласно законам термодинамики, ваши игрушки в игровой комнате превратятся в хаос, если их оставить одних.

В качестве примеров вербального маркирования фразеологизмов, берущих свое происхождение из текста Библии, могут послужить следующие:

(1) *As the bible says “God resists the proud, but gives grace to the humble”. I guess it is partly a conscious choice to keep our boasting in check, and continually ask God to keep us humble... So when folks say (for example) you must be proud of your son (when he achieves) what should my response be???* (NOW).

(2) *An independent thorough investigation will be beneficial not only for the complainant but also for the alleged, CAN and Nigerians. We are not to judge blindly as the bible put it that if “you have not done it before cast the 1st stone”, there are millions of judges online but I applaud the neutrality of the CAN in this case* (NOW).

(3) *Political wars are elite's game and it could be very bloody because each party has the*

wherewithal to test the will of the other. However, as the Bible teaches, everything on earth has its season. In politics every party has its turn and in a democracy, the voters determine whose turn it is to be in power. This sure is the season of woes for the People's Democratic Party in Nigeria (NOW).

(4) *What can we say about this False Bahu (the Pseudo-Bahu RaWick) who has malignantly appeared on the scene to destroy all that our ancestors revered? He must be scourged (to use a Biblical expression) through the dutiful exercise of the franchise at the forthcoming election (NOW).*

(5) *At the same time too, I believe firmly in the Biblical expression: “Many are called, but few are chosen”. It is my prayer that the many, who are likely to fall by the wayside, would not constitute themselves into opposition within the ruling government (NOW).*

2. Экспериментальные данные

Для выявления интертекстуального потенциала БФ нами был проведен эксперимент, в котором приняли участие молодые люди в возрасте от 14 до 24 лет, с целью определения узнаваемости или неузнаваемости представленных фразеологизмов, как интертекстуальных отсылок к текстам Священного Писания. На основе работы с НКРЯ и BNC, а также на анализа современной русскоязычной и англоязычной прессы, спрогнозировав возможные трудности идентификации фразеологизмов, мы отобрали наиболее и наименее известные БФ русского и английского языков, которые были предложены к рассмотрению 80 студентам института иностранных языков. Результаты эксперимента показали, что самыми узнаваемыми БФ являются следующие: 1) *агнец божий* – кроткий, безобидный человек; 2) *внести свою лепту* – принять посильное участие в чем-л.; 3) *глас вопиющего в пустыне* – напрасный призыв, остающийся без внимания, без ответа; 4) *зарыть талант в землю* – не заботиться о развитии таланта, дать ему заглохнуть; 5) *манна небесная* – что-л. желанное, крайне необходимое, редкое; 6) *метать бисер перед свиньями* – говорить, объяснять что-л. тому, кто не может понять и по достоинству оценить

этого; 7) *the kiss of Judas* – поцелуй Иуды; 8) *daily bread* – хлеб насыщенный, кусок хлеба, средства к существованию; 9) *a forbidden fruit* – запретный плод; 10) *one's guiding star* – путеводная звезда.

Среди представленных БФ, порожденных Священным Писанием, для большинства опрошенных остались неузнанными такие единицы, как: 1) *казни египетские* – невыносимые страдания; 2) *камо грядеши?* (на верном ли пути человек?) – просьба или требование определиться в своих позициях, воззрениях, направлениях деятельности; 3) *от Понтия к Пилату* – бессмысленное хождение от одного человека к другому без решения необходимого вопроса; 4) *питаться акридами* – скудно питаться, постничать, жить впроголодь; 5) *gall and wormwood* – нечто ненавистное; 6) *handwriting/writing on the wall* (зловещее предзнаменование); 7) *the brand (or mark) of Cain* (каинова печать) – обозначение преступности, порочности, греховности, клеймо преступления; отпечаток, след, внешние признаки преступности.

Кроме того, семантизация вышеуказанных библеизмов вызвала трудности у испытуемых. Что касается публицистических текстов, самыми употребляемыми из рассмотренных БФ в русскоязычной прессе оказались *внести свою лепту*, *зарыть талант в землю* и *манна небесная*, в то время как в англоязычных текстах таковыми являются *the golden rule* и *a forbidden fruit*, причем важно обозначить тот факт, что данные БФ встречаются в текстах в традиционном понимании без искажения формы и смысла оборота. Библейские по происхождению фразеологические обороты в последние годы активны именно в публицистическом и медийном дискурсе.

Количественный анализ фразеологизмов демонстрирует частотность их использования в качестве интертекстуальных отсылок к библейским текстам согласно корпусным данным (BNC):

The promised land/the land of promise – 51 (контекст), *doubting Thomas(es)* – 10, *ivory tower* – 61, *lost sheep* – 13, *outer darkness* – 18, *out of the mouths of babes and sucklings* – 10, *olive branch* – 29, *prodigal son* – 31, *to turn the other cheek* – 15,

to wash one's hands of smb/smth – 23, *face to face* – 520.

На основании полученных результатов можно отметить, что наиболее употребляемым является фразеологический оборот *face to face*. Реже всего встречается выражение *a doubting Thomas*.

В нашем случае нет нулевых результатов, что говорит об употребительности всех отобранных для исследования фразеологизмов. Однако результат от одного до пяти контекстов (а в нашем исследовании таких фразеологизмов два) свидетельствует о достаточно низком пороге употребительности данных выражений в современном английском языке. Остальные 8 фразеологизмов библейского происхождения показали количество употреблений 10 и более, что дает нам информацию об их актуальности в письменной речи.

Библейские по происхождению фразеологизмы часто можно встретить в публицистике, поскольку они способны сделать текст более выразительным и эмоциональным. Так, в статье о приезде принца Гарри на похороны принца Филиппа использование фразеологизма *prodigal son* напоминает читателю о недавнем уходе Гарри из королевской семьи:

While Harry will be keeping to himself before attending the funeral, the prodigal son returns to another gusher of coverage, where the emergent narrative now appears to be: Will the royal family and Harry patch things up? [21].

Далее приведены примеры использования других фразеологизмов библейского происхождения в современной прессе:

(1) *The expectation was that military men in key posts would get the processes 'ticking away' but is it so? ask doubting Thomases? Foreign policy is in contagion at Geneva and has now spread to Ottawa* [22];

(2) *The garden is open to the public, but Dumbarton Oaks is an academic research institute and has something of the forbidding ivory tower about it* [23];

(3) *Many have called for him to be banished from public life, to be dispelled into the outer darkness* [24].

Встречаются также окказиональные варианты фразеологизмов:

– prodigal daughter: *In this South African show, prodigal daughter Tumi returns home for the holidays and ruins her sister's wedding plans* [25];

– the prodigal painter: *The prodigal painter later left Zuccato's studio to study with Giovanni Bellini, one of the most prominent Venetian artists of his time* [26].

Изменение формы библеизма оказывает влияние на его смысл в тексте, и благодаря ассоциации с оригинальным выражением новый смысл становится производным от общепринятого значения фразеологического оборота.

Выражение *olive branch* в значении символа мира встречается в статье: *Daru also plans to home in on the Find My program, which recently launched and was seen as an olive branch allowing developers to use Apple's vast network of signals from hundreds of millions of iPhones, iPads and computers to track devices* [27].

Заключение. Фразеологизмы библейской этимологии представляют собой интертексту-

альные отсылки к тексту или сюжету Библии, широко используются в функции реминисценции и составляют неотъемлемую часть текстов различных видов современного английского дискурса. Введение в текст библеизмов создает дополнительную выразительность и фигуральность, устанавливает особенный контакт с кругом читателей, обладающих фоновыми знаниями и способных «отследить» связь фразеологизмов с их источником.

Использование БФ в виде заглавий для литературных и кинематографических произведений весьма актуально. Такие заголовки несут смыслопорождающую функцию, добавляя метафоричности и образности.

Как показал анализ языкового материала, фразеологические единицы библейского происхождения характеризуются высоким интертекстуальным потенциалом ввиду их непреложной связи с текстом-источником, что может выражаться имплицитно (семантически) и эксплицитно (графическими и вербальными маркерами интертекстуальности).

Список литературы

1. Федулёнок Т.Н. Рецензия на монографию Н.А. Кузьминой: Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2018, 272 с. // Человек. Культура. Образование. 2019. Т. 2, № 32. С. 238–245. DOI: [10.34130/2223-1277-2019-2-238-245](https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-2-238-245)
2. Roozen K. Texts Get Their Meaning from Other Texts / ed. by L. Adler-Kassner, E. Wardle // Naming What We Know: Threshold Concepts of Writing Studies. Logan: Utah State UP, 2015. P. 44–47.
3. Agger G. Intertextuality Revisited: Dialogues and Negotiations in Media Studies // Can. Aesthet. J. 1999. Vol. 4.
4. Jacobmeyer H. Graham Swift “Ever After”: A Study in Intertextuality. URL: http://webdoc.sub.gwdg.de/edoc/ia/eese/artic98/jacobm/88_98.html (дата обращения: 28.03.2022).
5. Fedulenkova T.N. Tendencies in Proverbial Compression // Фразеология в фокусе когнитивистики: моногр. / гл. ред. В. Мидер, отв. ред. и сост. А.М. Поликарпов. М.: Издат. дом Академии Естествознания, 2021. С. 242–255.
6. The Holy Bible: The Old and New Testament. Iowa: World Bible Publishers, 2000. 793 p.
7. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: ок. 20 000 фразеол. единиц. 6-е изд., испр. М.: Живой яз., 2005. 942 с.
8. Федулёнок Т.Н., Мартюшова Е.В., Боннемарк М. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Северодв. фил. Архангельск: Помор. ун-т, 2008. 167 с.
9. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О / авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. 288 с.

10. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 2: П–Я / авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. 308 с.
11. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 31.03.2022).
12. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 31.03.2022).
13. Wictionary. URL: <https://en.wiktionary.org> (дата обращения: 31.03.2022).
14. Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пос. М.: Академия естествознания, 2014. 148 с.
15. Смит Л.П. Фразеология английского языка: пер. А.С. Игнатъева. М.: Учпедгиз, 1959. 208 с.
16. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: Ок. 20 000 фразеол. единиц. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 945 с.
17. Feyaerts K. Towards a Dynamic Account of Phraseological Meaning: Creative Variation in Headlines and Conversational Humour // In: J. Engl. Stud. 2006. Vol. 6. № 1. P. 57–84.
18. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English. Amsterdam: J. Benjamins, 2006. 325 p.
19. Marx S. *Shakespeare and the Bible*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 165 p.
20. Fisch H. *The Biblical Presence in Shakespeare, Milton and Blake: A Comparative Study*. Oxford: Clarendon, 1999. 331 p.
21. Adam K., Booth W. Prince Harry Returns to Bury His Grandfather and, Some Hope, to Heal Rifts with the British Royal Family // The Washington Post. 2021. 12 April. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/prince-harry-returns-uk-funeral/2021/04/12/4c30aa9a-9b6a-11eb-b2f5-7d2f0182750d_story.html (дата обращения: 28.09.2022).
22. Weerakoon G. True National Heroes and Those Unsung // The Sunday Times. 2021. 23 May. URL: <https://www.sundaytimes.lk/210523/sunday-times-2/true-national-heroes-and-those-unsung-444565.html> (дата обращения: 28.09.2022).
23. Higgins A. Groundbreakers. A Century Ago, Landscape Design Was a Man's World. But These Women Created a Garden for the Ages // The Washington Post Magazine. 2021. 7 April. URL: <https://www.washingtonpost.com/magazine/2021/04/07/dumbarton-oaks-garden-design-bliss-farrand/> (дата обращения: 28.09.2022).
24. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/outer-darkness> (дата обращения: 28.09.2022).
25. Mallenbaum C. Netflix in December 2020: What's New and What's Expiring // USA Today. 2020. 24 November. URL: <https://www.usatoday.com/story/entertainment/tv/2020/11/24/netflix-december-2020-everything-new-the-prom-selena/6400544002/> (дата обращения: 28.09.2022).
26. Davis-Marks I. Forgotten Last Supper Scene Linked to Renaissance Master Titian Spent Century Hidden in Plain Sight // Smithsonian Magazine. 2021. 4 March. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/church-found-undiscovered-painting-titians-workshop-180977137/> (дата обращения: 28.09.2022).
27. Zakrzewski C. Tile Will Accuse Apple of Worsening Tactics It Alleges Are Bullying, a Day After iPhone Giant Unveiled a Competing Product // The Washington Post. 2021. 21 April. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2021/04/21/tile-will-accuse-apple-tactics-it-alleges-ayre-bullying-da-after-iphone-giant-unveiled-competing-product/> (дата обращения: 28.09.2022).

References

1. Fedulenkova T.N. Review on the Monograph: Intertext: Theme and Variations. Phenomena of Language and Culture in Intertextual Interpretation. M.: Book House "LIBROKOM", 2018, 272 p. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2019, no. 2, pp. 238–245 (in Russ.). DOI: [10.34130/2223-1277-2019-2-238-245](https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-2-238-245)
2. Roozen K. Texts Get Their Meaning from Other Texts. Adler-Kassner L., Wardle E. (eds.). *Naming What We Know: Threshold Concepts of Writing Studies*. Logan, 2015, pp. 44–47.
3. Agger G. Intertextuality Revisited: Dialogues and Negotiations in Media Studies. *Can. Aesthet. J.*, 1999, vol. 4.
4. Jacobmeyer H. *Graham Swift, Ever After: A Study in Intertextuality*. Available at: <http://webdoc.sub.gwdg.de/>

[edoc/ia/eese/artic98/jacobm/88_98.html](https://vestnik.narfu.ru/edoc/ia/eese/artic98/jacobm/88_98.html) (accessed: 28 March 2022).

5. Fedulenkova T.N. Tendencies in Proverbial Compression. Mider V. (ed.). *Frazeologiya v fokuse kognitivistiki* [Phraseology in the Focus of Cognitive Science]. Moscow, 2021, pp. 242–255.
6. *The Holy Bible: The Old and New Testament*. Iowa, 2000. 793 p.
7. Kunin A.V. *English-Russian Phraseological Dictionary*. Moscow, 2005. 942 p.
8. Fedulenkova T.N., Martyushova E.V., Bonnemark M. *Anglo-nemetsko-shvedskiy slovar' bibleyskoy frazeologii* [English-German-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology]. Arkhangel'sk, 2008. 167 p.
9. Adamiya Z.K. (coll.). *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh* [A Mite of Biblical Wisdom: A Russian-Slavic Dictionary of Biblical Winged Words and Aphorisms with Equivalents in the Germanic, Romance, Armenian, and Georgian Languages]. Vol. 1: A–O. Mogilev, 2019. 288 p.
10. Adamiya Z.K. (coll.). *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh* [A Mite of Biblical Wisdom: A Russian-Slavic Dictionary of Biblical Winged Words and Aphorisms with Equivalents in the Germanic, Romance, Armenian, and Georgian Languages]. Vol. 2: P–Ya. Mogilev, 2019. 308 p.
11. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 31 March 2022).
12. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 31 March 2022).
13. *Wiktionary*. Available at: <https://en.wiktionary.org> (accessed: 31 March 2022).
14. Fedulenkova T.N. *Lektsii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proiskhozhdeniya* [Lectures on English Phraseology of Biblical Origin]. Moscow, 2014. 148 p.
15. Smith L.P. *Frazeologiya angliyskogo yazyka* [English Idioms]. Moscow, 1959. 208 p.
16. Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, 1984. 945 p.
17. Feyaerts K. Towards a Dynamic Account of Phraseological Meaning: Creative Variation in Headlines and Conversational Humour. *Int. J. Engl. Stud.*, 2006, vol. 6, no. 1, pp. 57–84.
18. Langlotz A. *Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English*. Amsterdam, 2006. 325 p.
19. Marx S. *Shakespeare and the Bible*. Oxford, 2000. 165 p.
20. Fisch H. *The Biblical Presence in Shakespeare, Milton and Blake: A Comparative Study*. Oxford, 1999. 331 p.
21. Adam K., Booth W. Prince Harry Returns to Bury His Grandfather – and, Some Hope, to Heal Rifts with the British Royal Family. *The Washington Post*, 12 April 2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/europe/prince-harry-returns-uk-funeral/2021/04/12/4c30aa9a-9b6a-11eb-b2f5-7df0182750d_story.html (accessed: 28 September 2022).
22. Weerakoon G. True National Heroes and Those Unsung. *The Sunday Times*, 23 May 2021. Available at: <https://www.sundaytimes.lk/210523/sunday-times-2/true-national-heroes-and-those-unsung-444565.html> (accessed: 28 September 2022).
23. Higgins A. Groundbreakers. A Century Ago, Landscape Design Was a Man's World. But These Women Created a Garden for the Ages. *The Washington Post Magazine*, 7 April 2021. Available at: <https://www.washingtonpost.com/magazine/2021/04/07/dumbarton-oaks-garden-design-bliss-farrand/> (accessed: 28 September 2022).
24. *Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/outer-darkness> (accessed: 28 September 2022).
25. Mallenbaum C. Netflix in December 2020: What's New and What's Expiring. *USA Today*, 24 November 2020. Available at: <https://www.usatoday.com/story/entertainment/tv/2020/11/24/netflix-december-2020-everything-new-the-prom-selena/6400544002/> (accessed: 28 September 2022).
26. Davis-Marks I. Forgotten Last Supper Scene Linked to Renaissance Master Titian Spent Century Hidden in Plain Sight. *Smithsonian Magazine*, 4 March 2021. Available at: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/church-found-undiscovered-painting-titians-workshop-180977137/> (accessed: 28 September 2022).
27. Zakrzewski C. Tile Will Accuse Apple of Worsening Tactics It Alleges Are Bullying, a Day After iPhone Giant Unveiled a Competing Product. *The Washington Post*, 21 April 2021. Available at: <https://www.washingtonpost.com/technology/2021/04/21/tile-will-accuse-apple-tactics-it-alleges-are-bullying-day-after-iphone-giant-unveiled-competing-product/> (accessed: 28 September 2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V203

Anna D. Bakina

Orel State University named after I.S. Turgenev;
ul. Komsomol'skaya 95, Orel, 302026, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828> e-mail: heart-anna@yandex.ru

INTERTEXTUAL POTENTIAL OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS

This article discusses the realization of the intertextual potential of phraseological units of biblical origin. It clarifies the status of the biblical text as a *constant intertext*, which, on the one hand, accumulates numerous texts of different genres and time periods and, on the other hand, is a source of intertextual elements in the form of allusions, winged words and quotations, abundant in new texts. In this paper, a biblical phraseological unit is understood as a stable, reproducible linguistic unit which structurally can be presented in the form of a phrase or a sentence with a partially or completely reinterpreted meaning and is etymologically related to the Holy Scripture. Studying biblical phraseological units within the framework of the theory of intertextuality is most important to understand the special role of the biblical text acting as a global pretext and producing various kinds of intertextual elements that can be reproduced in new texts, preserving, in most cases, their semantic link to the original text. Phraseological units of biblical origin, in their turn, being used in donor texts, carry a powerful expressive charge, enlivening and enriching our speech, transforming and developing. The following research methods were applied here: analysis and synthesis, generalization, hypothetico-inductive method, contextual method, phraseological identification, and phraseological analysis. As an illustration of the theoretical aspects of this study, the most frequently used biblical phraseological units are analysed, examples of the use of biblical phraseological units in English texts of different types of discourse are provided. As a result, a conclusion is made that biblical phraseological units have high intertextual potential due to their ability to reflect the phenomena of reality and the speaker's attitude towards them in a concise, felicitous, figurative and expressive form.

Keywords: *intertext, intertextuality, biblical text, biblical phraseological unit, intertextual potential, intertextual references.*

Поступила 03.04.2022
Принята 05.10.2022
Опубликована 14.10.2022

Received 3 April 2022
Accepted 5 October 2022
Published 14 October 2022

For citation: Bakina A.D. Intertextual Potential of Biblical Phraseological Units. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 28–38. DOI: 10.37482/2687-1505-V203

УДК 81'33

DOI: 10.37482/2687-1505-V206

КОЛМОГорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор 190 научных публикаций, в т. ч. 19 монографий, 7 учебных пособий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

МАЛИКОВА Алина Вячеславовна, старший преподаватель кафедры романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета. Автор 27 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и одного учебного пособия**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3438-1839>

МОДЕЛИРОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ТУВИНСКО-РУССКИМИ БИЛИНГВАМИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ МОНОЛИНГВАМИ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Данное исследование лежит в области применения технологии эмоционального анализа текстов. Целью исследования является статистическое моделирование специфики эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами. Проверяется гипотеза о значимости фактора организации ментального лексикона для конфигурации эмоциональной разметки текстов, производимой данной группой аннотаторов. Предполагается, что, ввиду сложности психолингвистической реальности билингвального языкового сознания тувинцев, при разметке будет проявляться специфика обработки эмоциональной информации, выраженной вербально на неродном, но коммуникативно значимом языке. Материалом исследования выступают 48 текстов из датасета постов из социальной сети «ВКонтакте» – по 6 текстов на каждый из 8 эмоциональных классов, выделяемых согласно модели эмоций «Куб Лёвхейма»: грусть, радость, отвращение, удивление, воодушевление, гнев, стыд, страх. Применяется разработанный и апробированный исследовательской группой компьютерный интерфейс для недискретной эмоциональной разметки текстов. В психолингвистическом эксперименте приняли участие 174 русских монолингва и 65 тувинско-русских билингвов. Перед тем как перейти к аннотированию, информанты-билингвы

*Адрес: 190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123, e-mail: nastiakol@mail.ru

**Адрес: 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82, стр. 1; e-mail: malikovaav1304@gmail.com

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Краевого фонда науки Красноярского края, проект № 629 «Компьютерное моделирование эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами»

Для цитирования: Колмогорова А.В., Маликова А.В. Моделирование специфики эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами в сопоставлении с русскими монолингвами: опыт экспериментального исследования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 39–50. DOI: 10.37482/2687-1505-V206

ответили на вопросы опросника Bilingual Language Profile для получения данных об их доминирующем языке. При анализе результатов разметки использовались *t*-критерий Стьюдента и сравнительно-сопоставительный метод. Обнаружена статистическая значимость отличий значений эмоциональных оценок, приписываемых текстам на русском языке русскими монолингвами и тувинско-русскими билингвами (возраст большинства информантов составляет 18–25 лет). Согласно результатам анализа, глубина этих отличий зависит от доминирующего языка билингва. Отмечается несовпадение вторичных эмоций при совпадении ведущей эмоции текстов при оценке данными группами, а также определенная нестабильность оценок информантов-билингвов при повторном оценивании. Результаты исследования вносят вклад в разработку проблемы восприятия эмоций в тексте билингвами.

Ключевые слова: *аффективные вычисления, билингвизм, доминантный язык, интернет-текст, психолингвистика, тувинский язык, эмоциональный анализ.*

Введение

В последнее десятилетие в междисциплинарном поле компьютерной лингвистики, психолингвистики и психологии активно развивается достаточно новое направление, ставшее известным как «парадигма аффективных вычислений». Оно объединяет исследования, сосредоточенные на процессах создания компьютерных систем, способных в процессе взаимодействия «чувствовать» и узнавать эмоции, отвечать на них, а также влиять на эмоциональное состояние других когнитивных агентов [1]. В качестве данных, на которых может строиться эмоциональное предсказание искусственного интеллекта, используются записи голоса, мимических движений человека, информация о его физиологических показателях (температура, пульс, давление), фиксация движений глаз. Но одним из самых важных типов данных является речевая/текстовая продукция человека, находящегося в том или ином эмоциональном состоянии.

На ее изучении строится технология эмоционального анализа текстов [2], результатом применения которой становится либо атрибуция текста, подаваемого на вход компьютерной системы, к одному из эмоциональных классов (дискретный эмоциональный анализ) (см., например, [3]), либо указание на его локализацию в многомерном эмоциональном пространстве (многомерный эмоциональный анализ) [4], например посредством приписывания «эмоциональных координат».

Подобные результаты становятся возможными благодаря тренировке компьютерных моделей на размеченных данных, в которых каждому объекту анализа (тексту) уже приписан его атрибут (эмоциональные координаты, эмоциональный класс). Качество такого датасета чрезвычайно важно для достижения высоких показателей точности и полноты классификации текстов программой.

Однако оно чрезвычайно чувствительно ко множеству психолингвистических факторов, связанных со спецификой организации и функционирования речевого механизма аннотаторов (разметчиков), а именно: психотипу аннотатора, его способности интерпретировать эмоциональную составляющую текста; индивидуальному уровню эмпатии [5]; стратегиям интерпретации эмоции, к которым он прибегает с определенной регулярностью, поскольку они уже стали привычными паттернами поведения; специфике организации его ментального лексикона и степени владения языком и лингвокультурой в целом, например, чувствительность к культурным отсылкам и имплицитным культурным смыслам.

Проведя в рамках предыдущего проекта эмоциональное аннотирование с привлечением группы информантов – русских монолингвов [6], мы имели возможность наблюдать влияние всех перечисленных факторов, кроме последнего.

В связи с этим появилась исследовательская гипотеза о том, что фактор родного/неродного, доминантного/недоминантного языка будет так-

же влиять на общую конфигурацию эмоциональной разметки датасета. Следовательно, компьютерный анализатор эмоций в тексте на русском языке, обученный на датасете, размеченном русскими монолингвами, будет давать не вполне релевантные предсказания для восприятия билингов, чьим родным языком он не является.

Чтобы проверить данную гипотезу, мы провели сравнение результатов эмоционального аннотирования, полученных в двух группах аннотаторов: у русских монолингвов и тувинско-русских билингвов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что информационное пространство социальной сети «ВКонтакте» стало на сегодняшний момент основной платформой социального взаимодействия в русскоязычном, но, одновременно, многонациональном и мультиэтническом российском социуме. На данной площадке выстраиваются как личные, так и внутригрупповые, межконфессиональные и институциональные отношения, например государства и граждан. Поскольку большинство сетевых текстов, в том числе предназначенных для двуязычного населения Республики Тыва, пишутся и публикуются на русском языке, важным становится предсказание эмоционального эффекта, производимого такими текстами на читателей-билингвов. От успешности подобного эмоционального прогнозирования зависит эффективность сетевой коммуникации, на которой зиждется стабильность в многонациональном российском обществе.

Новизна работы состоит в том, что экспериментальное выявление и моделирование специфики интерпретации эмоции в тексте на русском языке тувинско-русскими билингвами проводится впервые. Кроме того, на данном материале применяется разработанный исследовательской группой специальный компьютерный интерфейс для недискретной эмоциональной разметки текстов, позволяющий получать числовые данные, которые затем могут быть использованы для моделирования и визуализации.

Цель данной публикации – представить результаты статистического анализа отличий эмо-

циональных значений, приписываемых одним и тем же текстам на русском языке русскими монолингвами и тувинско-русскими билингвами.

Специфика билингвального языкового сознания: тувинско-русский билингвизм

Билингвальное языковое сознание в норме и при патологии является одним из наиболее востребованных объектов изучения в современной психолингвистике. Рассматриваются следующие вопросы:

- 1) специфика протекания процессов памяти [7];
- 2) особенности становления фонематического слуха [8];
- 3) проблема восстановления речевой деятельности после инсульта [9];
- 4) отличительные черты когнитивной обработки эмоциональных слов.

Последняя из упомянутых тематик находится в фокусе нашего интереса.

Существует несколько основных теорий, объясняющих то, как связаны эмоции и слова в билингвальном ментальном лексиконе. Так, согласно RHM-концепции (Revised Hierarchical Model [10]), ментальный лексикон для каждого языка имеет лексический и концептуальный слой. Для первого языка (L1) связь между смыслом (концептом) и его лексическим репрезентантом крепче, чем для второго (L2), в силу ее раннего формирования. Для L2 ее слабость компенсируется дополнительной связью между словом на L2 и его смыслом в ментальном лексиконе L1. Таким образом, когда речь идет об эмоциях, активизируемых словами в билингвальном языковом сознании, то, скорее всего, они «оживляют» одновременно связи и в ментальном лексиконе L1 и L2 [11]. В рамках концепции «контекста изучения языка» [12] исследователи констатируют, что слова L1 в большей степени способны активировать эмоции, чем слова L2, поскольку их усвоение происходило в заведомо более эмоциональной атмосфере – в общении с родственниками, родителями.

Экспериментальные исследования, выполняемые с использованием заданий на лексическое решение [13] и процедур измерения активности

мозга при помощи электроэнцефалографии [14] и функциональной магнитно-резонансной томографии [15], подтверждают тезис о влиянии статуса языка в психолингвистической реальности билингва (доминантный или нет, первый или нет) на характер когнитивной обработки эмоций и эмоциональных слов.

В исследовании мы опираемся на результаты, полученные на материале экспериментов с группой тувинско-русских билингов, поэтому кратко опишем языковую ситуацию в Республике Тыва.

Современная этноязыковая ситуация в республике характеризуется как экзогlossная и несбалансированная: несмотря на то, что тувинский язык также является государственным, он уступает в коммуникативной мощности русскому и находится по отношению к нему «в положении функциональной дополнительной» [16, с. 194]. Как отмечает Т.Г. Боргоякова [16, с. 194], тувинский язык отличается от других тюркских языков (хакасского, алтайского и др.) высокой витальностью, что объясняется более поздним вхождением в состав СССР и, как следствие, тем, что Тува в наибольшей степени сохранила свою культурную и этническую самобытность, этнический язык.

Результаты ассоциативных экспериментов демонстрируют, что языковое сознание тувинских билингов строится преимущественно на основе тувинского языка, что указывает на его доминирующую роль в билингвальной психолингвистической реальности тувинцев [17, с. 21]. Тем не менее его коммуникативная мощностъ не равноценна в разных сферах социальной жизни: тувинцы проявляют наибольшую компетентность во владении устными формами тувинского языка и письменными формами русского языка [17, с. 21], который занимает лидирующие позиции в сфере управления и делопроизводства.

Одновременно исследователи признают, что «появились признаки ассимиляции тувинского языка и реального быстрого исчезновения в условиях глобализации» [18, с. 70].

Иными словами, психолингвистическая реальность билингвального языкового сознания

тувинцев представляет собой сложный и комплексный феномен, изучение которого посредством экспериментальной работы позволит получить новые сведения о нем. В частности, это касается специфики обработки эмоциональной информации, выраженной вербально на неродном, но коммуникативно достаточно сильном языке, т. е. в данном случае – русском.

Дизайн эксперимента, материалы и методы

В рамках проекта по созданию компьютерного классификатора текстов по критерию доминирующей в них эмоции нами был сформирован аннотированный датасет постов из социальной сети «ВКонтакте» в объеме 3920 текстов из трех пабликов: «Подслушано», «Палата № 6» и «Карамель». Данные публичные группы были выбраны в силу того, что публикуемые в них посты имеют небольшой и достаточно стандартный объем в 80–100 слов и отличаются яркой и разнообразной эмоциональной палитрой.

Чтобы создать подобную выборку, нам нужно было разработать процедуру эмоционального аннотирования, в ходе которой информантам предъявляется текст и предлагается оценить эмоцию/эмоции, присутствующие в нем. Несмотря на разнообразие существующих классификаций эмоций, мы остановились на многомерной модели, известной как «Куб Лёвхейма» [19]. Трехмерное пространство Куба представляет собой эмоциональный континуум, а его 8 вершин – максимальные точки проявления базовых эмоций: грусть, радость, отвращение, удивление, воодушевление, гнев, стыд, страх (*рис. 1*).

Для удобства аннотаторов нами был разработан интерфейс для недискретной разметки, где сначала на экране информанта появляется инструкция, затем – текст (пост из «ВКонтакте» объемом 80–100 слов), далее 4 шкалы для оценивания. Они представляют собой внутренние диагонали Куба: «Стыд – Воодушевление», «Отвращение – Гнев», «Страх – Удивление», «Радость – Грусть». Середина шкалы – ноль эмоций, чем ближе к тому или иному полюсу информант передвигает ползунок на шкале, тем сильнее выражена та эмоция, которая является крайней точкой шкалы (*рис. 2*).

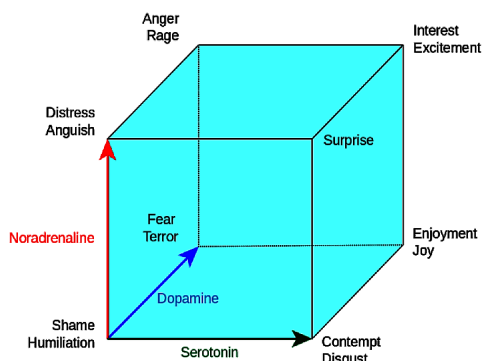

Рис. 1. Визуализация модели эмоций «Куб Лёвхейма» [19]
Fig. 1. Visualization of the Lövheim cube of emotion [19]

Дедушка пришел с фронта старшиной, весь в осколках — противотанковая артиллерия, наводчик орудия. В семнадцать лет убежал добровольцем, приписав себе год. Как-то сидим с ним, разговариваем, и я спросил его, сколько танков уничтожил, он ответил, что пять. А я в ответ: «А чего так мало?! Плохого кина нагляделся. Дедушка стал как бы оправдываться, что, мол, тяжело танк вывести из строя, он ведь тоже стреляет в ответ... Ну, и как-то тема сошла на нет. Было мне лет восемь или девять тогда. Сейчас мне 34 и за этот разговор мне больше всего в жизни стыдно. Зря тогда не извинился, деда уже нет 18 лет, вот теперь живу с этим.

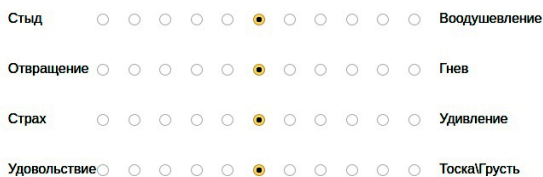

Рис. 2. Пользовательский экран интерфейса для не-дискретной эмоциональной разметки текстов
Fig. 2. User interface screen for non-discrete emotional markup of texts

Если аннотатор расставляет ползунки на всех шкалах, мы получаем числовые значения оценки на каждой шкале для каждого текста. Путем применения нескольких операций математического моделирования (4 значения превращаются в трехмерный усредняющий вектор, который проецируется на три оси Куба) мы можем конвертировать эти значения в эмоциональные координаты текста в пространстве Куба.

Тексты для аннотирования сначала были отобраны по тематическим эмоциогенным хештегам, а затем оценены с участием 2000 носителей русского языка, монолингвов на платформе

«Яндекс. Толока». Для проведения обсуждаемого в данной публикации эксперимента с билингвами мы использовали 48 текстов из данной выборки (по 6 на каждый из 8 эмоциональных классов), а в качестве аннотаторов выступили: а) 174 русских монолингва (ср. возраст = 21,1); б) 65 тувинско-русских билингвов (ср. возраст = 22,2). Но, поскольку не все информанты выполнили оценку до конца, в дальнейшем анализе мы будем опираться на данные от 46 информантов, оценивших все 48 текстов. В каждой группе более 70 % составляли студенты, обучающиеся в Сибирском федеральном университете. Прежде чем приступить к эмоциональному аннотированию респондентам было предложено пройти опросник, сформированный на базе опросника Bilingual Language Profile [20], для того, чтобы мы могли получить данные о доминирующем языке билингва. Обе группы информантов были сформированы из волонтеров посредством публикации соответствующего объявления в публичных группах в социальных сетях. Анкетирование и разметка проводились онлайн.

Результаты аннотирования по 4 шкалам анализировались нами при помощи статистической метрики, известной как *t*-критерий Стьюдента. Для качественного анализа использовался сравнительно-сопоставительный метод.

Исходная гипотеза эксперимента сформулирована следующим образом: если между эмоциональной интерпретацией текстов на русском языке в двух группах информантов (монолингвов и тувинско-русских билингвов) есть расхождение, то оценки 48 текстов на 4 шкалах в них будут статистически значимо отличаться.

Результаты и обсуждение

Статистическое сравнение полученных в двух группах информантов «сырых» данных, т. е. значений оценок по 4 шкалам предложенного информантам интерфейса, с применением *t*-критерия Стьюдента показало, что по двум шкалам («Отвращение – Гнев» и «Страх – Удивление») во всей выборке данных наблюдается значимое расхождение: при $p < 0.05$ по шкале «Отвращение – Гнев» получено значение

0,000017094950741, а по шкале «Страх – Удивление» – 0,000003958679177 (табл. 1). Оба – в зоне значимости.

Иными словами, можно предположить, что интерпретация данных 4 эмоций в текстах имеет у монолингвов и билингвов свою специфику. Причем качественный анализ показывает, что тувинско-русские билингвы больше акцентируют внимание на эмоциях отвращения и удивления, нежели это делают монолингвы.

Кроме общего анализа значимости отличий между оценками эмоций, данными монолингвами и билингвами по всем текстам, мы также применили *t*-критерий Стьюдента для установ-

ления значимости отличий в оценках в группах текстов, где ведущей является та или иная эмоция. Подчеркнем, что 73 % текстов в обеих выборках попали в одну и ту же категорию по критерию ведущей эмоции. Так, в группах текстов, где доминирующей эмоцией стали гнев или удивление, значимые отличия в оценках монолингвов и билингвов были обнаружены на шкалах «Стыд – Воодушевление» и «Страх – Удивление»; в подгруппе грустных текстов – «Стыд – Воодушевление» и «Радость – Грусть»; в отвратительных – «Стыд – Воодушевление» и «Отвращение – Гнев»; в радостных и воодушевленных – «Стыд – Воодушевление»;

Таблица 1

***p*-ЗНАЧЕНИЯ (при $p < 0,05$), ПОЛУЧЕННЫЕ ПРИ СРАВНЕНИИ ДАННЫХ ОЦЕНКИ ЭМОЦИИ ТЕКСТОВ БИЛИНГВАМИ И МОНОЛИНГВАМИ С ПОМОЩЬЮ *t*-КРИТЕРИЯ СТЬЮДЕНТА**

***p*-VALUES (at $p < 0.05$) OBTAINED BY COMPARING THE EVALUATION DATA OF TEXTS' EMOTIONS BY BILINGUALS AND MONOLINGUALS USING STUDENT'S *t*-TEST**

№	Стыд – Воодушевление	Отвращение – Гнев	Страх – Удивление	Радость – Грусть
	Вся выборка			
1	0,168035836418516	0,000017094950741	0,000003958679177	0,650112519548620
	Гневные тексты			
2	0,024581956452828	0,143814898804548	0,000036464976001	0,721777101947431
	Грустные тексты			
3	0,018088925987058	0,834818530646044	0,155642855229764	0,000014442944112
	Отвратительные тексты			
4	0,044788024244891	0,000000000000001	0,072912310348732	0,965666584906091
	Радостные тексты			
5	0,023280080837632	0,083019252225977	0,158893920686528	0,293755614940468
	Воодушевленные тексты			
6	0,000000339789053	0,307239340153000	0,179120164999974	0,117777342739973
	Страшные тексты			
7	0,089459445498090	0,665581657253674	0,074643383944760	0,034271317708824
	Стыдные тексты			
8	0,835649518894447	0,351717329435228	0,918886773061636	0,834782760469545
	Удивительные тексты			
9	0,000078409080575	0,697143996460154	0,034617158909735	0,066264496473109

Примечание. Полужирным выделены статистически значимые показатели.

в страшных – «Радость – Грусть». В группе стыдных текстов значимых отличий в эмоциональной интерпретации текстов на русском языке не выявлено.

Таким образом, мы можем констатировать, что, в зависимости от ведущей эмоции, статистически значимые отличия между монолингвами и билингвами могут наблюдаться на всех 4 шкалах оценки. Причем интересно, что, если ответы всех информантов согласуются относительно выбора ведущей эмоции, различия в оценках второстепенных эмоций существенны. Например, следующий текст был оценен всеми информантами как гневный:

Муж работает в крупной продуктовой компании. Достали родственники, которые постоянно удивляются тому, что он не тащит домой продукты. Да, блин, мы зарабатываем прилично и можем себе позволить купить все, что надо. Какой смысл из-за пакета молока лишиться достойной работы и испортить репутацию.

На рис. 3 и 4 хорошо видно, что, несмотря на близкие и высокие значения гнева на шкале «Отвращение – Гнев» (disgust_rage), вторичные эмоции распределены по-разному: у монолингвов эмоция стыда выражена слабее, чем у билингвов (шкала shame_excitement); ни страх, ни удивление не выражены вовсе, а у билингвов хорошо проявляется эмоция удивления (диапазон от 0 до 2 по шкале fear_surprise).

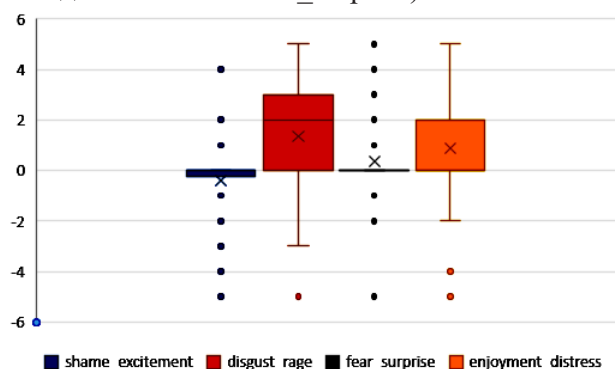

Рис. 3. Диаграмма размаха значений оценки текста № 1 русскими монолингвами

Fig. 3. Box plot of evaluations of text no. 1 by Russian monolinguals

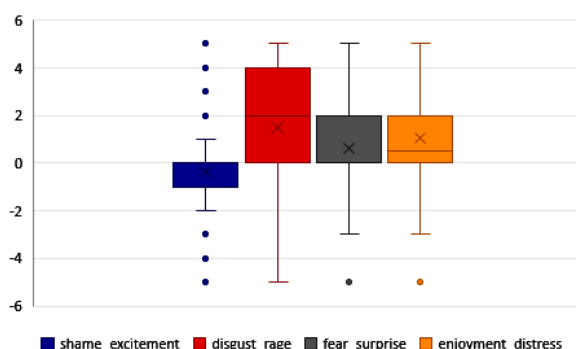
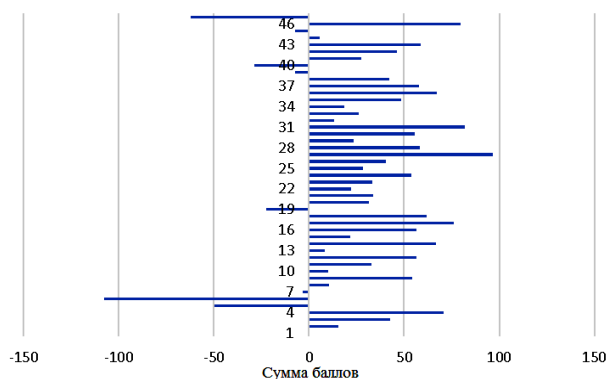

Рис. 4. Диаграмма размаха значений оценки текста № 1 тувинско-русскими билингвами

Fig. 4. Box plot of evaluations of text no. 1 by Tuvan-Russian bilinguals

Кроме того, при работе с данными, полученными только от билингвов, мы также увидели качественные и количественные отличия в зависимости от доминирующего языка билингва.

Чтобы определить доминирующий язык, мы воспользовались системой анализа, предложенной авторами опросника по билингвизму. Вопросам каждого из 4 модулей опросника присвоен различный максимальный балл, а каждому варианту ответа – своя ценность по шкале от 0 до 20 (модуль «Языковая история»), от 0 до 10 (модуль «Использование языка»), от 0 до 6 (модули «Языковая компетентность» и «Отношение к языкам»). Сумма ответов на все вопросы модуля о тувинском и русском языках в отдельности, помноженная на коэффициент данного модуля, дает общий балл за данный модуль. Разница между суммой баллов для тувинского и русского языков показывает индекс превалирования одного из языков в сознании билингва. На рис. 5 представлены итоговые значения оценки доминирующего языка, полученные путем суммирования баллов за все 4 модуля. В нашем случае разница со знаком «+» говорит о доминировании тувинского языка (Т), тогда как отрицательная – о доминировании русского языка (R). Мы также выделили паритетную (сбалансированную, В) группу респондентов, в которую попали значения от – 7 до 9 (рис. 5).

Рис. 5. Распределение 46 информантов-билингвов по параметру доминирующего языка

Fig. 5. Distribution of 46 bilingual informants by dominant language

По сумме баллов, полученных согласно опроснику по билингвизму, у 36 билингвов доминирующим языком является тувинский, у 5 – русский, 5 характеризуются сбалансированным билингвизмом.

При анализе по шкалам обнаружилось статистически значимые (при $p < 0.05$) отличия в оценках у билингвов с доминирующим русским языком, билингвов с доминирующим тувинским и сбалансированных билингвов (табл. 2).

Отсюда можно заключить, что доминирующий язык является одним из решающих факторов, которые влияют на результаты эмоциональной оценки, осуществляемой билингвами.

При сравнении с монолингвами большие статистические отличия проявляются у билингвов с доминирующим русским языком, меньшие – с доминирующим тувинским, еще менее выраженные – у информантов со сбалансированным билингвизмом. Однако во всех группах они статистически значимы.

Наибольшая «непохожесть» эмоциональной интерпретации монолингвов и билингвов с доминирующим русским языком может быть связана отчасти с небольшим количеством информантов среди вторых. Однако высокая значимость отличий может также свидетельствовать о том, что, даже в случае ведущей роли неродного языка в коммуникативном пространстве билингва, реальность его языкового сознания может быть иной, нежели чем у монолингва.

Интересен еще тот факт, что в тех случаях, когда информантам-билингвам приходилось несколько раз оценивать один и тот же текст из-за технических сбоев, связанных с неустойчивой интернет-сетью, они по-разному, иногда кардинально, оценивали текст в первый и во второй раз. Отметим, что технические сбои случались и при аннотировании текстов монолингвами,

Таблица 2

***p*-ЗНАЧЕНИЯ (при $p < 0,05$), ПОЛУЧЕННЫЕ ПРИ СРАВНЕНИИ ДАННЫХ ОЦЕНКИ ЭМОЦИИ ТЕКСТОВ БИЛИНГВАМИ ИЗ РАЗНЫХ ГРУПП ПО ДОМИНАНТНОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ *t*-КРИТЕРИЯ СТЬЮДЕНТА**

***p*-VALUES (at $p < 0.05$) OBTAINED BY COMPARING THE EVALUATION DATA OF TEXTS' EMOTIONS BY BILINGUALS FROM DIFFERENT DOMINANT LANGUAGE GROUPS USING STUDENT'S *t*-TEST**

Сравниваемые группы	Значение <i>p</i>
Т/R-билингвы	0,013304970
R/B-билингвы	0,003715299
Т/B-билингвы	0,032157913
Монолингвы/Т-билингвы	0,000947464
Монолингвы/B-билингвы	0,003171218
Монолингвы/R-билингвы	0,000291929

Примечание. Полужирным выделены статистически релевантные значения.

однако последние при повторном оценивании практически точь-в-точь повторяли свой первый ответ.

Такая нестабильность эмоционального восприятия текстов у билингвов, очевидно, связана с тем, что в языковом сознании активируются одновременно эмоциональные составляющие русских и тувинских слов. От того, какая нейронная связь будет активирована сильнее в данный конкретный момент, зависит ответ информанта.

Заключение

Проведенная экспериментальная работа позволяет сделать несколько предварительных выводов, которые, тем не менее, нуждаются в дополнительной проверке в дальнейшем.

Во-первых, следует констатировать, что наша гипотеза подтвердилась: между числовыми оценками эмоциональности текстов, формулируемыми билингвами и монолингвами, есть статистически значимые отличия, а значит, есть и качественные отличия в интерпретации ими эмоциональности в тексте.

Во-вторых, подчеркнем, что при общем совпадении мнений относительно ведущей эмоции, вербализованной в тексте, информанты-монолингвы и информанты-билингвы выбирали различные вторичные эмоции.

В-третьих, неодинакова глубина отличий между монолингвами и билингвами: она зави-

сит от доминирующего языка билингва. Наибольшие отличия показывает, как ни парадоксально, сравнение монолингвов и билингвов с доминирующим русским языком.

Наконец, важно, что билингвы демонстрируют некоторую волатильность или нестабильность оценок при первом и повторном оценивании одного и того же текста.

Таким образом, представляется, что подобного рода экспериментальная работа вносит определенный вклад в разработку проблемы восприятия и интерпретации эмоции в тексте билингвами, поскольку предложены новая методология и инструментарий для дальнейшего анализа.

Перспективы работы имеют технологический и социальный векторы: во-первых, ее результаты могут стать основой для разработки компьютерного приложения для генерации эмоциональных текстов, предназначенных именно для билингвов; во-вторых, наши наблюдения за «эмоциональным скольжением» в восприятии текстов на русском языке станут основой для создания методических рекомендаций для специалистов по связям с общественностью, журналистов, SMM-менеджеров по написанию экологичных в отношении эмоционального воздействия текстов, адресатами которых являются билингвы.

Список литературы

1. *Daily S.B., James M.T., Cherry D., Porter J.J. III, Darnell S.S., Isaac J., Roy T.* Affective Computing: Historical Foundations, Current Applications, and Future Trends // *Emotions and Affect in Human Factors and Human-Computer Interaction* / ed. by M. Jeon. Houghton: Academic Press, 2017. P. 213–231. DOI: [10.1016/B978-0-12-801851-4.00009-4](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801851-4.00009-4)
2. *Alm C.O., Rot D., Sproat R.* Emotions from Text: Machine Learning for Text-Based Emotion Prediction // *Proceedings of Human Language Technology Conference and Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing* / ed. by R. Mooney, C. Brew, L.-F. Chien, K. Kirchhoff. Vancouver: Association for Computational Linguistics, 2005. P. 579–586. URL: <https://aclanthology.org/H05-1073.pdf> (дата обращения: 26.04.2022).
3. *Volkova E.P., Mohler B.J., Meurers W.D., Gerdemann D., Bülhoff H.H.* Emotional Perception of Fairy Tales: Achieving Agreement in Emotion Annotation of Text // *Proceedings of the NAACL HLT 2010 Workshop on Computational Approaches to Analysis and Generation of Emotion in Text* / ed. by D. Inkpen, C. Strapparava. Los Angeles: Association for Computational Linguistics, 2010. P. 98–106. URL: <https://aclanthology.org/W10-0212.pdf> (дата обращения: 26.04.2022).

4. *Gunes H., Pantic M.* Automatic, Dimensional and Continuous Emotion Recognition // *Int. J. Synth. Emot.* 2010. Vol. 1, № 1. P. 68–99. DOI: [10.4018/jse.2010101605](https://doi.org/10.4018/jse.2010101605)
5. *Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A.* Semiotic Function of Empathy in Text Emotion Assessment // *Biosemiotics.* 2021. Vol. 14, № 2. P. 329–344. DOI: [10.1007/s12304-021-09434-y](https://doi.org/10.1007/s12304-021-09434-y)
6. *Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V.* Non-Discrete Sentiment Dataset Annotation: Case Study for Lövheim Cube Emotional Model // *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science / ed. by D.A. Alexandrov, A.V. Boukhanovsky, A.V. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov.* Cham, 2020. Vol. 1242. P. 154–164. DOI: [10.1007/978-3-030-65218-0_12](https://doi.org/10.1007/978-3-030-65218-0_12)
7. *Kazanas S.A., Wilck A.M., Altarriba J.* Adaptive Memory: Greater Memory Advantages in Bilinguals' First Language // *Int. J. Biling.* 2022. Vol. 26, № 1. P. 49–64. DOI: [10.1177/13670069211022856](https://doi.org/10.1177/13670069211022856)
8. *Pan L., Ke H., Styles S.J.* Early Linguistic Experience Shapes Bilingual Adults' Hearing for Phonemes in Both Languages // *Sci. Rep.* 2022. Vol. 12. Art. № 4703. DOI: [10.1038/s41598-022-08557-7](https://doi.org/10.1038/s41598-022-08557-7)
9. *Mechelli A., Crinion J.T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R.S., Price C.J.* Structural Plasticity in the Bilingual Brain: Proficiency in a Second Language and Age at Acquisition Affect Grey-Matter Density // *Nature.* 2004. Vol. 431. P. 757. DOI: [10.1038/431757a](https://doi.org/10.1038/431757a)
10. *Kroll J.F., Stewart E.* Category Interference in Translation and Picture Naming: Evidence for Asymmetric Connections Between Bilingual Memory Representations // *J. Mem. Lang.* 1994. Vol. 33, № 2. P. 149–174. DOI: [10.1006/jmla.1994.1008](https://doi.org/10.1006/jmla.1994.1008)
11. *Eilola T.M., Havelka J., Sharma D.* Emotional Activation in the First and Second Language // *Cogn. Emot.* 2007. Vol. 21, № 5. P. 1064–1076. DOI: [10.1080/02699930601054109](https://doi.org/10.1080/02699930601054109)
12. *Harris C.L., Gleason J.B., Ayçiçeği A.* When Is a First Language More Emotional? Psychophysiological Evidence from Bilingual Speakers // *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation / ed. by Pavlenko A.* Clevedon: Multilingual Matters, 2006. P. 257–283. URL: <https://www.bu.edu/psych/charris/papers/HarrisEmotionBiling.pdf> (дата обращения: 26.04.2022).
13. *Kazanas S.A., Altarriba J.* Emotion Word Processing: Effects of Word Type and Valence in Spanish–English Bilinguals // *J. Psycholinguist. Res.* 2016. Vol. 45, № 2. P. 395–406. DOI: [10.1007/s10936-015-9357-3](https://doi.org/10.1007/s10936-015-9357-3)
14. *Vélez-Uribe I., Rosselli M.* Electrophysiological Correlates of Emotion Word Processing in Spanish–English Bilinguals // *Biling. Lang. Cogn.* 2021. Vol. 24, № 1. P. 31–55. DOI: [10.1017/S136672892000036X](https://doi.org/10.1017/S136672892000036X)
15. *Chen P., Lin J., Chen B., Lu C., Guo T.* Processing Emotional Words in Two Languages with One Brain: ERP and fMRI Evidence from Chinese–English Bilinguals // *Cortex.* 2015. Vol. 71. P. 34–48. DOI: [10.1016/j.cortex.2015.06.002](https://doi.org/10.1016/j.cortex.2015.06.002)
16. *Боргоякова Т.Г.* Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири: моногр. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2002. 264 с.
17. *Цыбенова Ч.С.* О языковой компетенции тувинцев (результаты социологического анкетирования) // *Учен. зап. ЗабГГПУ.* 2013. № 2(49). С. 148–155.
18. *Бавуу-Сюрюн М.В.* Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // *Новые исследования Тувы.* 2010. № 3. С. 57–71. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500/876> (дата обращения: 26.04.2022).
19. *Lövheim H.* A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters // *Med. Hypotheses.* 2012. Vol. 78, № 2. P. 341–348. DOI: [10.1016/j.mehy.2011.11.016](https://doi.org/10.1016/j.mehy.2011.11.016)
20. *Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M.* Bilingual Language Profile: An Easy-to-Use Instrument to Assess Bilingualism. COERLL, University of Texas at Austin. Web. 20 Jan. 2012. URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> (дата обращения: 26.04.2022).

References

1. Daily S.B., James M.T., Cherry D., Porter J.J. III, Darnell S.S., Isaac J., Roy T. Affective Computing: Historical Foundations, Current Applications, and Future Trends. Jeon M. (ed.). *Emotions and Affect in Human Factors and Human-Computer Interaction.* Houghton, 2017, pp. 213–231. DOI: [10.1016/B978-0-12-801851-4.00009-4](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801851-4.00009-4)
2. Alm C.O., Rot D., Sproat R. Emotions from Text: Machine Learning for Text-Based Emotion Prediction. Mooney R., Brew C., Chien L.-F., Kirchoff K. (eds.). *Proceedings of Human Language Technology Conference and Conference*

on *Empirical Methods in Natural Language Processing*. Vancouver, 2005, pp. 579–586. Available at: <https://aclanthology.org/H05-1073.pdf> (accessed: 26 April 2022).

3. Volkova E.P., Mohler B.J., Meurers W.D., Gerdemann D., Bühlhoff H.H. Emotional Perception of Fairy Tales: Achieving Agreement in Emotion Annotation of Text. Inkpen D., Strapparava C. (eds.). *Proceedings of the NAACL HLT 2010 Workshop on Computational Approaches to Analysis and Generation of Emotion in Text*. Los Angeles, 2010, pp. 98–106. Available at: <https://aclanthology.org/W10-0212.pdf> (accessed: 26 April 2022).

4. Gunes H., Pantic M. Automatic, Dimensional and Continuous Emotion Recognition. *Int. J. Synth. Emot.*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 68–99. DOI: [10.4018/jse.2010101605](https://doi.org/10.4018/jse.2010101605)

5. Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A. Semiotic Function of Empathy in Text Emotion Assessment. *Biosemiotics*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 329–344. DOI: [10.1007/s12304-021-09434-y](https://doi.org/10.1007/s12304-021-09434-y)

6. Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V. Non-Discrete Sentiment Dataset Annotation: Case Study for Lövheim Cube Emotional Model. Alexandrov D.A., Boukhanovsky A.V., Chugunov A.V., Kabanov Y., Koltsova O., Musabirov I. (eds.). *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science*. Cham, 2020. Vol. 1242, pp. 154–164. DOI: [10.1007/978-3-030-65218-0_12](https://doi.org/10.1007/978-3-030-65218-0_12)

7. Kazanas S.A., Wilck A.M., Altarriba J. Adaptive Memory: Greater Memory Advantages in Bilinguals' First Language. *Int. J. Biling.*, 2022, vol. 26, no. 1, pp. 49–64. DOI: [10.1177/13670069211022856](https://doi.org/10.1177/13670069211022856)

8. Pan L., Ke H., Styles S.J. Early Linguistic Experience Shapes Bilingual Adults' Hearing for Phonemes in Both Languages. *Sci. Rep.*, 2022, vol. 12. Art. no. 4703. DOI: [10.1038/s41598-022-08557-7](https://doi.org/10.1038/s41598-022-08557-7)

9. Mechelli A., Crinion J.T., Noppeney U., O'Doherty J., Ashburner J., Frackowiak R.S., Price C.J. Structural Plasticity in the Bilingual Brain: Proficiency in a Second Language and Age at Acquisition Affect Grey-Matter Density. *Nature*, 2004, vol. 431, p. 757. DOI: [10.1038/431757a](https://doi.org/10.1038/431757a)

10. Kroll J.F., Stewart E. Category Interference in Translation and Picture Naming: Evidence for Asymmetric Connections Between Bilingual Memory Representations. *J. Mem. Lang.*, 1994, vol. 33, no. 2, pp. 149–174. DOI: [10.1006/jmla.1994.1008](https://doi.org/10.1006/jmla.1994.1008)

11. Eilola T.M., Havelka J., Sharma D. Emotional Activation in the First and Second Language. *Cogn. Emot.*, 2007, vol. 21, no. 5, pp. 1064–1076. DOI: [10.1080/02699930601054109](https://doi.org/10.1080/02699930601054109)

12. Harris C.L., Gleason J.B., Ayçiçeği A. When Is a First Language More Emotional? Psychophysiological Evidence from Bilingual Speakers. Pavlenko A. (ed.). *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Clevedon, 2006, pp. 257–283. Available at: <https://www.bu.edu/psych/charris/papers/HarrisEmotionBiling.pdf> (accessed: 26 April 2022).

13. Kazanas S.A., Altarriba J. Emotion Word Processing: Effects of Word Type and Valence in Spanish–English Bilinguals. *J. Psycholinguist. Res.*, 2016, vol. 45, no. 2, pp. 395–406. DOI: [10.1007/s10936-015-9357-3](https://doi.org/10.1007/s10936-015-9357-3)

14. Vélez-Urbe I., Rosselli M. Electrophysiological Correlates of Emotion Word Processing in Spanish–English Bilinguals. *Biling. Lang. Cogn.*, 2021, vol. 24, no. 1, pp. 31–55. DOI: [10.1017/S136672892000036X](https://doi.org/10.1017/S136672892000036X)

15. Chen P., Lin J., Chen B., Lu C., Guo T. Processing Emotional Words in Two Languages with One Brain: ERP and fMRI Evidence from Chinese–English Bilinguals. *Cortex*, 2015, vol. 71, pp. 34–48. DOI: [10.1016/j.cortex.2015.06.002](https://doi.org/10.1016/j.cortex.2015.06.002)

16. Borgoyakova T.G. *Sotsiolingvisticcheskie protsessy v respublikakh Yuzhnoy Sibiri* [Sociolinguistic Processes in the Republics of Southern Siberia]. Abakan, 2002. 264 p.

17. Tsybenova Ch.S. O yazykovoy kompetentsii tuvintsev (rezul'taty sotsiologicheskogo anketirovaniya) [On Language Competence of the Tuvans (Results of Sociolinguistic Survey)]. *Uchenye zapiski ZabGGPU*, 2013, no. 2, pp. 148–155.

18. Bavuu-Syuryun M.V. Tuvinskiy yazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyy aspekt [Tuvan Language on Modern Stage: Educational Aspect]. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2010, no. 3, pp. 57–71. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/500/876> (accessed: 26 April 2022).

19. Lövheim H. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. *Med. Hypotheses*, 2012, vol. 78, no. 2, pp. 341–348. DOI: [10.1016/j.mehy.2011.11.016](https://doi.org/10.1016/j.mehy.2011.11.016)

20. Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. *Bilingual Language Profile: An Easy-to-Use Instrument to Assess Bilingualism*. COERLL, University of Texas at Austin. Web. 20 January 2012. Available at: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> (accessed: 26 April 2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V206

Anastasiya V. Kolmogorova

National Research University Higher School of Economics;
nab. kanala Griboedova 123, St. Petersburg, 190068, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050> e-mail: nastiakol@mail.ru

Alina V. Malikova

Siberian Federal University;
prosp. Svobodnyy 82, str. 1, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3438-1839> e-mail: malikovaav1304@gmail.com

MODELLING THE EMOTIONAL PERCEPTION OF RUSSIAN INTERNET TEXTS BY TUVAN-RUSSIAN BILINGUALS COMPARED TO RUSSIAN MONOLINGUALS: A PILOT STUDY

This study was carried out in the field of emotional text analysis. The aim of the paper was statistical modelling of the emotional perception of Internet texts in the Russian language by Tuvan-Russian bilinguals. A hypothesis about the significance of the factor of mental lexicon organization in the emotional markup of texts by this group was tested. We assumed that, due to the complexity of the psycholinguistic reality of the bilingual linguistic consciousness of the Tuvans, the markup would reflect some specific features in their processing of emotional information expressed verbally in a non-native, but communicatively meaningful language. The research material included 48 texts from the dataset of posts from the social network VKontakte: 6 texts for each emotional class according to Lövheim's three-dimensional model for emotions, i.e. distress, enjoyment, disgust, surprise, excitement, anger, shame, and fear. A computer interface developed and tested by the research group was used for non-discrete emotional markup of texts. The psycholinguistic experiment involved 174 Russian monolinguals and 65 Tuvan-Russian bilinguals. Before moving on to annotation, bilingual informants completed the Bilingual Language Profile questionnaire for us to obtain data on their dominant language. To analyse the results, we applied the Student's *t*-test and the comparative method. We found a statistical significance of differences in the affective evaluations attributed to texts in the Russian language by Russian monolinguals and Tuvan-Russian bilinguals (the majority of them were 18–25 years old). According to the results, the magnitude of these differences depends on the bilingual's dominant language. There is a discrepancy in secondary emotions between Russian monolinguals and Tuvan-Russian bilinguals, while the texts' leading emotion is common for both groups. In addition, we observed a certain instability in bilinguals' evaluations when they were asked to do the task again due to a technical error. The results of this research contribute to the study of bilinguals' perception of emotions in texts.

Keywords: *affective computing, bilingualism, dominant language, Internet text, psycholinguistics, Tuvan language, emotion analysis.*

Поступила 02.05.2022
Принята 30.09.2022
Опубликована 14.10.2022

Received 2 May 2022
Accepted 30 September 2022
Published 14 October 2022

For citation: Kolmogorova A.V., Malikova A.V. Modelling the Emotional Perception of Russian Internet Texts by Tuvan-Russian Bilinguals Compared to Russian Monolinguals: A Pilot Study. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 39–50. DOI: 10.37482/2687-1505-V206

УДК [81'33:811.134.2]:2

DOI: 10.37482/2687-1505-V204

ДАВТЯН Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации. Автор 24 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5917-0632>

КРЮКОВА Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации. Автор 22 научных публикаций, в т. ч. учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-1252>

РЕЛИГИОЗНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Статья посвящена анализу использования религиозных коннотаций в политическом дискурсе стран Латинской Америки. Изучение подобных случаев подтверждает гипотезу о политической поляризации католической церкви и параллельной клерикализации политического процесса в регионе. Авторы данного исследования ставят перед собой цель рассмотреть использование элементов религиозного дискурса в рамках политического в качестве инструмента суггестивного и манипулятивного воздействий на избирателей. Эмпатия и речевая манипуляция в рассмотренных примерах строятся на использовании пресуппозитивных знаний, которые включают в себя религиозный аспект. Обращение к религиозным чувствам адресатов дискурсивного сообщения посредством библейских метафор, аллюзий и цитат объясняется религиозно-этнической спецификой региона. Языковые и, шире, дискурсивные средства в купе с экстралингвистическим оформлением речей политиков производят подмену авторства высказывания, присваивая его высшим силам, тем самым обезоруживая избирателя перед лицом политического внушения. Актуальность темы определяется растущим интересом к изучению использования комплекса вербальных и экстралингвистических манипулятивных средств, применяемых специалистами в ходе современных предвыборных кампаний. Использование дискурсивного подхода, обуславливающего вектор развития речи политического деятеля, при анализе данных явлений становится необходимым ввиду большого объема информации, обстоятельств общения и характеристик участников коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, религиозный дискурс, Латинская Америка, коннотация, религиозная метафора, речевая манипуляция.

*Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-mail: yu.slivchikova@my.mgimo.ru

**Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-mail: e.kryukova@my.mgimo.ru

Для цитирования: Давтян Ю.В., Крюкова Е.В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204

Академическое определение понятия «политика» изначально говорит о том, что сущность любого политического явления манипулятивна, т. е. направлена на достижение определенных целей посредством воздействия на общественное мнение. Влияние власти на человека можно свести, по сути, к физическому и речевому. Авторы исследования ставят перед собой цель выявить механизмы речевого манипулятивного влияния политических деятелей на общество. Данному вопросу посвящен ряд работ зарубежных и отечественных ученых, однако представляется необходимым более подробно описать роль религиозного дискурса в создании политической манипуляции, что определяет актуальность и новизну исследования. Исходя из цели, авторы ставят перед собой задачу рассмотреть политический дискурс ряда латиноамериканских стран за последнее десятилетие и проследить использование в нем элементов религиозного дискурса с манипулятивной целью. Материалами исследования послужили многочисленные выступления политиков стран Латинской Америки по телевидению, радио, на митингах и дебатах. Изучение взаимовлияния политического и религиозного дискурса дополняет существующие исследования о дискурсе и тем самым представляет собой теоретическую значимость. Практическая значимость заключается в создании определенных дополнительных инструментов для анализа политического дискурса на примере обширного региона, объединенного социально-историческими и культурно-языковыми особенностями, что открывает перспективы для подобных исследований в других частях света.

Механизмы речевого воздействия на реципиента сообщения в целом уже хорошо изучены. Собранные данные, а также постоянно растущий инструментарий практики речевого влияния на адресата анализируются и изучаются «наукой об эффективном общении», цели которой описывает И.А. Стернин [1, с. 4]. Фактически «речевое воздействие» является ответвлением прагматики, рассматривает отношения знаковых систем и лиц, их использующих, в более конкретных ситуациях общения, как то

в рекламе, бизнесе, публичных выступлениях политиков и т. п.

Прагматика как наука об отношении автора дискурса к используемым им знакам, являющаяся тем самым частью семиотики, была предложена в качестве новой дисциплины Ч. Моррисом с целью объединить обширные исследования, включающие изучение взаимодействия говорящего с объектом коммуникации, ситуации общения, влияния пресуппозиции, эмпатии, цели высказывания, а также применяемых речевых тактик. Эффективное общение, как и сама прагматика, не имеет четких границ, однако в нем можно выделить три принципиально разные тактики общения, которые делят науку, предложенную Д. Карнеги и П. Сопером, на три направления: открытое убеждение посредством логичной аргументации или суггестия, речевое насилие и манипулятивное управление сознанием адресата.

Под речевой манипуляцией мы понимаем скрытое лингвокогнитивное воздействие на адресата в корыстных целях, принуждающее бессознательно изменить собственное мнение по ряду вопросов. Искусный манипулятор всегда готовится к акту речи, учитывая пресуппозитивные знания собеседника, которые мы понимаем как закрепленный в языке исторический и культурный опыт народа, «фонд общих знаний и знание универсальной человеческой логики, эстетические и этические нормы, литературные традиции» [2, с. 28]. В узком смысле пресуппозиция – это общее знание для говорящего и слушающего [3, с. 55]. Это могут быть крылатые фразы из кинофильмов и литературных произведений, несущие в себе общие для собеседников ассоциации, значимые имена, числа, даты, а также цитаты из священных книг и религиозные метафоры, о которых пойдет речь ниже. Использование в дискурсе пресуппозитивных данных направлено на создание эмпатии, оптимальной атмосферы для восприятия сообщения, способствует интимизации повествования, что в свою очередь ослабляет защиту сознания адресата и позволяет овладеть им манипулятивным сообщением [4, с. 10]. Сами по себе метафоры и цитаты, являющиеся частью религиозного дис-

курса, обладают суггестивным потенциалом, который, однако, имеет не корыстные цели, а скорее этические и моральные, поскольку в проповедях и беседах они используются для воспитания различных человеческих добродетелей и борьбы с пороками, содействия духовному росту. Но их применение в дискурсе политическом резко меняет механизм воздействия на человека на манипулятивный, поскольку в новом окружении коннотативное значение библейских, к примеру, реалий имеет под собой абсолютно иные интенции.

Речевой манипуляции в политическом дискурсе посвящен ряд работ, выполненных в рамках политической лингвистики. Она начинает развиваться в эпоху упадка тоталитарных режимов и наращивания демократических сил, в связи с необходимостью изучения новых процессов влияния власти, сменившей кнут на пряник, на граждан посредством политических программ, агитационных материалов, публичных выступлений. Параллельное развитие дискурс-анализа в итоге позволяет в наши дни рассматривать политический дискурс как многоплановое явление в единстве его лингвистического и экстралингвистического компонентов. Дискурсивный подход в политической лингвистике становится, таким образом, крайне перспективным направлением, поскольку позволяет анализировать политический текст в контексте актуальной ситуации с учетом целей, мировоззрения и личности автора и адресата, а также в его соотношении с другими текстами. Е.И. Шейгал полагает, что основополагающей функцией политического дискурса является борьба за власть, именно вокруг цели обладания властью строится концептосфера политического дискурса. Е.И. Шейгал утверждает, что для политического дискурса характерно активное взаимопроникновение с другими дискурсами [5], в том числе и с религиозным.

Ошибочное мнение о крайней степени секуляризованности современного общества разбивается о «неожиданно» вспыхивающие в разных частях света конфликты, которые порой приводят к радикальной смене политического

курса страны или целого региона. «Религия – «слепая зона» современной общественной науки, слон в центре комнаты, которого никто не замечает до тех пор, пока он не начинает крушить разложенную повсюду фарфоровую посуду» [6, с. 15]. Нежелание многих политиков осознать важность религиозного самосознания граждан говорит лишь об их непрофессионализме, политической близорукости. Другой вопрос, насколько этично апеллировать к религиозным чувствам граждан в ходе, например, предвыборной кампании.

Нередко морально-этические доводы, приносимые в политический дискурс посредством религиозного, имеют своей задачей четко и понятно для общества разделить политическую конъюнктуру на «добро» и «зло», «своих» и «чужих» с манипулятивной целью [7]. Апелляция к божественной справедливости позволяет производить подобную сегрегацию на мнимых основаниях, зачастую противоречащих общей логике и правосудию. Религиозность дискурса создает конкретную матрицу восприятия политических и социальных процессов, лишая общество права на «особое мнение». Логика проста: «включение Бога» в политическую программу устраняет любые противоречия, поскольку лишает возможности думать и рассуждать, приводить доводы – достаточно просто верить. Таким образом, религия становится в рамках политики циничным инструментом манипуляции.

У американских исследователей мы находим относительно новый термин «God Talk», под которым понимается использование языковых и риторических инструментов для объединения политического и религиозного в публичных выступлениях. Речь здесь скорее идет не о содержании, а о форме передачи сообщения. God Talk является результатом взаимопроникающих процессов клерикализации политики и политизации религии. Использование элементов религиозного дискурса в политическом имеет целью смещение центра принятия решений с логического основания на морально-этическое. Ч. Хьюз также вводит термин God Card (божественный

козырь) в качестве определения апелляции к Богу как последней инстанции при отсутствии логической аргументации в спорных вопросах социополитического характера: темы аборта, территориальных конфликтов и т. п. [8].

Религиозность латиноамериканского политического дискурса в основном выражается в использовании библейских аллюзий, метафор и цитат, что не редко преследует цель создать некий эффект проповеди. Элементы религиозного дискурса воздействуют на членов определенного коммуникативного сообщества, являющегося в свою очередь частью некоего социокультурного объединения людей, посредством зашифрованной в них информации, апеллируя к пресуппозитивным коллективным знаниям или, иными словами, опираясь на когнитивную картину мира части народа. Эти элементы, которые независимо от языкового объема своего выражения (слово, словосочетание, фраза, текст), мы понимаем как концепты или ментальные образования, представляющие собой типизированные фрагменты опыта, что хранит человеческая память [9, с. 59]. Концепты закладываются в сознание человека с детства и далее в течение всей жизни пополняются в процессе формирования личности, который включает и изучение иностранных языков, и профессиональный рост и т. п.

Концепт создает в сознании человека представление о явлении, предмете. Пользуясь сведениями энциклопедического характера, он также информирует об обусловленной ситуативно валентности. Любой концепт, рассматриваемый в рамках языкового сообщества, приобретает субъективно-коллективное отношение, ассоциации (социальные, культурные, исторические, религиозные), которые можно определить как коннотативное значение. Подобным коннотативным значением обладают и религиозные кон-

цепты, вводимые латиноамериканскими политиками в свой дискурс с определенными манипулятивными целями. Такие концепты, как прощение, милосердие, муки, самопожертвование, сострадание, смиренность, неразрывно связаны в когнитивной картине мира латиноамериканского народа с религией. Желание апеллировать к ним неизбежно приведет к использованию религиозного дискурса в политическом. Мощь религиозных риторических средств (метафоры, аллюзии, аналогии) очевидна, поскольку они являются эффективным инструментом убеждения, обладая впечатляющим описательным потенциалом, порождающим неподдельные эмоции [10].

Так, например, действующий президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор смог превратить веру в политический актив, создав образ некоего мессии, взывающего к религиозности своих сограждан. В 2019 году после подписания нового миграционного договора с США Обрадор обращается к мексиканцам со следующими словами: «Библия – это книга ценностей, в которой собраны основные моральные предписания. В ней говорится, что нельзя плохо относиться к страннику, что нужно поддержать мигранта и помочь ему»¹.

В том же году в ходе реформы образования Обрадор призывает не сокращать и не задерживать зарплату учителям, называя это греховным деянием. «Не платить работнику вовремя – это не только преступление, это нарушение Конституции. Это грех, о котором говорится в Библии, в Ветхом Завете, я даже могу процитировать»².

За несколько дней до этого в ходе презентации Национальной стратегии чтения Обрадор опять интерпретирует слова Спасителя: «Не хлебом единым жив человек. Необходимо достичь равновесия между материальным и духовным. Мы должны уделить должное

¹El peligroso discurso religioso del presidente. 2019. URL: <https://cuestionone.com/nacional/el-peligroso-discurso-religioso-del-presidente/> (дата обращения: 02.02.2022).

²Ordorica A.P. Es un pecado no pagarle a tiempo a un trabajador, está en la Biblia: AMLO sobre CNTE. 2019. URL: <https://anapaulaordorica.com/es-un-pecado-no-pagarle-a-tiempo-a-un-trabajador-esta-en-la-biblia-amlo-sobre-cnte/> (дата обращения: 12.11.2020).

внимание укреплению ценностных ориентиров»³.

Политический дискурс Обрадора, как мы видим, превращается в некий «религиозный популизм», в котором неточные библейские аллюзии апеллируют к религиозным чувствам его реципиентов. Таким образом происходит коннотирование нейтрального означаемого, имеющее целью в узком смысле придать ему торжественность, а в широком – помочь слушателю определить место высказывания в интертекстуальном пространстве данного коммуникативного сообщества с опорой на общий багаж пресуппозитивных знаний. Иными словами, объективная информация, помещенная в религиозное дискурсивное пространство некоего народа, перестает восприниматься людьми объективно и приобретает коннотативные значения, которые в свою очередь изменяют механизм усвоения данной информации, ослабляют защиту сознания, позволяют манипулятору донести сообщение в измененном, выгодном ему виде.

Любопытно, что использование религиозного дискурса в политическом имеет структуру «центр–периферия». Смысловым центром такого симбиоза являются высказывания по определенным политическим, социальным, экономическим вопросам с религиозной коннотацией. Но не менее важна и «периферия» этого взаимодействия. В ней мы не находим важных актуальных обсуждаемых острых вопросов. Это скорее подготовка плодородной почвы для посева необходимых идей автором дискурса. Речь идет о создании образа автора дискурса посредством его высказываний. Важность данного образа неоспорима, поскольку известно, что дискурс

воспринимается только в совокупности таких факторов, как особенности адресата и адресанта сообщения (религиозные, этические, национальные, возрастные и т.д.), места и времени его передачи.

В 2018 году в ходе своей предвыборной кампании Обрадор увещевает своих политических противников: «Остановись, враг, сердце Иисуса со мной, но нет врагов, есть противники, у меня нет врагов, и я не хочу иметь их»⁴. В этом же году на Пасху он дает большое интервью, в котором объясняет, каковы же его религиозные убеждения. Необходимость такого сообщения очевидна. Мексика – государство многоконфессиональное. Отношения церкви и государства в Мексике четко определены конституцией: церковь отделена от государства. Однако 89 % верующих исповедуют католицизм, хотя, важно отметить, что религиозная традиция этой страны сформировалась под влиянием верований местного индейского населения и включает элементы их религий, а также имеет очень сильные антиклерикальные традиции. Учитывая данное многообразие избирателей, Обрадор говорит: «Когда меня спрашивают, к какой религии я принадлежу, я говорю, что я христианин в широком смысле этого слова, потому что Иисус – это любовь и справедливость – это любовь. Недавно Папа Франциск сказал верующим, что, когда они защищают правое дело, они глубоко человечны и в душе они христиане. Так и я, с уважением отношусь ко всем верованиям и религиям, а также к людям неверующим»⁵.

В своем аккаунте в «Твиттере» он пишет: «Как же хорошо цитировать ее (Библию): блаженны нищие духом, кроткие, плачущие, блаженны алчущие и жаждущие правды и чистые

³No sólo de pan vive el hombre: López Obrador cita pasaje bíblico. 2019. URL: <https://www.vanguardiaveracruz.mx/no-solo-de-pan-vive-el-hombre-lopez-obrador-cita-pasaje-biblico/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴Morales A., Villa y Caña P. Detente enemigo, que el corazón de Jesús está conmigo: AMLO. 2020. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/detente-enemigo-que-el-corazon-de-jesus-esta-conmigo-amlo> (дата обращения: 20.03.2021).

⁵López Obrador A.M. Una breve reflexión en días de guardar: AMLO. 2018. URL: <https://youtu.be/hnvHcgcGr6U> (дата обращения: 15.01.2022).

сердцем»⁶. Подобного рода библейские цитаты создают в умах избирателей образ политика-мессии. Многократное обращение в своих речах к Библии позволяет произвести подмену авторства дискурсивного сообщения. Сделав себя «глашатаем воли Божьей», Обрадор словно от Его имени рассуждает о насущных проблемах мексиканского общества. Выступая перед молодежью в ходе презентации Национальной программы по производству минеральных удобрений, он говорит: «Никто не должен вести себя плохо, хватит вести себя нечестно. Мы не можем продолжать ходить в храмы и церкви, если не уважаем заповеди и нечестны самими с собой»⁷. Апогеем смещения религиозного и политического в дискурсе президента Мексики, примером размывания означаемого языкового знака в угоду своим корыстным целям можно считать следующее его высказывание: «Каждый должен нести ответственность за свои действия и думать о совести. Если совесть неспокойна, то быть счастливым не получится. Только будучи хорошими, мы можем быть счастливыми. Ложь имеет реакционную природу, она от лукавого. Правда революционна и лежит в основе христианства»⁸. Создается принципиально новая концептосфера, состоящая из понятий, относящихся к различным дискурсам. Тем самым меняется и валентность концептов, положенных в основу дискурсивного сообщения, что кардинально меняет угол их восприятия. Образуется своеобразная знаковая оппозиция: «ложь – демон – консерватизм – зло» против «правда – Бог – революция – добро».

В политический дискурс также проникает религиозный концепт «humildad» (смиренность, скромность), который многократно употребляется Обрадором как антоним вседозволенности во власти. В сознании избирателей создается новый фрейм: власть – служение народу – смирение. Данная параллель еще больше укрепляет в коллективном бессознательном уверенность в божественной природе речей президента, что позволяет преподнести необходимую автору дискурса информацию в зашифрованном новым кодом виде. Цитируя слова Священного Писания, Папы Римского, призывая в свидетели своих слов и защитники свои самого Сына Божьего, Обрадор очевидно формирует в сознании избирателей положительный образ человека верующего, христианина терпимого при этом к представителям других религий. Данный образ призван в дальнейшем облегчить, сделать естественным процесс передачи более сложных сообщений, которые часто имеют неприятное, иногда шокирующее содержание. Благодаря создаваемому дискурсивными средствами образу дальнейшая манипуляция общественным сознанием осуществляется беспрепятственно.

Анализируя выступления президентов стран Латинской Америки, авторы приходят к выводу, что религиозный дискурс подключается к политическому в периоды особых ситуаций, требующих срочных решений от руководства, действий, которые часто остаются нереализованными и прикрываются ранее упомянутым «рели-

⁶López Obrador A.M. 2018. URL: <https://twitter.com/lopezobrador> (дата обращения: 17.08.2020).

⁷Versión estenográfica | Inicio del Programa Nacional de Fertilizantes // Gobierno de México. URL: <https://www.gob.mx/presidencia/articulos/mensaje-del-presidente-andres-manuel-lopez-obrador-en-el-inicio-del-programa-nacional-de-fertilizantes> (дата обращения: 20.12.2021).

⁸La religión en el discurso obradorista. 2018. URL: <https://confabulario.eluniversal.com.mx/politica-religion-amlo-lopez-obrador/> (дата обращения: 11.08.2019).

⁹Iraheta J. Dios en los discursos políticos como método de aceptación. 2020. URL: <https://revistaculturel.com/articulos/dios-en-los-discursos-politicos/> (дата обращения: 03.03.2021).

¹⁰Ibid.

гиозным популизмом». Так, характерными являются примеры обращения к Богу в ситуациях, являющихся следствием экологических катастроф. Бывший президент Сальвадора Элиас Антонио Сака, приговоренный позднее к 10 годам заключения за отмывание денежных средств, в разгар кризиса, вызванного ураганом Стэн, обратился к народу со следующими словами: «Как христиане мы молим Господа, чтобы он своей всемогущей рукой избавил нас от этого нового испытания. Соединимся в молитве, прося, чтобы стихла буря»⁹. В 2020 году нынешний президент Сальвадора Найиб Букеле в свете кризиса, вызванного эпидемией COVID-19, учреждает Национальные дни молитвы со словами: «Миллионы из нас присоединятся к ним (молящимся), прося Господа о здоровье нации и всего человечества. Те, кто предпочитают не молиться, пусть не делают этого. Мы помолимся за вас и за здоровье ваших семей»¹⁰.

В ходе предвыборной кампании в Гватемале в 2015 году на каждом шагу можно было увидеть лозунги «Бог, единство и свобода», «Господь, благослови Гватемалу», «Кандидат в президенты – человек веры», выполненные в том же стиле и цветовой гамме, что и привычный для глаз гватемальцев плакат «Jesús es señor de Guatemala». К власти, к слову, в этом году пришел Джимми Моралес Кабрера, евангелист, чья семья основала Гефсиманскую баптистскую церковь. Его предшественник Отто Перес Молина, католик по вероисповеданию, после подведения итогов выборов в 2012 году обратился к народу с такими словами: «Я горд нести на груди флаг и герб Гватемалы, но еще больше я горжусь нести Господа Иисуса не только на груди, но и в своем сердце»¹¹. Ставка на религиозные чувства избирателей у последних четырех президентов Гватемалы была не-

безосновательна. По данным социологического опроса в 2014 году 48,2 % гватемальцев считали себя католиками, а 42 % – христианами не-католического вероисповедания.

Президент Венесуэлы Николас Мадуро также часто прибегает к религиозной метафоре. Знаменита его речь, в которой он рассказывает, что дух Уго Чавеса явился ему в виде птицы и благословил его на борьбу¹².

Анализ выборки публичных выступлений политических деятелей Латинской Америки позволил выделить ряд наиболее употребляемых религиозных концептов: «Библия», «Бог», «священное», «дух», «божественное», «церковь», «религия», «святой», «мученик», «чудо», «смирность». Несмотря на то, что использование данных концептов в речи часто является следствием проявления действительных религиозных верований автора политического дискурса, оно одновременно оказывает определенное влияние на реципиентов сообщения, создавая эмпатию, благоприятную обстановку для передачи более сложного содержания. Таким образом, политики прибегают к религиозным метафорам в большинстве случаев с манипулятивной целью. Манипуляция заключается в сложной подмене авторства производимого дискурса, которое путем аллюзий и цитат из Библии приписывается самому Богу. Чередование элементов проповеди с собственно политическими вопросами стирает грань логического и эмоционального в сознании адресата дискурсивного сообщения, что облегчает задачу манипулятору, восполняет отсутствие конкретной аргументации по насущным вопросам. Почвой для подобной манипуляции становится общий багаж пресуппозитивных знаний населения латиноамериканских стран, в которых процент верующих людей по-прежнему очень высок.

⁹«TENGO A JESÚS EN MI CORAZÓN» DIJO EL PRESIDENTE DE GUATEMALA. 2012. URL: <https://cgn-noticiasdeguatemala.wordpress.com/2012/01/16/tengo-a-jesus-en-mi-corazon-dijo-el-presidente-de-guatemala/> (дата обращения: 22.01.2021).

¹²*El Heraldito*. Chávez se me apareció en forma de pajarito: Maduro. 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qv5dAqSS0XU> (дата обращения: 10.10.2019).

Список литературы

1. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 227 с.
2. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: моногр. М.: МГИМО-Ун-т, 2013. 219 с.
3. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: моногр. М.: МГИМО-Ун-т, 2015. 327 с.
4. Алимova P.P., Яковлева В.В. Активные метафорические модели в современном испанском медийном дискурсе // Филол. науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 5 (29). С. 8–15. DOI: [10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15](https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15)
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
6. Узланер Д.А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глоб. политике. 2019. Т. 17, № 1. С. 10–23.
7. Garzón Vallejo I., Rojas González C. Modernidad, religión y discurso político en América Latina // *Civilzar*. 2016. Vol. 16, № 30. P. 89–104.
8. Hughes C. The God Card: Strategic Employment of Religious Language in U.S. Presidential Discourse // *Int. J. Commun.* 2019. Vol. 13. P. 528–549.
9. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Алимova P.P. Метафора в речи испанских политиков (на материале испанского газетно-публицистического дискурса) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 395–397. DOI: [10.18500/1817-7115-2017-17-4-395-397](https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-4-395-397)

References

1. Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to Persuasion]. Voronezh, 2001. 227 p.
2. Iovenko V.A. *Natsional'no-kul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii* [National and Cultural Worldview in Terms of Translation]. Moscow, 2013. 219 p.
3. Larionova M.V. *Ispanskiy gazetno-publitsisticheskiy diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulyatsii?* [Spanish Newspaper Discourse: The Art of Information or Mastery of Manipulation?]. Moscow, 2015. 327 p.
4. Alimova R.R., Yakovleva V.V. Current Metaphoric Models in Modern Spanish Media Discourse. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2021, vol. 7, no. 5, pp. 8–15 (in Russ.). DOI: [10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15](https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-5-29-8-15)
5. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, 2004. 326 p.
6. Uzlaner D.A. Religion and Politics: An Unbreakable Symbiosis? *Russ. Glob. Aff.*, 2019, no. 2.1 (spec. iss.).
7. Garzón Vallejo I., Rojas González C. Modernidad, religión y discurso político en América Latina. *Civilzar*, 2016, vol. 16, no. 30, pp. 89–104.
8. Hughes C. The God Card: Strategic Employment of Religious Language in U.S. Presidential Discourse. *Int. J. Commun.*, 2019, vol. 13, pp. 528–549.
9. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.
10. Alimova R.R. Metafora v rechi ispanskikh politikov (na materiale ispanskogo gazetno-publitsisticheskogo diskursa) [Metaphor in the Speech of Spanish Politicians (on the Material of the Spanish Newspaper and Journalistic Discourse)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 395–397. DOI: [10.18500/1817-7115-2017-17-4-395-397](https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-4-395-397)

DOI: 10.37482/2687-1505-V204

Yuliya V. Davtyan

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5917-0632> e-mail: yu.slivchikova@my.mgimo.ru

Elena V. Kryukova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-1252> e-mail: e.kryukova@my.mgimo.ru

RELIGIOUS CONCEPTUAL SPHERE IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE OF LATIN AMERICA

This article analyses the use of religious connotations in the political discourse of Latin America. The study of such cases confirms the hypothesis that two simultaneous processes are taking place: politicization of the Catholic Church and clericalization of politics in the region. The paper aimed to scrutinize the use of elements of religious discourse as a tool for suggestive and manipulative influence on the voters within the political discourse. Empathy and speech manipulation in the considered examples are based on the use of presuppositional knowledge, which includes the religious aspect. Appeals to the religious feelings of the addressees of a discursive message through biblical metaphors, allusions and quotations are explained by the religious and ethnic specificity of the region. Linguistic and, more broadly, discursive means, together with the extralinguistic design of political speeches, change the authorship of the statement, assigning it to higher powers, thereby making the voter vulnerable to political suggestion. There is a growing interest in the study of verbal and extralinguistic means of manipulation used during election campaigns today. Due to the large amount of information, circumstances of communication and characteristics of its participants, we need to turn to the discourse approach determining the vector of speech development of a political figure.

Keywords: *political discourse, religious discourse, Latin America, connotation, religious metaphor, speech manipulation.*

Поступила 18.04.2022
Принята 30.09.2022
Опубликована 14.10.2022

Received 18 April 2022
Accepted 30 September 2022
Published 14 October 2022

For citation: Davtyan Yu.V., Kryukova E.V. Religious Conceptual Sphere in the Modern Political Discourse of Latin America. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 51–59. DOI: 10.37482/2687-1505-V204

УДК 81'255+81'42

DOI: 10.37482/2687-1505-V207

МИШКУРОВ Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 14 учебников и 5 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5879-3515>

НОВИКОВА Марина Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия (Москва). Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. трех монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>

АПОРИЯ «ПЕРЕВОДИМОСТИ–НЕПЕРЕВОДИМОСТИ» КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНО-МАНИПУЛЯТИВНЫХ ИГР В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

В статье в рамках когнитивно-герменевтического подхода к реализации современных теоретико-методологических переводческих стратегий и тактик предлагается снятие остроты многовекового противостояния адептов и антагонистов теории непереводимости. Осознание лингвоакадемической природы дихотомии «переводимость–непереводимость», заключающейся в отсутствии соответствующего лингвокультурного феномена в принимающем языке, ведет к возможному снятию обозначенной антиномии путем двуединого кооперативного переложения исходного текста на язык перевода на дискурсивно-коммуникативном уровне. Понятие «переводимость» сопрягается с использованием «закономерных переводческих соответствий» – «собственно перевода», тогда как «непереводимость» преодолевается при помощи «квазиперевода» в виде дискурсивно-манипулятивных игр. Последние рефлексированы как «вольное» коммуникативное перевыражение контента оригинала на целевой язык посредством переводческих манипуляций, воспринимаемых в качестве коннотативно-положительного феномена, основанного на когнитивно-герменевтической переводческой методологии. В современной переводческой трактовке перевод манифестируется как чередование и сочетание собственно-переводческих и манипулятивно-игровых средств с целью обеспечения адекватного уподобления контента исходного текста средствами языка перевода с оптимальным учетом лингвистических и экстралингвистических параметров оригинала. Основой для преодоления «непереводимостей» и верификации принятых переводческих решений является трансдисциплинарный подход к процедуре порождения целевого текста на дискурсивно-коммуникативной основе, отчуждаемого потенциальным реципиентом. Переводческие дискурсивно-манипулятивные игры не должны исказить смысловые и стилистические параметры ори-

*Адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; e-mail: e.mishkurov@mail.ru

**Адрес: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

Для цитирования: Мишкuroв Э.Н., Новикова М.Г. Апория «переводимости–непереводимости» как объект дискурсивно-манипулятивных игр в современной теории и методологии перевода // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 60–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V207

гинала даже в тех случаях, когда «трудно или невозможно найти концепт, который был бы близок имеющему место в исходной культуре». Их основная задача – превратить перевод из искусства невозможного в искусство взаимосогласия между культурами контактирующей пары языков.

Ключевые слова: «переводимость–непереводимость», собственно перевод, закономерные переводческие соответствия, квазиперевод, дискурсивно-манипулятивные игры, трансдисциплинарность, переводоведческий дискурс.

Translation is the art of failure
(Перевод – это искусство безнадёжного)
Умберто Эко

Введение

Многовековой спор о трактовке апории «переводимость–непереводимость» многоголосен – участие в нем принимают практикующие переводчики, профессиональные переводоведы, а также представители различных социально-гуманитарных наук, столкнувшиеся прямо или косвенно с данной проблемой в ходе своей основной профессионально-творческой деятельности. В их числе философы, литературоведы, писатели, поэты, этнографы, богословы, юристы и др. Все участники дискуссии полемически заостренно и с разной степенью адекватности аргументации отстаивают свой *profession de foi*, суть которого в конечном итоге сводится к приемлемости/неприемлемости взаимосвязи или взаимоисключения следующих контрконцепций:

- *непереводимости*, обусловленной полной или частичной неподатливостью исходного текста (ИТ) его переложению на целевой язык (ЦЯ), вызванной этнопсихолингвистическими отличиями языковой картины мира его носителей, некорректирующей с когнитивно-коммуникативной рефлексией носителей языка перевода (ЯП);

- *целокупной переводимости*, достигаемой в конечном итоге дискурсивным предметно-ментальным сближением контекстов исходном языке (ИЯ) и ЯП путем искусно-манипулятивного «навязывания» переводчиком лингвистила автора оригинала реципиенту или наоборот – модификации языка автора в интересах лингвистилевой нормы языка реципиента;

- *частичной переводимости*, обусловленной развивающимися глобальными процессами когнитивно-коммуникативного сближения разноразных этносов и, как следствие, частичной *эсперантизации языков мира*.

Проблема непереводимости – это своеобразная «энigma», т. е. когнитивно-коммуникативная загадка, тайна, о которой большинство современных теоретиков и практиков перевода вроде бы уже все знают, понимают ее сущность и владеют методологией ее преодоления в ходе межязыкового посредничества в различных комбинациях на 7 тысячах языков, зафиксированных в глобальном мировом языковом пространстве, но всеобщего согласия в ученой среде до сих пор нет.

От принятия антиномии «переводимость–непереводимость» как неотъемлемой части современного переводоведения, от осознания коррелятивной соотнесенности понятий «закономерные переводческие соответствия» – «незакономерные переводческие соответствия – квазиперевод» во многом зависит выбор способов и приемов преодоления конфронтации между сторонниками и противниками в оценке адекватности/неадекватности явленного реципиенту перевода на ЦЯ.

Введение в научный оборот современных терминов, как то: «переводческий дискурс», «переводной дискурс», «переводоведческий дискурс» и т. д., и их трактовка на базе новых фило-софско-герменевтических пропозиций, опирающихся, в частности, на теорию и практику «языковых/дискурсивных игр», «фрейм-анализа» на базовые когнитивные категории дискурса и др., открывает новые горизонты в истолковании сущности переводческого процесса, основывающегося на когнитивно-коммуникативной, линг-

вокультурной, логической, социально и ситуативно обусловленной переводческой рефлексии.

Основная часть

В свете такой постановки вопроса обратимся, в частности, к монографии Н.В. Тимко «Фактор "культура" в переводе», в которой рассматриваются три наиболее дискутируемые вида перевода – соответственно «вольный», «буквальный» и так называемый «собственно перевод» художественных произведений.

В своем критическом резюме автор, комплексно характеризуя указанные виды перевода, констатирует: «Необходимо разграничивать внутривидовые варианты *собственно перевода* с разными степенями культурнопрагматической адаптации и *извращенные* виды перевода – *буквальный* и *вольный* (здесь и выше курсив наш. – Э.М., М.Н.), которые не являются собственно переводом, потому что не отвечают его общественному предназначению» [1, с. 74, 75, 77, 81].

Не ставя под сомнение позицию Н.В. Тимко относительно художественного перевода, о способах и приемах которого существует множество разноаргументативных мнений, отметим, что столь критическое восприятие дословного и вольного перевода излишне категорично в отношении **всех** ИТ. В нашей трактовке полагаем, что речь идет об избыточной, по мнению автора, *доместикации* при вольном переводе и, соответственно, *форенизации* при дословном переводе. Отметим, что выбор переводческой стратегии зависит, как правило, от текстотипа и жанра оригинала. Так, например, для перевода научно-технических текстов, характеризующихся клишированным языком и обилием формул, использование буквального перевода является предпочтительным.

Солидаризируясь с Н.В. Тимко по поводу необходимости выделения понятия «собственно перевод», приведем наше видение дефиниционного наполнения данного термина.

«Собственно перевод» – это сложная когнитивно-коммуникативная деятельность в условиях дву- или полиязычной ситуации, сущностной характеристикой которой является передача когнитивно-экспрессивной ценности текста на ИЯ

согласно его коммуникативной цели и законам линейного развертывания мысли средствами ЯП при помощи *закономерных переводческих соответствий*.

Закономерные переводческие соответствия – это устоявшиеся варианты перевода отрезка иноязычного текста, зафиксированные в словаре и устойчиво воспроизводимые в определенных контекстах. Вслед за Я.И. Рецкером (1897–1984) полагаем, что «сопоставление фрагментов рабочей пары языков должно быть комплексным, при этом за единицу перевода необходимо принимать не отдельную лексему или грамматическую конструкцию, а структурно-семантический “узел”, составляющий единое понятийное целое» [2, с. 11].

Количество закономерных переводческих соответствий в различных языках многообразно, но исчерпаемо. Расхождений между ИЯ и ЯП великое множество. Отсутствие зафиксированного переводческого соответствия означает **непереводимость**.

В качестве примера оптимально комплексного подхода к переводу иноязычных «непереводимостей» рассмотрим следующий пассаж из произведения С. Моэма «Дождь»: *Men and women wore the lava-lava* (Rain) [3, с. 158].

Для адекватного перевода выделенного элемента предложения необходимо знать, что «лава-лава» – это традиционная набедренная повязка или юбочка у туземцев-полинезийцев. В существующих переводах нужное объяснение отсутствует: *И мужчины, и женщины были в лава-лава* (Дождь) [4, с. 99; 5, с. 58].

Исходя из того, что выделенная лексема «не имеет прямого соответствия в русском языке и ее значение нельзя вывести из контекста, поскольку оно является элементом культуры туземцев, целесообразно снабдить имеющуюся транслитерацию соответствующим переводческим комментарием: «*И мужчины, и женщины были в традиционной набедренной повязке лава-лава*».

Подобные способы и приемы перевода трактуются нами как «дискурсивно-манипулятивные игры», речь о которых пойдет ниже.

Вначале напомним, что австро-английский философ Л. Витгенштейн (1889–1951) разработал теорию «языковых игр», увязывающую речевой акт и соответствующую форму жизни: например, «выдвигать и проверять гипотезу», «переводить с одного языка на другой» и др. [6; 7, с. 30–31].

В понятийном двуединстве феномена «языковая игра» тесно увязываются искомая форма речевой деятельности с соответствующей «формой жизни», воплощающей ее социокультурный статус и отражающей «факт взаимопереплетения лингвистической и нелингвистической активности людей» [8, с. 938]. Этот факт также отмечает Н.Д. Арутюнова (1923–2018) – автор широко известной статьи «Дискурс» в Лингвистическом энциклопедическом словаре, в которой констатирует, что «Д. – это речь, "погруженная в жизнь"». А в статье «Лингвистическая философия» она напоминает, что Витгенштейн «рассматривал речь как компонент целенаправленной и регламентированной деятельности человека <...> Каждая "языковая игра" как законченная система коммуникации отвечает некоторой "форме жизни"» [9; 10, с. 137, 269]. Очевидно, что с позиций современной теории коммуникации «языковые игры» Витгенштейна следует трактовать как «дискурсивные игры» [11].

Последние в переводоведении означают возможность значительных свобод переводотворчества на уровне вольного коммуникативного перевыражения контента ИТ на язык реципиента в тех случаях, когда переводчик сталкивается с феноменом «непереводимости» оригинала в целом или отдельных его частей. Не оперируя антиномией «переводимость–непереводимость» и фактически констатируя манипулятивный характер переводческих действий в случае квазиперевода, В.И. Хайруллин в своей книге «Перевод и фреймы» описывает данную ситуацию в виде фреймово-лингвокультурологического анализа ряда англо-русских переводов в следующей формулировке: «При передаче культуральных факторов в переводе текста фреймовые терминалы заполняются теми же элементами, что и в ИТ, либо элементами той культуры, к которой принадлежит реципиент

перевода. Во втором случае из культурного фонда для заполнения терминала выбираются те элементы, которые ближе всего находятся к элементам, указанным во фрейме ИТ, т. е. в сознании реципиента перевода они имеют минимальную культуральную дистанцированность <...> Значительно сложнее обстоит дело, когда в целевой культуре, на язык которой выполняется перевод, трудно или невозможно найти концепт, близкий имеющему место в исходной культуре, на языке которой создан оригинальный текст (например, англ. *Boxing Day*). Такие случаи могут быть названы фреймами с нулевым соответствием» [12, с. 14–15].

Очевидно, что в последнем описанном случае возникает необходимость в переводческих манипулятивных играх, о которых существуют различные мнения. С одной стороны, находим шутивно-ироническое отношение к переводчикам в устах Жака Деррида (1930–2004): «Переводчики – они везде. Каждый говорит на своем языке, даже немного зная чужой. Лукавства переводчику не занимать, и свой интерес он помнит» [13, с. 5]. А с другой, по мнению П.П. Дашинимасовой и ее учеников, в понятие «манипуляция» в переводе «не вкладывается негативно-оценочный смысл» [14, с. 66].

В наших разысканиях мы также придерживаемся коннотативно-положительной трактовки рабочего определения термина «манипуляция» в переводе, используемого в стратегиях и тактиках «дискурсивных манипулятивно-переводческих игр».

Как известно, в зарубежном языкознании в 70-х годах XX века «праматерью» данного направления в переводоведении стала «Манипулятивная школа перевода» (*Manipulation School*) в Нидерландах.

Ее яркий представитель Т. Херманс убеждает читателя, что «с точки зрения литературы принимающей культуры, перевод всегда предполагает некоторое манипулирование ИТ для достижения определенной цели» («From the point of view of the target literature, all translation implies a degree of manipulation of the source text for a certain purpose») [15, с. 11].

Исследуя основополагающие принципы работы данной школы, известный австрийский переводовед Эрих Прунч констатирует, что одной из основных задач в программе данной школы является формирование стратегии и тактики перевода художественных произведений, базирующихся на возможности и необходимости применения манипулятивных стратегий и тактик там, где они, разумеется, уместны [16, с. 258].

В свою очередь А.Ф. Фефелов, описывая деятельность подобной манипулятивной школы перевода, обращает внимание на следующие ее теоретико-методологические принципы:

- наличие разоблачительного пафоса, направленного против неверности перевода и его виновника – переводчика, у представителей теории перевода;
- перевод – это всегда манипулирование, а переводчик – манипулятор;
- манипуляция может быть *осознанная* и *неосознанная*, идентично передающая «некоммуникативные смыслы» ИТ, релевантные в конечном итоге для реципиента;
- апория переводимости – непереводимости устраняется из «собственно переводческой» деятельности и акцентируется на этических постулатах транслята и прагматических задачах переводческой политики;
- согласно регламенту школы, не исключается вмешательство переводчика, редактора, издателя и заказчиков перевода в текст оригинала;
- школа не отделяет «собственно переводческое» манипулирование от иных видов и форм влияния социума на адресата, что обусловливается принципами антропологического поворота в изучении речевой коммуникации.

Со своей стороны А.Ф. Фефелов констатирует, что некоторые теоретические положения манипулятивной школы, обусловленные несоизмерным преувеличением интерпретационных и технологических амбиций переводчика в переложении авторского текста, ведут к возможному распространению «чужеродной информации» через текст перевода [17, с. 42–71].

В нашем толковании манипуляция в переводе – это использование не «собственно»

переводческих, а когнитивно-герменевтических средств для передачи содержания неперево-димых фрагментов иноязычного текста «незаметно» для реципиента с целью обеспечения непрерывного однородного восприятия текста перевода. В переводческой деятельности происходит постоянное чередование использования закономерных переводческих соответствий и интерпретации сложных для перевода текстовых отрезков, т. е. *переводчик маскирует своеобразный «обход» (объяснение) «непереводимого» места под «собственно» перевод* при помощи семантико-риторических средств, как-то транскрипция, транслитерация, опущение, переводческий комментарий и т. п. Данные манипуляции, по нашему мнению, являются «квазипереводом». Таким образом переводчик вступает в «языковую игру» с реципиентом.

«Переводческая игра» на языковом уровне – необходимое и достаточное условие для реализации потенциала закономерно переводческих соответствий. Уровень дискурса необходим для подтверждения правильности принятого решения, для осуществления интерпретации неперево-димого, ибо понятие дискурсивной игры гораздо более широкое, включающее в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические параметры, поскольку дискурс – суть актуализация коммуникативности всего ИТ в сознании переводчика, с активным вовлечением исторических, культурных, психологических и т.п. обстоятельств, непосредственно и опосредованно связанных с созданием текста оригинала.

Для иллюстрации высказанного положения рассмотрим известный пример из книги советской переводчицы Н. Галь (1912–1991) «Слово живое и мертвое».

В одном романе герой произносит следующую фразу: *I don't believe in segregating the sexes. Anachronistic.*

На уровне языковой игры данное предложение, казалось бы, возможно перевести при помощи закономерных переводческих соответствий, что и было сделано переводчиком с опущением элемента «the sexes»: *Я не сторонник сегрегации. Анахронизм.*

Однако нежелание переводчика «подняться» на дискурсивный уровень, с подключением к процессу перевода сведений экстралингвистического характера для проверки правильности принятого переводческого решения, делает предложение непонятным для реципиента.

В данном случае необходима переводческая манипуляция, основанная на исторических и психологических сведениях, непосредственно связанных с описываемым типом личности героя романа, временем и страной создания оригинала. Место действия романа – Англия, где в соответствии с обычаями «высшего света» после обеда мужчины остаются выкурить сигару, а дамы переходят в уютную гостиную поговорить о своих дамских делах. Маловероятно, что данная традиция известна широкому российскому читателю. Это необходимо учитывать при создании русскоязычной версии произведения, активно используя для этих целей ресурсы квазиперевода, что было блестяще продемонстрировано Норой Галь: *Глупый это обычай, что после обеда дамы уходят. Анахронизм какой-то* [18].

Ю.М. Лотман в феномене «непереводимость» находит источник получения нового лингвокультурологического знания: «Если раньше фундаментальным недостатком перевода, при пересечении двух разных языков, считались коммуникативные трудности, то теперь языковое несоответствие становится базовым механизмом для выработки нового сообщения» [19, с. 28]. Напряжение, возникающее при переложении непереводимого (ученый анализирует интерлингвистические и интерсемиотические переводы), служит источником для новых смыслов: «Именно перевод непереводимого, требующий огромнейшего напряжения, создает предпосылки для взрыва смысла» [19, с. 46]. Языковые различия контактирующих языков ведут, по мнению Лотмана, к взаимному языковому и культурному обогащению: «...чем труднее и неадекватнее перевод одной пересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого

парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводимого оказывается носителем информации высокой ценности» [20, с. 15].

Данную идею поддерживает французский филолог и философ Барбара Кассен: «Говорить о непереводимости вовсе не означает, что эти слова не могут быть переведены, но что непереводимое это то, что не перестают (не) переводить», каждый случай преодоления «непереводимого» есть «суть источник обогащения, поскольку каждый язык набрасывает на этот мир какую-то новую понятийную сетку» [21, с. 6–7].

Таким образом, квазиперевод при переходе на уровень дискурсивно-манипулятивных игр базируется на широком трансдисциплинарном основании, которое зачастую позволяет нейтрализовать непереводимость.

Данная идея зарождалась достаточно давно – еще в период расцвета лингвистической теории перевода. Так, В.Н. Комиссаров (1924–2005) и А.Д. Швейцер (1923–2002) осознавали, что невозможно осуществить адекватный перевод, используя исключительно лингвистические (языковые) инструменты, – важен также выход в экстралингвистику, «в которой использовались бы методы и понятия ряда наук, но которая не была бы собственно лингвистической дисциплиной» [22, с. 4]. В числе экстралингвистических дисциплин А.Д. Швейцер рассматривал сопоставительное языкознание, психолингвистику, социоллингвистику, этнолингвистику, лингвистическую географию. Важным представляется положение ученого о том, что переводоведение как теория, которая ранее представлялась ему как «одна из важнейших отраслей прикладного языкознания», тем не менее не замкнулось «в рамках внутриязыкового формально-структурного анализа, а стало изучать взаимодействие и взаимосвязь языковых и внеязыковых фактов и развивалось в тесном контакте с неязыковыми дисциплинами» [23; 24, с. 6].

На современном этапе средством обеспечения искомого единства в теории, методологии и практике перевода может послужить так называемый дискурсивно-игровой поворот,

органически сочетающий многоаспектные стратегии и тактики «собственно перевода» и «квази-перевода» различных текстотипов и их жанров. «Дискурсивно-игровая парадигма перевода» располагает разноплановым когнитивно-герменевтическим и манипулятивно-коммуникативным инструментарием, с помощью которого переводчики способны эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность. Ее воплощением служит современный «переводоведческий дискурс», являющийся собой эпистему как системе специальных трансдисциплинарных знаний, моделирующих и управляющих процессом перевода [25].

Вывод

Таким образом, предлагается теоретико-методологическое и практическое обновление переводоведческого аппарата на трансдисциплинарных основаниях путем актуализации понятия

переводческой манипуляции в ракурсе когнитивно-герменевтической переводческой методологии на дискурсивном уровне. Данный процесс послужит эффективным средством объединения в рамках практики перевода приемов «собственно перевода» в виде закономерных переводческих соответствий и манипулятивных дискурсивно-игровых приемов квазиперевода. Последние собственно и нейтрализуют «отсутствие фрейма с нулевым соответствием» в целевой культуре. Таким образом, целесообразно прийти к консенсусу в решении проблем многовекового противостояния сторонников и противников апории «переводимости–непереводимости», чтобы пессимистическая сентенция У. Эко «Translation is the art of failure» трансформировалась в оптимистическое утверждение «Translation is the art of concordance» («Перевод – искусство взаимосогласия»).

Список литературы

1. Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе. Курск: Курск. гос. ун-т. 2-е изд., доп. 2007. 154 с.
2. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М.: Аудитория, 2016. 244 с.
3. Maugham S. Selected Short Stories: сб. на англ. яз. М.: Менеджер, 1996.
4. Моэм С. Сборник рассказов. Серия «Классики XX века» / пер. Ю. Васютина. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 480 с.
5. Моэм С. Не что человеческое: Рассказы. М.: Правда, 1989. 528 с.
6. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen = Philosophical Investigations. Chichester, 2009. 240 p.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347 с.
8. Философия: энцикл. слов. М.: Гардарики, 2006. 1072 с.
9. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энцикл. словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
10. Арутюнова Н.Д. Лингвистическая философия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 269–270.
11. Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. Cognitive-hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology: моногр. М.: Флинта, 2020. 300 с.
12. Хайруллин В.И. Перевод и фреймы. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 144 с.
13. Бине Л. Седьмая функция языка: роман / пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 536 с.
14. Корнаухова Н.Г. Манипуляция как категориальный признак художественного перевода // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. Вып. 11. С. 65–70.
15. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation / ed. by T. Hermans. London: Croom Helm, 1985. P. 103–135.
16. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / пер. с нем. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.
17. Фефелов А.Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 1. С. 48–72.
18. Что мы понимаем под термином "Хороший перевод" // Инж. перевод. компания «Интент». URL: <http://www.intent93.ru/quality/93/> (дата обращения: 14.12.2021).

19. Lotman Ju. La struttura pensante // Lotman Ju. Cercare la strada. Venezia: Marsilia, 1994. 46 p.
20. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
21. Кассен Б. В защиту непереводаемости. Беседа с Михаэлем Устинофф // Логос. 2011. Вып. 5-6, № 84. С. 4–12.
22. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 167 с.
23. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
24. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
25. Мишкuroв Э.Н. О «дискурсивно-игровом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2021. Вып. 3. С. 16–32.

References

1. Timko N.V. *Faktor "kul'tura" v perevode* [The Cultural Factor in Translation]. Kursk, 2007. 154 p.
2. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow, 2016. 244 p.
3. Maugham S. *Selected Short Stories*. Moscow, 1996.
4. Maugham S. *Sbornik rasskazov* [Collected Stories]. Rostov-on-Don, 2000. 480 p.
5. Maugham S. *Nechto chelovecheskoe: Rasskazy* [The Human Element: Stories]. Moscow, 1989. 528 p.
6. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen = Philosophical Investigations*. Chichester, 2009. 240 p.
7. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow, 2011. 347 p.
8. *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 2006. 1072 p.
9. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. Yartseva V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 136–137.
10. Arutyunova N.D. Lingvisticheskaya filosofiya [Linguistic Philosophy]. Yartseva V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 269–270.
11. Mishkurov E.N., Novikova M.G. *Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology*. Moscow, 2020. 300 p. (in Russ.).
12. Khayrullin V.I. *Perevod i freymy* [Translation and Frames]. Moscow, 2010. 144 p.
13. Binet L. *La septième fonction du langage*. Paris, 2015. 475 p. (Russ. ed.: Bine L. *Sed'maya funktsiya yazyka*. St. Petersburg, 2019. 536 p.).
14. Kornaukhova N.G. Manipulyatsiya kak kategorial'nyy priznak khudozhestvennogo perevoda [Manipulation as a Category Feature of Literary Translation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 11, pp. 65–70.
15. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation. Hermans T. (ed.). *The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation*. London, 1985, pp. 103–135.
16. Prunch E. *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Berlin, 2012 (Russ. ed.: Prunch E. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy*. Moscow, 2015. 512 p.).
17. Fefelov A.F. Sovremennoe rossiyskoe perevodovedenie: v poiskakh novoy suverennoy paradigmy [Paradigmatic Trends in the Evolution of the Russian Translation Studies: Pro and Contra Roman Jakobson]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 48–72.
18. What We Mean by a "Good Translation". *Engineering Translation Company "Intent"*. Available at: <http://www.intent93.ru/quality/93/> (accessed: 14 December 2021) (in Russ.).
19. Lotman Ju. La struttura pensante. Lotman Ju. *Cercare la strada: Modelli della cultura*. Venice, 1994. 46 p.
20. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, 1992. 272 p.
21. Cassin B. V zashchitu neperevodimosti. Beseda s Mikaelem Ustinoff [Untranslatability and Globalization. The Interview with Michael Oustinoff]. *Logos*, 2011, no. 5-6, pp. 4–12.
22. Komissarov V.N. *Lingvistika perevoda* [The Linguistics of Translation]. Moscow, 2007. 167 p.
23. Shveytser A.D. *Perevod i lingvistika: O gazetno-informatsionnom i voenno-publitsisticheskom perevode* [Translation and Linguistics: On Newspaper and Military-Journalistic Translation]. Moscow, 1973. 280 p.
24. Shveytser A.D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems and Aspects]. Moscow, 1988. 215 p.

25. Mishkurov E.N. O “diskursivno-igrovom povorote” v sovremennoy teorii i metodologii perevoda [On the Discursive-Game Turn in the Modern Theory and Methodology of Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 2021, no. 3, pp. 16–32.

DOI: 10.37482/2687-1505-V207

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University;
Leninskie gory 1, str. 51, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5879-3515> e-mail: e.mishkurov@mail.ru

Marina G. Novikova

The Russian State University of Justice;
ul. Novocheremushkinskaya 69, Moscow, 117418, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1221-8635> e-mail: Novikova_mg@mail.ru

TRANSLATABILITY–UNTRANSLATABILITY APORIA AS AN OBJECT OF DISCURSIVE-MANIPULATIVE GAMES IN MODERN THEORY AND METHODOLOGY OF TRANSLATION

Within the framework of the cognitive-hermeneutic approach to the implementation of modern theoretical and methodological translation strategies and tactics, this article suggests taking the heat off the centuries-old confrontation between adherents and antagonists of the theory of untranslatability. Once we realize that the translatability–untranslatability dichotomy, which consists in the lack of an equivalent to a linguocultural phenomenon in the recipient language, is of academic nature, we will be able to remove this antinomy by means of a two-pronged cooperative transposition of the source text (ST) into the target language (TL) at the discursive-communicative level. The concept of translatability is linked with the use of *regular translation equivalents*, i.e. *translation proper*, while untranslatability is overcome by using *quasi-translation* in the form of discursive-manipulative games. The latter are understood as a “free” communicative rendering of the ST content into the TL by means of translation manipulations, which are perceived as a positive phenomenon based on the cognitive-hermeneutic translation methodology. In the modern translational interpretation, translation is presented as an alternation and a combination of translation techniques proper and manipulative games to ensure adequate adaptation of the ST content by means of the TL, while taking into consideration the linguistic and extralinguistic features of the ST. The basis for overcoming untranslatability and verifying the adopted translation decisions is a transdisciplinary approach to the procedure for generating the target text, which is expropriated by the potential recipient, at the discursive-communicative level. Discursive-manipulative translation games should not distort the semantic and stylistic parameters of the ST, even in cases where “it is difficult or impossible to find a concept that would be close to that of the source culture”. The main task of these games is to turn translation from the art of failure into the art of concordance between the cultures of the language pair in contact.

Keywords: *translatability–untranslatability, translation proper, regular translation equivalents, quasi-translation, discursive-manipulative games, transdisciplinarity, translational discourse.*

Поступила 11.05.2022
Принята 10.10.2022
Опубликована 14.10.2022

Received 11 May 2022
Accepted 10 October 2022
Published 14 October 2022

For citation: Mishkurov E.N., Novikova M.G. Translatability–Untranslatability Aporia as an Object of Discursive-Manipulative Games in Modern Theory and Methodology of Translation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 60–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V207

НЕНАШЕВА Марина Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 34 научных публикаций, в т. ч. двух монографий в соавторстве и одного учебного пособия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-5638>

ФЕНОМЕН ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ¹

Современный мир живет в эпоху глобализации. В ходе данного процесса возникают проблемы, негативно влияющие на жизнь отдельных людей и мирового сообщества в целом. В связи с этим становится актуальным поиск ответов на глобальные вызовы. В статье показано, что значительный вклад в осмысление глобальных процессов внесла международная общественная организация «Римский клуб», которая предлагала различные варианты решения мировых проблем. Однако только в начале XXI века в науке возникло понимание, что перспективы преодоления глобальных кризисов нужно искать в сфере бытия. Это обусловило обращение авторов к исследованию феномена жизнестойкости человека и общества как возможному ответу на глобальные вызовы современности. В статье представлен подробный анализ феномена жизнестойкости личности в экзистенциальной философии и психологии, выявлены внешние и внутренние факторы, определяющие жизнестойкость человека и общества в условиях глобальных кризисов. Показано, что, несмотря на широкий спектр определений индивидуальной жизнестойкости, отсутствует ясность в отношении того, что понимается под социальной жизнестойкостью и как сообщества могут практически развивать таковую. Опираясь на научные исследования данной темы, сделан вывод о том, что внутренним ресурсом сообществ являются социальные связи и взаимодействие, которые формируют их жизнестойкость в условиях кризисов. Результаты исследования могут быть использованы для поиска ответов на глобальные вызовы человечеству и способов управления ими.

Ключевые слова: глобализация, глобальные вызовы, глобальный кризис, социальная жизнестойкость, индивидуальная жизнестойкость.

---

*Адрес: 163000, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 1; e-mail: m.nenasheva@narfu.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286/> «Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации населения Российской Арктики к изменениям климата», <https://rscf.ru/project/22-28-20286/>, и при финансовой поддержке Министерства экономического развития, промышленности и науки Архангельской области

Для цитирования: Ненашева М.В. Феномен жизнестойкости в контексте глобальных вызовов современности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 69–77. DOI: 10.37482/2687-1505-V209

Одним из процессов современного мира является глобализация, которая стала результатом исторически обусловленной интеграции политической, экономической, социальной и природной реальности. Ученые и эксперты по-разному оценивают последствия глобализации, однако бесспорно то, что в условиях тесной взаимосвязи и взаимовлияния происходящих в мире процессов глобальное общество становится более уязвимым.

Современное общество сталкивается с большим количеством глобальных вызовов, которые приводят к изменению привычного образа мира, созданного классической наукой и выражаемого в категориях устойчивости, предсказуемости и определенности [1–4]. Для характеристики происходящих в мире глобальных процессов и изменений в научном дискурсе 80-х годов XX века появилось новое понятие – VUCA-мир. Термин VUCA был придуман социологами военного колледжа армии США для описания той среды, в которой, по их мнению, студентам придется работать в будущем [5]. В дальнейшем аббревиатура VUCA, представляющая собой сокращенную форму английских слов *volatility* – «нестабильность», *uncertainty* – «неопределенность», *complexity* – «сложность» и *ambiguity* – «неоднозначность», получила содержательную наполненность и стала использоваться в геополитическом дискурсе для соответствующей характеристики текущего состояния мира [5]. В 2020 году, когда мировое сообщество столкнулось с пандемией COVID-19, появилась новая концепция BANI для описания хрупкости (*brittle*), тревожности (*anxious*), нелинейности (*nonlinear*) и непредсказуемости (*incomprehensible*) современного мира [6].

Глобализация и ее многочисленные последствия оказывают непосредственное воздействие на состояние общества и человека, которые являются главными субъектами многообразных процессов, происходящих в едином мировом пространстве [7; 8]. Системный характер глобализации выражается в трансформации глобальных процессов на местном уровне и, нао-

борот, в том что события локального уровня могут иметь глобальные последствия. В условиях, когда привычный мир рушится, а теоретические концепции миров VUCA и BANI становятся реальностью повседневного бытия, человек рискует оказаться в состоянии «экзистенциального вакуума» (В. Франкл), в котором он испытывает чувство неопределенности, безысходности, теряет смысл жизни, не знает и не понимает, что ему дальше делать. В этих условиях «сам человек и его будущее становятся глобальной проблемой» [7].

В середине XX века английский историк А. Тойнби разработал концепцию «вызов–ответ» (англ. *challenge and response*), согласно которой возникновение и развитие цивилизаций в разные эпохи определялось внешними воздействиями [9]. Вызов – это задача, которая появляется перед обществом, а ответ – это некоторое ее решение. А. Тойнби писал, что вызов является стимулом для роста и развития общества и «чем сильнее вызов, тем оригинальнее ответ» [9].

Начиная с середины XX века в рамках деятельности международной организации «Римский клуб», объединившей ученых, политиков, бизнесменов и представителей широкой общественности, предлагались различные варианты преодоления глобальных вызовов [10]. За годы работы ассоциация выпустила более 50 докладов по актуальным мировым проблемам [11]. Члены данной организации разработали следующие известные теоретические концепции: «устойчивого развития», «органического роста человечества», «цифрового неравенства» и др. Предлагая различные варианты решения мировых проблем, участники Римского клуба признавали необходимость использования комплексного, междисциплинарного подхода на основе синтеза философских, исторических, социальных, экономических, экологических аспектов осмысления глобальных процессов. Однако при всей масштабности проводимых исследований долгое время без внимания оставался вопрос о роли человека и его внутреннего потенциала в контексте преодоления последствий глобализации. В 1977 году

вышла книга основателя и первого президента Римского клуба А. Печчеи «Человеческие качества», в которой автор фактически обвинил людей в «причинах всех человеческих трудностей и мировых потрясений», одновременно призвав общество к изменению себя и своего отношения к миру [12, с. 291].

Известный российский исследователь глобальных проблем И.Т. Фролов критиковал данный подход, называя его «абстрактным гуманизмом». Для осмысления последствий глобализации он предлагал использовать научную парадигму и создать единую науку о человеке на основе синтеза общественных, гуманитарных и естественнонаучных областей знания [13]. Опираясь на историко-философскую традицию, И.Т. Фролов подчеркивал значимую роль как внешних, так и внутренних факторов в становлении, развитии и выживании человека. Внешними факторами он считал социальную среду, поскольку человек – это «личность, которая находится в постоянной взаимосвязи с обществом» [13]. Под внутренними факторами И.Т. Фролов видел сложный комплекс индивидуальных качеств и естественных ресурсов человека, которые образуют его «жизненную силу» и позволяют противостоять глобальным вызовам [13, с. 299]. Фактически И.Т. Фролов говорил о явлении жизнестойкости как стремлении человека к преодолению внешних вызовов, самосовершенствованию и саморазвитию. При этом он преодолевает трактовку жизнестойкости, тяготеющую к психологии, применяя марксистский подход и, таким образом, акцентируя внимание на философском анализе проблемы человека в контексте глобализации.

Сегодня, когда происходит обострение глобальных проблем, концептуальная постановка вопроса о человеке, предложенная И.Т. Фроловым еще в прошлом веке, снова становится актуальной, поскольку позволяет сместить акценты с анализа последствий глобализации к исследованию внутреннего потенциала человека, который определяет его функционирование в новых условиях. В связи с этим мы задались целью изучить сущность жизнестойкости

человека и общества и обосновать ее значимость в преодолении глобальных кризисов.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

1) описать существующие в научной литературе концепции жизнестойкости в парадигме индивидуального и социального бытия;

2) основываясь на методологическом подходе, предложенном И.Т. Фроловым, выявить внешние и внутренние факторы, определяющие жизнестойкость человека и общества в условиях глобальных кризисов;

3) обосновать значение жизнестойкости для поиска решений глобальных проблем, а также разработки способов управления социальными системами в условиях мировых кризисов.

В истории социально-гуманитарного знания неоднократно ставился вопрос о том, что составляет основу жизнестойкости человека. Наиболее полно ответ на этот вопрос дан в экзистенциальной философии и психологии, центральной темой которых является бытие человека в условиях кризиса. Согласно П. Тиллиху, основные состояния человека в кризисные моменты его существования – тревога и страх. Тревога имеет онтологическую природу, это состояние, при котором человек осознает возможность своего небытия [14]. В отличие от тревоги, страх интенционален, т. е. направлен на определенный объект. Похожее различие тревоги и страха (нем. *der Furcht* и *der Angst*) мы встречаем у другого представителя экзистенциализма – М. Хайдеггера, согласно которому *der Angst* всегда предметен, он имеет определенное воплощение (например, боязнь собак), в то время как *der Furcht* связан с бытийностью человека (например, страх перед смертью). Страх и тревога различимы, но не разделимы. Страх первичен по отношению к тревоге: например, страх человека потерять работу вызывает тревогу за свое будущее.

Состояние тревоги, которое испытывает человек в условиях жизненного кризиса или внешних угроз, может иметь различные последствия. Оно может привести к дезориентации человека, спровоцировать алармистское поведение или

неадекватные реакции. Либо, наоборот, стать стимулом для активизации скрытых возможностей бытия человека, которые будут помогать ему в преодолении экзистенциальных вызовов и способствовать сущностному самоутверждению [14]. Таким элементом собственного бытия П. Тиллих называет «мужество», рассматриваемое им с онтологической и этической точек зрения. Онтология мужества П. Тиллиха заключается в наличии внутренней цели, желания, намерения преодолеть экзистенциальный вызов и вызываемый им страх. Этический аспект мужества заключается в конкретных актах (действиях) и поступках, совершая которые, человек обнаруживает внутри себя скрытые возможности для преодоления кризиса жизни. Результатом мужества становится самоутверждение, которое наряду с самосохранением предполагает преодоление себя и того, что угрожает человеческому бытию. Мужество существования (бытия), согласно П. Тиллиху, может проявляться не только на личном, но и на природном и социальном уровнях.

Продолжатель идей П. Тиллиха американский психолог Р. Мэй считал, что в кризисные времена тревога и страх перед неизвестным провоцируют появление еще одной экзистенциальной проблемы – чувства одиночества, пустоты и утраты целостности и ценности человеческого бытия [15]. Решение данной проблемы он видит в особом виде мужества, а именно в способности творить, создавать и действовать вопреки ощущению безысходности [16]. Именно в творчестве, понимаемом как процесс созидания и самосозидания, человек наполняется жизненной силой, а сама жизнь становится осмысленной.

Процесс осмысления жизни через самовыражение, творчество и любую деятельность, имеющую ценность для человека (например, созерцание природы) и приносящую пользу, подробно рассматривал австрийский философ и психотерапевт В. Франкл. Он считал, что смысл невозможно изобрести, его можно только найти, обнаружить в том, что представляет для человека ценность. В условиях современных глобальных и экзистенциальных вызовов осмыс-

ленность человеческому существованию могут придать ценности семьи, родительского дома, окружающей природы и т. п. Именно ценностные установки, по мнению В. Франкла, позволяют человеку сформировать правильную осмысленную позицию по отношению к жизненным обстоятельствам [17].

Опираясь на идеи П. Тиллиха и Р. Мэя, американский психолог Сальваторе Мадди рассматривает жизнестойкость (англ. *hardiness*) как совокупность внутренних установок, убеждений и конкретных действий, которая составляет «ядро» существования человека и позволяет ему легче переносить онтологическую тревогу. Жизнестойкость, согласно С. Мадди, включает три элемента: активное участие в социальной жизни (вовлеченность), готовность делать выбор (контроль) и открытость к новому опыту (риск) [18]. Он считал взаимодействие человека с другими людьми, способность быть частью общества, вовлеченность в многообразие социальных отношений, активное участие во всем, что происходит, важными условиями жизнестойкости и успешного преодоления экзистенциальных вызовов. Социум в данном случае становится поддержкой жизнестойкости, оказывая помощь и вдохновляя человека.

Отметим, что в современном научном дискурсе понятие «жизнестойкость» вышло за рамки экзистенциально-психологической концепции и составляет основу категориального аппарата социально-гуманитарного знания в целом. На наш взгляд, это связано с тем, что экзистенциальные проблемы человека отличаются от индивидуальных психологических проблем личности. Как справедливо указывает Н.В. Гришина, экзистенциальные проблемы имеют универсальный характер, они затрагивают интересы не только отдельного человека, но и всего человечества [19]. В силу своей фундаментальности экзистенциальные проблемы не имеют единственного (и уж тем более терапевтического, как это допускается в психологии) решения, поскольку они находятся в иной плоскости – в сфере человеческого бытия. Возможно, поэтому в зарубежной научной

литературе актуализируется исследование таких феноменов, как резилиентность (от англ. *resilience*). Термин «резилиентность» взят из естествознания, где он буквально переводится как «упругость» и отражает свойство физических объектов восстанавливать форму после некоторого, как правило, внешнего, воздействия. Постепенно этот термин проник в общественные и гуманитарные науки, где его предлагается применять и исследовать не только на уровне индивидов, но и на уровне социальных систем [20]. Так, одни авторы под резилиентностью понимают способность личности преодолевать стрессы, жизненные трудности и успешно адаптироваться к ним. Другие приравнивают данное понятие к жизнеспособности как склонности человека преодолевать серьезные проблемы и строить полноценную жизнь в трудных условиях [21]. В зарубежной литературе резилиентностью называется способность отдельных лиц или сообществ использовать имеющиеся у них внутренние и внешние ресурсы для преодоления и восстановления после внешних воздействий, как ожидаемых, так и неожиданных [22]. При этом сама резилиентность понимается не как результат, а скорее, как процесс или даже состояние.

Сегодня в науке существует многообразие содержательных нюансов английского термина «резилиентность», что создает трудности для правильного перевода на русский язык. В связи с этим в данном исследовании мы продолжим использовать термин «жизнестойкость» как один из вариантов перевода, что продиктовано спецификой рассматриваемых проблем.

Проанализировав результаты исследования существующих концепций жизнестойкости, отметим то, что, на наш взгляд, их объединяет и без чего жизнестойкость в условиях глобальных кризисов невозможна – это некоторые факторы (ресурсы – в терминологии И.Т. Фролова), благодаря которым человек и общество способны противостоять внешним воздействиям. Факторы жизнестойкости можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние – связаны с индивидуальными особенностями людей, к

которым большинство исследователей относят психологическую устойчивость к стрессам и негативным эмоциям (эмоциональный уровень), наличие жизнеутверждающей позиции, жизнестойких убеждений (рациональный уровень) и готовность к действию в неопределенной ситуации и преодолению возникающих трудностей (поведенческий уровень). Внешние – связаны с социумом, являющимся для личности источником социальных связей, взаимопомощи и взаимовыручки, каналов коммуникации и обмена информацией, вовлеченности людей в общее дело, социальной координации и коллективной ответственности и т. п. В условиях глобальных вызовов внутренние и внешние факторы образуют фундамент жизнестойкости как для отдельного человека, так и для конкретных социальных групп и общества в целом.

В зависимости от наличия или отсутствия тех или иных факторов жизнестойкости можно провести оценку степени уязвимости системы перед внешними вызовами. В психологии разработано несколько тестов и методик для оценки индивидуальной жизнестойкости и смежных с ней установок, а также более 400 стратегий преодоления жизненных трудностей, которые в большинстве своем направлены на восстановление психологического благополучия человека. Вместе с тем исследования по оценке социальной жизнестойкости (англ. *social resilience*) пока немногочисленны в связи с дискуссионным характером проблемы. Основные вопросы связаны с содержанием понятия «социальная жизнестойкость», выбором критериев оценки жизнестойкости сообществ и способами поддержки социальной жизнестойкости в условиях глобальных вызовов.

Результаты анализа существующих научных исследований по данной теме показывают, что одной из ключевых характеристик жизнестойкости общества является социальный капитал. Понятие «социальный капитал» достаточно полно представлено в научной литературе, поэтому мы обратимся к наиболее известным определениям. Американский философ, исследователь социальных отношений Ф. Фукуяма характеризует социальный капитал как «свод

неформальных правил или норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом» [23, с. 123]. Для П. Бурдье содержание социального капитала определяется количеством социальных связей у человека, а также объемом социального капитала каждого из тех, с кем он связан [24]. Наконец, Р. Патнэм характеризует социальный капитал как совокупность социальных связей и правил взаимодействия внутри них, выстроенных на основе доверия [25]. Таким образом, можно сказать, что устойчивые социальные связи, взаимодействие, коммуникация, доверие являются основой социального капитала, а в условиях внешних вызовов социальный капитал может быть рассмотрен в качестве ресурса жизнестойкости сообществ.

Современный мир представляет собой сложную систему многообразных и взаимосвязанных глобальных процессов, которые протекают на макро-, мезо- и микроуровнях человеческого бытия. К середине XX века глобализация привела к обострению мировых проблем, поэтому актуальными стали вопросы о том, как реагировать на глобальные вызовы и как ими управ-

лять. Согласно российским и зарубежным исследователям, преодоление последствий глобализации следует искать внутри социума, который содержит в себе внутренние ресурсы для адекватного реагирования на внешние вызовы. В качестве одного из таких ресурсов мы обратились к феномену жизнестойкости, который на индивидуальном уровне бытия рассматривается как жизнестойкость личности, а на локальном уровне – как жизнестойкость сообществ. В исследовании показано, что феномен личностной жизнестойкости основательно изучен в экзистенциальной философии и психологии. Также имеется большое количество плодотворных исследований практики развития и формирования индивидуальной жизнестойкости. Напротив, жизнестойкость сообществ, которая в зарубежной литературе обозначается термином «социальная резилентность», является новым предметом научных исследований. В статье утверждается, что в основе социальной жизнестойкости находится социальный капитал, развитие которого необходимо для управления социальными системами в условиях глобальных вызовов.

Список литературы

1. *Иванов О.Б.* Глобальные риски и новые вызовы человеческой цивилизации // ЭТАП: экон. теория, анализ, практика. 2020. № 2. С. 7–20. DOI: [10.24411/2071-6435-2020-10009](https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10009)
2. *Костенко О.Н., Пластуненко Н.Н., Тимошенко Н.В.* Глобальные экономические вызовы и перспективы развития российской экономики // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 43–46.
3. *Хойков И.* Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2. С. 27–40. DOI: [10.20542/2307-1494-2020-2-27-40](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-27-40)
4. *Вебер А.Б.* Человечество перед глобальным экологическим вызовом // Век глобализации. 2011. № 1. С. 110–121.
5. *Warren B., Burton N.* Leaders: The Strategies for Taking Charge. N.Y.: Harper & Row, 1985. 244 p.
6. *Cascio J.* Facing the Age of Chaos. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 16.04.2022).
7. Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+, 2021. 368 с.
8. *Ильин И.В., Шестова Т.В.* Глобалистика и глобальные исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2015. № 1/2. С. 66–76.
9. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. 565 с.
10. *Лейбин В.М.* Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6. С. 204–221.
11. *Нехамкин В.А.* Основные подходы к решению глобальных проблем: возможности и пределы // Социум и власть. 2014. № 4(48). С. 13–17.
12. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 311 с.

13. Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
14. Тиллих П. Мужество быть // П.Тиллих. Избр.: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 7–131.
15. Мэй Р. Человек в поисках себя. М.: Ин-т общегуманит. исслед. 2013. 223 с.
16. Мэй Р. Мужество творить. СПб.: Питер, 2020. 160 с.
17. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 228 с.
18. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
19. Гришина Н.В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 4. С. 109–116.
20. Корезин А.С., Мурашов С.Б. Резильентность социальных систем: сущность концепта и его применимость на разных уровнях социума // Телескоп: журн. соц. и маркетинг. исслед. 2021. № 1. С. 17–22. DOI: [10.51692/1994-3776_2021_1_17](https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_17)
21. Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (дата обращения: 03.03.2022).
22. Robertson T., Docherty P., Millar F., Ruck A., Engstrom S. Theory and Practice of Building Community Resilience to Extreme Events // Int. J. Disaster Risk Reduct. 2021. Vol. 59. № 102253. DOI: [10.1016/j.ijdrr.2021.102253](https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2021.102253)
23. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисон, С. Хантингтон. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. С. 129–148.
24. Бурдые П. Формы капитала // Экон. социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. DOI: [10.17323/1726-3247-2002-5-60-74](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74)
25. Putnam R. Social Capital and Public Affairs // Bull. Am. Acad. Arts Sci. 1994. Vol. 47, № 8. P. 5–19. URL: <https://www.benjaminjameswaddell.com/wp-content/uploads/2011/01/putnam-social-capital-and-public-affairs.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

References

1. Ivanov O.B. Global'nye riski i novye vyzovy chelovecheskoy tsivilizatsii [Global Risks and New Challenges of Human Civilization]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2020, no. 2, pp. 7–20. DOI: [10.24411/2071-6435-2020-10009](https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10009)
2. Kostenko O.N., Plastunenکو N.N., Timoshenko N.V. Global'nye ekonomicheskie vyzovy i perspektivy razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Global Economic Challenges and Development Prospects for Russian Economy]. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*, 2022, no. 1, pp. 43–46.
3. Kholikov I. Rasprostranenie epidemiy, pandemiy i massovykh zabolevaniy kak global'nyy vyzov sovremennosti [The Spread of Epidemics, Pandemics, and Mass Diseases as a Contemporary Global Challenge]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2020, no. 2, pp. 27–40. DOI: [10.20542/2307-1494-2020-2-27-40](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-27-40)
4. Veber A.B. Chelovechestvo pered global'nyim ekologicheskim vyzovom [Mankind Facing a Global Environmental Challenge]. *Vek globalizatsii*, 2011, no. 1, pp. 110–121.
5. Warren B., Burton N. *Leaders: The Strategies for Taking Charge*. New York, 1985. 244 p.
6. Cascio J. *Facing the Age of Chaos*. Available at: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (accessed: 16 April 2022).
7. Belkina G.L. (ed.). *Chelovek v global'nom mire: riski i perspektivy* [Human in the Global World: Risks and Prospects]. Moscow, 2021. 368 p.
8. Il'in I.V., Shestova T.V. Globalistika i global'nye issledovaniya [Globalistics and Global Studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. XXVII. Globalistika i geopolitika*, 2015, no. 1/2, pp. 66–76.
9. Toynbee A.J. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, 2002. 565 p.
10. Leybin V.M. Rimskiy klub: khronika dokladov [The Club of Rome: Brief Reports]. *Filosofiya i obshchestvo*, 1997, no. 6, pp. 204–221.
11. Nekhamkin V.A. Osnovnye podkhody k resheniyu global'nykh problem: vozmozhnosti i predely [Basic Approaches to the Solution of Global Problems: Possibilities and Limits]. *Sotsium i vlast'*, 2014, no. 4, pp. 13–17.

12. Peccei A. *Chelovecheskie kachestva* [The Human Quality]. Moscow, 1985. 311 p.
13. Frolov I.T. *Perspektivy cheloveka. Opyt kompleksnoy postanovki problemy, diskussii, obobshcheniya* [Prospects for the Human. Experience of a Comprehensive Formulation of the Problem, Discussions, Generalizations]. Moscow, 1983. 350 p.
14. Tillich P. Muzhestvo byt' [The Courage to Be]. Tillich P. *Izbrannoe: Teologiya kul'tury* [Selected Works: Theology of Culture]. Moscow, 1995, pp. 7–131.
15. May R. *Man's Search for Himself*. New York, 1953. 281 p. (Russ. ed.: Mey R. *Chelovek v poiskakh sebya*. Moscow, 2013. 223 p.).
16. May R. *The Courage to Create*. New York, 1975. 143 p. (Russ. ed.: Mey R. *Muzhestvo tvorit'*. St. Petersburg, 2020. 160 p.).
17. Frankl V.E. *The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy*. New York, 1988. 198 p. (Russ. ed.: Frankl V. *Volya k smyslu*. Moscow, 2018. 228 p.).
18. Maddi S.R. Smysloobrazovanie v protsesse prinyatiya reshenii [Creating Meaning Through Making Decision]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2005, vol. 26, no. 6, pp. 87–101.
19. Grishina N.V. Ekzistentsial'nye problemy cheloveka kak zhiznennyi vyzov [Existential Human Problems as Ontological Challenge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2011, no. 4, pp. 109–116.
20. Korezin A.S., Murashov S.B. Rezil'entnost' sotsial'nykh sistem: sushchnost' kontsepta i ego primenimost' na raznykh urovnyakh sotsiuma [Resilience of Social Systems: The Essence of the Concept and Its Applicability at Different Levels of Society]. *Teleskop: zhurnal sotsial'nykh i marketingovykh issledovaniy*, 2021, no. 1, pp. 17–22. DOI: [10.51692/1994-3776_2021_1_17](https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_17)
21. Selivanova O.A., Bystrova N.V., Derecha I.I., Mamontova T.S., Panfilova O.V. Studying the Phenomenon of Resilience: Problems and Prospects. *World Sci. Pedagog. Psychol.*, 2020, vol. 8, no. 3 (in Russ.). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (accessed: 3 March 2022).
22. Robertson T., Docherty P., Millar F., Ruck A., Engstrom S. Theory and Practice of Building Community Resilience to Extreme Events. *Int. J. Disaster Risk Reduct.*, 2021, vol. 59. Art. no. 102253. DOI: [10.1016/j.ijdrr.2021.102253](https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2021.102253)
23. Fukuyama F. Sotsial'nyy kapital [Social Capital]. Harrison L., Huntington S. (eds.). *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. Moscow, 2002, pp. 129–148.
24. Bourdieu P. Formy kapitala [The Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. DOI: [10.17323/1726-3247-2002-5-60-74](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74)
25. Putnam R. Social Capital and Public Affairs. *Bull. Am. Acad. Arts Sci.*, 1994, vol. 47, no. 8, pp. 5–19. Available at: <https://www.benjaminjameswaddell.com/wp-content/uploads/2011/01/putnam-social-capital-and-public-affairs.pdf> (accessed: 18 March 2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V209

Marina V. Nenasheva Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 1, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2875-5638> e-mail: m.nenasheva@narfu.ru

THE PHENOMENON OF RESILIENCE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY GLOBAL CHALLENGES

The modern world lives in the era of globalization. Problems arising in this process negatively affect the lives of individuals and the world community as a whole. In this regard, the search for answers to global challenges becomes urgent. The article demonstrates that a significant contribution to the understanding of global processes was made by the Club of Rome, an international organization that

For citation: Nenasheva M.V. The Phenomenon of Resilience in the Context of Contemporary Global Challenges. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 69–77. DOI: 10.37482/2687-1505-V209

offered various solutions to world problems. However, it was not until the early 21st century that science came to the understanding that remedies to global crises should be sought in the sphere of human existence. Therefore, the author turned to the study of the phenomenon of human and social resilience as a possible response to the current global challenges. The article presents a detailed analysis of the phenomenon of personal resilience in existential philosophy and psychology, as well as identifies external and internal factors that determine the resilience of a person and society in global crises. It is shown that, despite the wide range of definitions of individual resilience, there is no clarity as to what is meant by social resilience and how communities can develop such resilience in practice. Based on scientific research on this topic, it is concluded that the internal resource of communities is social ties and interaction that form their resilience in times of crisis. The results of this study can be used to find solutions to global challenges and ways to manage them.

Keywords: *globalization, global challenges, global crisis, social resilience, individual resilience.*

Поступила 04.05.2022

Принята 16.09.2022

Опубликована 15.11.2022

Received 4 May 2022

Accepted 16 September 2022

Published 15 November 2022

УДК 1(091):13

DOI: 10.37482/2687-1505-V208

ДЬЯКОВ Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 160 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5747-6398>

ПРИЗРАКИ ДЕРРИДА: МЕЖДУ ДИСКУРСОМ ПАМЯТИ И ИСТОРИЕЙ ФИЛОСОФИИ¹

Статья обращается к известному философскому эксперименту Ж. Деррида, предложившему опыт ориентированной на тексты К. Маркса хонтологии как воображаемой науки о призраках. Отталкиваясь от продуктивной идеи французского философа, автор статьи предлагает рассматривать фигуру призрака как существенную для практики памяти, определяющую самоотношение коллективного сознания, и демонстрирует практические аспекты тезиса Деррида о необходимости обращения к призраку, который представляет собой фигуру, обязательную для формирования коллективной памяти. Призрак выступает актором, конституирующим пространство и внутреннюю структуру коллективной памяти, становясь в одно и то же время инициатором и катализатором развития отношений, интроецируемых коллективным сознанием. Зачастую наибольшую значимость имеют те призраки, что не соотносятся с реальным референтом в историческом прошлом и сами конституируют коллективные воспоминания. Таким образом, призраки, населяющие коллективную память человечества, всегда являются конструктами человеческого сознания, сущностями из регистра воображаемого. Автор демонстрирует, каким образом механизмы закрепления призраков в качестве точек кристаллизации коллективной памяти могут описываться в терминах политической экономии как парадоксальные объекты, не сводимые к универсальной эквивалентности, но сами эту эквивалентность поддерживающие. Принимая за отправную точку дискурс о призраках Деррида, автор показывает, в каких направлениях можно в дальнейшем развить социологические, политические, эстетические и философские аспекты данной темы. Помимо прочего, согласно его мысли, философия должна сохранять в этом процессе функцию интегрального дискурса, позволяющего не уходить в чистую эссеистику, но постоянно сохранять память о собственных целях и задачах.

Ключевые слова: *память, практика памяти, коллективное сознание, Деррида, марксизм, хонтология, политическая экономия.*

* Адрес: 199397, Санкт-Петербург, Новосмоленская наб., д. 1/138; e-mail: a.diakov@spbu.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20–011–00616 «Самосознание истории философии в междисциплинарном контексте практик памяти»).

Для цитирования: Дьяков А.В. Призраки Деррида: между дискурсом памяти и историей философии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 78–85. DOI: 10.37482/2687-1505-V208

Память населяют призраки. Этот трюизм нередко становится предметом философской рефлексии, ибо, несмотря на кажущуюся очевидность, он выражает весьма проблематичную область человеческого существования. Как поэтическая метафора он едва ли нуждается в дополнении, т. к. является вполне самостоятельным и влечет за собой такой шлейф коннотаций и аллюзий, что открывает возможность для почти бесконечной медитации по данному поводу. Однако этот тезис, будучи концентрированным выражением конкретной философской проблематики и указанием на чрезвычайно важный для общественного бытия человека феномен, фиксирует нечто куда более важное, чем поэтический образ. Коллективная память служит основанием социальности; сама же память является тем пространством, которое населяют призраки: те, что отошли в прошлое, но продолжают жить в настоящем благодаря непрестанному воспроизводству памяти, а может быть, и вовсе никогда не существовали, но явились как «жители несбыточных держав» П. Валери и конституировались в качестве фигур памяти. Призраками они от этого быть не перестают.

Призрак обладает весьма важным и беспокойным свойством (недаром Д. Хармс предлагал покойников называть «беспокойниками»): он является живым, возникает из забвения и напоминает о себе, несмотря на то, что тот, кем он был при жизни, уже не может представлять никакой опасности. Зачастую призрак куда опаснее живого, поэтому всякая нежить так страшит человека с первобытных (или с самых древних) времен. Но, быть может, опаснее всего призраки безреферентные, такие, что сожгались из воздуха, а не восстали из гробов, – эти самые стойкие, и даже солнечный свет им не помеха. Философия представляет собой как раз такое пространство, в котором подобные призраки чувствуют себя как дома. Да это и есть их подлинный дом, ибо здесь они рождаются, обретают облик и отсюда отправляются в большой мир. Призрак коммунизма, о котором писал Маркс, до поры неуверенно чувствовал себя в европейском политическом пространстве,

тогда как в пространстве философии ему всегда был готов и стол, и дом [1]. Область конструктивной мысли не нуждается в референции к миру материальных вещей; совсем напротив, как говорил классик, мысль, овладевшая массами, становится материальной силой. Только происходит это не в силу диалектических отношений между сферами духовного и материального и не непосредственно-материальным образом, как полагали маоисты, но в силу того, что Ж. Деррида довольно удачно назвал криптической инкорпорацией [2].

По мысли Деррида, призрак не просто является, когда ему вздумается, будоража нечистую совесть или призывая нас стать лучше, чем мы есть. Он совершенно необходим нашей культуре; т. к. выступает элементом, конститутивно необходимым живым, не каким-то мороком или плодом воображения, но тем, что только и позволяет нам быть цивилизованными людьми, мыслить в регистрах этики и политики и хоть в какой-то мере понимать, кто мы, откуда и куда идем [3]. Поэтому «следует говорить о призраке, и даже обращаться к призраку, говорить с призраком, коль скоро оказывается, что любая этика и любая политика – безразлично, революционная или нет, будут невозможны, немислимы, несправедливы, если они не базируются на уважении к тем другим, которые – или уже больше не, или пока еще не – не присутствуют, сейчас, тут, в качестве живых людей, но в качестве умерших, или еще не родившихся» [4, с. 10]. Те фигуры, которые представляют собой конденсацию нравственных, политических и каких бы то ни было еще ценностей, не могут быть тождественны личности живущих в настоящее время людей. Они должны быть конструктами человеческого сознания, сущностями из регистра воображаемого.

Вместе с тем призраки являются весьма энергичными актерами, способными не только действовать наряду с живыми, но и увлекать их за собой, зачаровывать, становиться их идейными вождями. В свете акторно-сетевой теории вопрос об их телесности вообще оказывается несущественным, поскольку во внимание

здесь принимается только способность той или иной единицы совершать значимые действия. Но такая позиция низводит призрака, обретающего в несуществовании своего рода бессмертие (или, как выразался поздний Деррида, ведущего сверх-жизнь), на уровень простых смертных. Призрак же не должен уподобляться живущим, ведь вся его действенность как раз и заключается в том, что он изъят из жизни, а потому не подвержен грозящим всему живому превратностям. Призрак обретает силу, поскольку его уже нельзя заставить замолчать; впрочем, в этом же его слабость: в его бесплотные уста при должном старании можно вложить тот или иной дискурс по своему усмотрению, на что он не сможет возразить.

В марксистских терминах здесь можно говорить о фетишизации, благодаря которой призрак обретает квази-самостоятельное существование, тогда как породившие его причины маскируются и более или менее умышленно стираются из коллективной памяти. Такая трактовка, безусловно, по-прежнему уместна, если удастся избавиться от старых коннотаций, сопровождающих это понятие. Едва ли имеет смысл искать экономические механизмы или заинтересованные группы – и то, и другое, безусловно, существует, однако разоблачительный потенциал такого рода риторики стремится к нулю, ибо воспроизводит уже знакомые схемы, где ответ известен еще прежде, чем будет сформулирован вопрос. Здесь необходима новая проблематизация фетишизации, быть может, даже новая версия политической экономии, которую, как мы увидим чуть ниже, и предлагает Деррида. Старая политическая экономия в пределе предполагает всеобщий эквивалент, по которому обмениваются как реальное, так и воображаемое. Такая позиция требует, чтобы призрак существовал исключительно в воображаемом, а воображаемое в то же время подчинялось курсу реального. Подход очень старый, прекрасно зарекомендовавший себя еще в католической доктрине Чистилища, пребывание в котором подчиняется контролируемым с земли закономерностям [5].

Сам Деррида неоднократно провозглашал себя марксистом, хотя, конечно же, речь не шла о сколько-нибудь ортодоксальной версии марксизма. Быть может, столь же далек он был и от альтюссерянской его версии, утверждающей теоретический антигуманизм позднего Маркса. Однако то, что Альтюссер назвал «экономической сверхдетерминацией» марксизма, Деррида довольно близко. Стремление создать политическую экономию либидо (хотя бы и в открытках) ему, несомненно, присуще. И если он не написал политической экономии призраков, то лишь потому, что его деконструктивистский подход вообще не предполагал выстраивания систематических конструкций. Тем не менее мы полагаем, что речь как раз и нужно вести о политэкономии призраков – политэкономии без бухгалтерского анализа, без прямой критики капитализма (хотя все это, несомненно, и есть непрямо его критика), наконец, без классово-идеи, ибо призраки не составляют социального класса, а разве что класс таксономический. Кроме того, как мы уже сказали, эта политэкономия обходится без универсального эквивалента, благодаря которому призраки обменивались бы по курсу живых.

Место капитала в этой своеобразной политической экономии занимает память – тело без органов, выступающее функциональным антагонистом по отношению к социальному производству, которое стремится производить субъекта, лишённого памяти. Лишь такой субъект годится для мира универсальной эквивалентности, будучи пустым сосудом, ожидающим наполнения, роль которого в постиндустриальном капитализме выполняет пустота. Нельзя не признать правоту Ж. Бодрийера, ясно увидевшего эту пустотность универсальной эквивалентности, где всякий знак обменивается на знак и ни на что иное [6]. Призрак в качестве активного агента социальной памяти ускользает как от этой эквивалентности, так и от навязывания ему произвольных референций. Вместе с тем он является парадоксальным элементом, который, ускользая от общего порядка памяти, необходим ей как катализатор роста и возмутитель,

порождающий многочисленные бифуркации. Ведь память, как всякая экономическая система, сталкивается с внутренними пределами роста, и не будь призраков, это неизбежно привело бы к ее вырождению и упразднению.

Призрак – своего рода аттенуированный агент памяти, которая вечно грозит человечеству ужасом и смертью. Вечно живая память о мировых войнах, к примеру, повергла бы человечество в такое отчаяние, что едва ли позволило бы ему существовать дальше, а в коллективной памяти таких моментов почти бесконечно много. Э. Кустурица однажды совершенно справедливо заметил: «Разве без умения забывать мы могли бы достойно встретить завтрашний день? Что стало бы с нами, если бы нашей душе пришлось непрерывно переживать страдания, если бы забвение не скрывало трагедии нашей жизни, подобно тому как туча скрывает солнце? Выжить было бы невозможно» [7, с. 5]. Память, которая сохраняла бы все, стала бы жесточайшим тираном и проклятием человечества. Именно способность забывать позволяла нам выжить.

Более того, именно эта способность делает нас в полной мере людьми, т. е. существами мыслящими. Х.Л. Борхес, описывая человека с абсолютной памятью, очень точно подчеркнул: «...я подозреваю, что он был не очень способен мыслить. Мыслить – значит забывать о различиях, обобщать, абстрагировать» [8, с. 337]. Однако забвение вместе со способностью рационально мыслить не обеспечивают нам абсолютного покоя: призрак является из этого мира забвения и несет с собой воспоминания, не переворачивая наш универсум, но внося в него возмущение. Было бы верхом наивности полагать, что такая деятельность призраков способна уберечь нас от повторения ошибок; умение забывать порождает эпистемологические разрывы, столь тотальные, что многие авторы, наделенные даром ретроспекции, склонны их абсолютизировать. Однако в самом этом забвении, как его изнанка, всегда присутствует работа призраков. Забвение является той связующей нитью, что обеспечивает нас иллюзией целостности и постоянства наличного состояния мира.

Явление призрака разрывает эту нить, как с горечью заметил Гамлет после появления призрака. «Он с помощью алгебры доказывает, что внук Гамлета – дедушка Шекспира, а сам он призрак собственного отца» [9, с. 18]. Эта позиция джойсовского героя по-прежнему близка Деррида [10].

Итак, призрак есть свидетель памяти ослабленной, способной обеспечить нас коллективным иммунитетом, но не убить. Он не устраняет грозящих нам ужасом и безумием воспоминаний, напротив, он выступает их агентом, свидетелем, истором (Фуко). Однако, приходя из своего призрачного мира и будучи отделен от живущих гранью несуществования, он не может нанести смертельной раны, хотя и наносит рану неисцелимую, подобную той, от которой страдал Увечный Король из артурианского цикла, равно неспособный ни исцелиться, ни умереть. (Коллективная память, сформировавшая предания этого цикла, весьма пронизательно указывает на то, что вместе со своим увечным государем страдает и его земля.)

Итак, призрак несет с собой болезнь, но это не болезнь-к-смерти (смертельной она станет лишь в том случае, если мы, подобно Гамлету, примем сторону призрака), а скорее прививка, действующая по гомеопатическому принципу, который еще Гегель считал необходимым для сохранения государства и общества [11]. Это болезнь экономического порядка (недаром Делез и Гваттари настаивали на том, что всякая машина, в особенности же машина капиталистическая, работает только будучи сломанной), болезнь эквивалентности, сталкивающей с акторами, ей не подчиняющимися, что, с одной стороны, ставит под удар сам принцип универсальной эквивалентности, а с другой – позволяет построенной на ней системе приобрести иммунитет против всего, что этой эквивалентности избегает. В итоге создается неустойчивое равновесие памяти, при котором неудобные воспоминания постоянно вторгаются в упорядоченную реальность и в то же время вредоносное воздействие их минимизируется. Такова работа скорби.

Скорбь превращает наш разум в своего рода крипту, где дорогие нам умершие неким образом продолжают свое существование. Лишь память и позволяет им вести их сверх-жизнь. Сознание утраты хоронит их и в то же время не дает им уйти совсем. Недаром Ницше заметил, что человечество похоронит своих мертвецов лишь тогда, когда вымрет окончательно. Несчастное сознание, которым завладела скорбь, конституируется памятью, которая, в свою очередь, конституирует населяющих его духов. Если скорбь одерживает победу и полностью завладевает сознанием, оно превращается в дом с привидениями, где самому человеку уже почти нет места. Гегелевская идея несчастного сознания отмечает существование в истории человеческого сознания целых эпох, когда оно вольно или невольно превращается в такое пристанище призраков.

Проницательный Ж. Делез разработал целую теорию опережающего повторения, которое задним числом конституирует «первичное» событие. Именно работа скорби может конституировать (а Делез считал, что так всегда и бывает) свой объект. Можно ведь весьма эмоционально переживать утрату фантазматического объекта или никогда не существовавшего исторического деятеля. Точно так же работа памяти может вызывать стыд за совершенные в прошлом поступки, которых в действительности никто не совершал. Идеи греха и коллективной или индивидуальной виновности являются едва ли не самыми постоянными феноменами в истории человечества. Событие-симулякр или социально значимый мифологический персонаж служат скрепами как архаичного, так и современного общества. И здесь мы имеем дело с призраком иного рода.

Если скорбь по утраченному дорогому нам лицу интроецирует его в наше сознание, то тоска по никогда не существовавшему является искажением и симуляцией этого процесса. «Криптическая инкорпорация, по Деррида, имитирует, симулирует процесс интроекции (интериоризации), не совершая той работы скорби, при которой достигается интроекция.

В то время как интроекция принадлежит к порядку наличия, субъекта, спиритуального, онтологического, инкорпорация принадлежит к порядку симулякра, объекта, призрака, хонтологического. Ее “ин-” – не просто банальное “в-”нутри как полнота наличия в ин-троекции, но фатальное, радикальное “ин-” как нередуцируемость посредника, пребывающего сокрытым, что, по Деррида, означает внешнее внутреннего или внешнее и внутреннее как внешнее внешнего или внутреннего» [12, с. 74]. В самом деле, где здесь внешние связи, интроецируемые и усваиваемые нашим сознанием в качестве внутренних? Это отношение оказывается перевернутым, а вернее, вывернутым наизнанку, может быть, даже не раз, как это было в случае с джойсовским Гамлетом.

Можно было бы создать своего рода классификацию призраков, наподобие тех классификаций, которые были детально разработаны в средневековой ангелологии и (хотя и не столь четко в том, что касается основания классификации) в демонологии эпохи Возрождения. Тогда можно было бы говорить по меньшей мере о призраках двух порядков, первый из которых представлял бы собой явление из мира мертвых, тогда как второй относился бы к порядку никогда не бывших, то есть оказался бы «плохим» симулякром (здесь не обязательно отсылать к Бодрийяру [13], ибо у Платона это различие уже было детально проработано). К призракам второго рода принадлежит и марксов призраком коммунизма – фигура эмблематичная для XIX и XX столетий, да и теперь являющаяся к нам с укором, правда, сейчас уже рассчитывая попасть в первую категорию. И Деррида настаивает на том, что нужно относиться к нему с уважением, обращаться к нему и говорить с ним, хотя сам прекрасно сознает, откуда явился этот призраком, какие силы вызвали его и кому случалось действовать от его лица в трагических перипетиях минувшего столетия. По-видимому, для него важно не столько то, что может сказать нам сам этот призраком, сколько то, что можем сказать ему мы. Нам нет дела до пророческого тона, который обычно избирает

для себя этот пришелец; существенной является возможность обращаться к нему, формулируя собственные сущность и даже самый факт существования в качестве интеллигибельной коллективности.

Но призрак коммунизма – это не просто призрак социального или коммуникативного действия. Он обладает вполне отчетливой физиономией, собственной довольно продолжительной историей, генеалогией и может похвастать способностью заключать многократно усиливающие его историческую важность альянсы. Вместе с тем это по-прежнему призрак, инкорпорация которого, как уже было сказано, носит симулятивный характер. Более того, это призрак никогда не бывшего, лишенный референции и не освящаемый исторической традицией, которая одна уже могла бы его увековечить [14]. Он проник в интеллектуальное пространство контрабандой, поселился в коллективном сознании тайком и по-прежнему пребывает там на нелегальном положении. Однако чувствует себя здесь столь уверенно, что будоражит коллективную совесть, призывает нас быть достойными неких идеалов и, как положено призраку, упрекает нас в том, что мы оказались не на высоте этих самых идеалов. Конфуций, которому перестал являться во сне некий благородный предок, считал это признаком своего морального падения. Призрак коммунизма добивается от нас того же; если он перестанет нам являться, тем хуже для нас. Если порожденный памятью призрак более или менее подчиняется общим закономерностям, так что в его отношении

возможна даже некоторая политическая экономия, то призрак-симулякр, будучи чем-то вроде искусственного вируса, ведет себя непредсказуемо.

Пора подвести итоги, к которым мы пришли. Прежде всего, можно признать весьма основательным тезис Деррида о необходимости обращения к призраку, который представляет собой фигуру, необходимую для формулирования самоотношения коллективного сознания. Отталкиваясь от этого тезиса, мы можем утверждать, что призрак выступает актором, конституирующим пространство и внутреннюю структуру коллективной памяти, становится в одно и то же время инициатором и катализатором развития отношений, интроецируемых коллективным сознанием. Конституирование фигуры призрака совсем не обязательно связано с коллективным воспоминанием о реально имевших место событиях или личности; напротив, зачастую наибольшую значимость имеют те призраки, что не привязаны к реальному референту в историческом прошлом и сами конституируют коллективные воспоминания. Таким образом, населяющие коллективную память человечества призраки всегда являются конструктами человеческого сознания, сущностями из регистра воображаемого. Механизмы закрепления призраков в качестве точек кристаллизации коллективной памяти могут описываться в терминах политической экономии как парадоксальные объекты, не сводимые к универсальной эквивалентности, но сами эту эквивалентность поддерживающие.

Список литературы

1. MacDonald E. Deconstruction's Promise: Derrida's Rethinking of Marxism // *Sci. Soc.* 1999. Vol. 63, № 2. P. 145–172.
2. Hyland D.A. Spectres of Interpretation // *Res. Phenomenol.* 2012. Vol. 42, № 1. P. 3–17. DOI: [10.1163/156916412x628711](https://doi.org/10.1163/156916412x628711)
3. Joseph J. Derrida's Spectres of Ideology // *J. Political Ideol.* 2001. Vol. 6, № 1. P. 95–115. DOI: [10.1080/13569310120040177](https://doi.org/10.1080/13569310120040177)
4. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. / пер. Б. Скуратова. М.: Logos-altera; Ecce homo, 2006. 254 с.

5. *Ле Гофф Ж.* Рождение чистилища / пер. В. Бабинцева, Т. Краевой. М.: АСТ; Екатеринбург: У-Фактория, 2009. 537, [5] с.
6. *Hussey A.* Spectacle, Simulation and Spectre: Debord, Baudrillard and the Ghost of Marx // *Parallax*. 2001. Vol. 7, № 3. P. 63–72. DOI: [10.1080/13534640110064039](https://doi.org/10.1080/13534640110064039)
7. *Кустурица Э.* Где мое место в этой истории? Автобиография / пер. Э. Болдиной. М.: РИПОЛ классик, 2019. 380 с.
8. *Борхес Х.Л.* Сочинения. В 3 т. Т. 1: Эссе. Новеллы. Рига: Полярис, 1994. 558 с.
9. *Джойс Дж.* Улисс / пер. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: Республика, 1993. 671 с.
10. *Prendergast C.* Derrida's Hamlet // *Substance*. 2005. Vol. 34, № 1. P. 44–47. DOI: [10.1353/sub.2005.0020](https://doi.org/10.1353/sub.2005.0020)
11. *Боянич П.* Аллергологии: От аналогии суверенитета к атрибутам насилия / пер. А.В. Дьякова // *Хора*. 2008. № 4. С. 30–45.
12. *Чолоденко А.* Крипт, дом с привидениями кино / пер. А.В. Дьякова // *Хора*. 2008. № 2. С. 72–84.
13. *Abinnett R.* The Spectre and the Simulacrum: History After Baudrillard // *Theory Cult. Soc.* 2008. Vol. 25, № 6. P. 69–87. DOI: [10.1177/0263276408095545](https://doi.org/10.1177/0263276408095545)
14. *Gaston S.* Jacques Derrida and the Challenge of History. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019. DOI: [10.1177/0263276408095545](https://doi.org/10.1177/0263276408095545)

References

1. MacDonald E. Deconstruction's Promise: Derrida's Rethinking of Marxism. *Sci. Soc.*, 1999, vol. 63, no. 2, pp. 145–172.
2. Hyland D.A. Spectres of Interpretation. *Res. Phenomenol.*, 2012, vol. 42, no. 1, pp. 3–17. DOI: [10.1163/156916412x628711](https://doi.org/10.1163/156916412x628711)
3. Joseph J. Derrida's Spectres of Ideology. *J. Political Ideol.*, 2001, vol. 6, no. 1, pp. 95–115. DOI: [10.1080/13569310120040177](https://doi.org/10.1080/13569310120040177)
4. Derrida J. *Spectres de Marx: L'Etat de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale*. Paris, 1993. 278 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional*. Moscow, 2006. 254 p.).
5. Le Goff J. *La naissance du Purgatoire*. Paris, 1981. 509 p. (Russ. ed.: Le Goff Zh. *Rozhdenie chistilishcha*. Moscow, 2009. 537 p.).
6. Hussey A. Spectacle, Simulation and Spectre: Debord, Baudrillard and the Ghost of Marx. *Parallax*, 2001, vol. 7, no. 3, pp. 63–72. DOI: [10.1080/13534640110064039](https://doi.org/10.1080/13534640110064039)
7. Kusturica E. *Ou suis-je dans cette histoire?* JC Lattès, 2011. 300 p. (Russ. ed.: Kusturitsa E. *Gde moe mesto v etoy istorii? Avtobiografiya*. Moscow, 2019. 380 p.).
8. Borges J.L. *Sochineniya. T. 1: Esse. Novelly* [Works. Vol. 1: Essays. Short Stories]. Riga, 1994. 558 p.
9. Joyce J. *Ulysses*. Moscow, 1993. 671 p. (in Russ.).
10. Prendergast C. Derrida's Hamlet. *Substance*, 2005, vol. 34, no. 1, pp. 44–47. DOI: [10.1353/sub.2005.0020](https://doi.org/10.1353/sub.2005.0020)
11. Bojanić P. Allergologii: Ot analogii suvereniteta k atributam nasiliya [Allergologies. From an Analogy of Sovereignty to Attributes of Violence]. *Khora*, 2008, no. 4, pp. 30–45.
12. Cholodenko A. Kript, dom s privideniyami kino [The Crypt, the Haunted House, of Cinema]. *Khora*, 2008, no. 2, pp. 72–84.
13. Abinnett R. The Spectre and the Simulacrum: History After Baudrillard. *Theory Cult. Soc.*, 2008, vol. 25, no. 6, pp. 69–87. DOI: [10.1177/0263276408095545](https://doi.org/10.1177/0263276408095545)
14. Gaston S. *Jacques Derrida and the Challenge of History*. Lanham, 2019. 349 p.

For citation: D'yakov A.V. The Ghosts of Derrida: Between the Discourse of Memory and the History of Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 78–85. DOI: [10.37482/2687-1505-V208](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V208)

DOI: 10.37482/2687-1505-V208

Aleksandr V. D'yakov

Saint-Petersburg State University;

Novosmolenskaya nab. 1/138, St. Petersburg, 199397, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5747-6398> e-mail: a.diakov@spbu.ru

THE GHOSTS OF DERRIDA: BETWEEN THE DISCOURSE OF MEMORY AND THE HISTORY OF PHILOSOPHY

The paper turns to a well-known philosophical experiment of J. Derrida, who introduced hauntology, an imaginary science of ghosts orientated towards the texts of K. Marx. Based on Derrida's productive idea, the author of this article suggests considering the figure of the ghost as being essential for the practice of memory and as constituting self-attitude of collective consciousness. The paper demonstrates the practical aspects of Derrida's thesis about the need to address the ghost, which is a figure necessary for the formation of collective memory. The ghost is viewed as an actor constituting the space and the internal structure of collective memory, at the same time being an initiator of and a catalyst for the development of relations introjected by collective consciousness. Oftentimes, the most significant are those ghosts that have no real referent in the historical past and constitute collective memories by themselves. Thus, the ghosts inhabiting the collective memory of humankind are always constructs of human consciousness, entities from the register of the imaginary. The author demonstrates how the mechanisms of fixing ghosts as points of crystallization of collective memory can be described in terms of political economy as paradoxical objects irreducible to universal equivalence, but supporting it. Taking Derrida's discourse about ghosts as a starting point, the author shows in what directions the sociological, political, aesthetic and philosophical aspects of this topic can be further developed. Moreover, according to the author, philosophy should retain in this process the function of integral discourse, which allows us to stay away from pure essayism and always remember our own goals and objectives.

Keywords: *memory, practice of memory, collective consciousness, Derrida, Marxism, hauntology, political economy.*

Поступила 18.04.2022

Принята 30.09.2022

Опубликована 15.11.2022

Received 18 April 2022

Accepted 30 September 2022

Published 15 November 2022

УДК 130.2;304.9

DOI: 10.37482/2687-1505-V211

СУХАНОВА Елена Вадимовна, аспирант кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 5 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9925>

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ В.Н. МУРАВЬЕВА В ЭПОХУ АНТРОПОЦЕНА: ДИАЛОГ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО

В статье анализируется учение русского философа-космиста В.Н. Муравьева в контексте современного экологического дискурса. Подчеркивается, что в настоящее время социум вследствие активного технологического развития столкнулся с проблемой кризиса антропоцена, о проявлениях и возможностях преодоления которого размышляли и писали в своих трудах представители русского космизма. Объектом исследования является философское наследие В.Н. Муравьева. Цель данной публикации – изучение концепции овладения временем В.Н. Муравьева на предмет поиска вероятных путей выхода из опасной социально-экологической ситуации, в которой оказалось общество эпохи антропоцена в конце XX – начале XXI века, и возможностей сохранения в этих условиях баланса между естественной и искусственной средой обитания человека. Достижение этой цели требует решения ряда задач, среди которых выделяются: общий анализ и оценка актуальности идеи управления временем применительно к глобальным проблемам нашей эпохи; исследование понятия культуры в трактовке В.Н. Муравьева и экстраполяция его на проблемы сохранения естественной природы в процессе разворачивающейся технологической революции; рассмотрение работ теоретиков эколого-философского направления в рамках концепции антропоцена с выявлением корреляций между ними и идеями В.Н. Муравьева. Научная новизна работы заключается в изучении до сих пор недостаточно понятых идей одного из видных русских философов-космистов в их соотнесении с актуальными социально-экологическими проблемами, анализе совпадений и различий с теориями других представителей эколого-философской мысли и предлагаемых возможных способов выхода из современной кризисной ситуации. Делается вывод, что концепция В.Н. Муравьева как оригинального представителя русского космизма, включающая в себя идею рационального преобразования мира силами людей, для которого необходимо их объединение в «общем деле», может быть востребованной при решении проблем, возникающих перед человечеством в эпоху антропоцена.

Ключевые слова: В.Н. Муравьев, антропоцен, космизм, философская экология, проблема времени, социально-экологический кризис.

---

*Адрес: 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, д. 7; e-mail: elena_stupishina@mail.ru

Для цитирования: Суханова Е.В. Концепция управления временем В.Н. Муравьева в эпоху антропоцена: диалог естественного и искусственного // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 86–95. DOI: 10.37482/2687-1505-V211

Эволюция человеческого общества с самого его зарождения проходила под знаком постоянных изменений окружающей среды: вырубались леса – на их месте возникали поля для выращивания сельскохозяйственных культур, пастбища для домашнего скота, города; строились плотины и дамбы – менялись русла рек, появлялись водохранилища или пересыхали водоемы; прокладывались дороги, на пути которых кардинально менялся земной ландшафт. Все это в результате привело к тому, что в конце XX – начале XXI века особую актуальность приобрела проблема социально-экологического кризиса, способного стать концом эволюционного пути человеческого общества.

С середины прошлого столетия в США активно действовала программа испытаний ядерного оружия, последствия которой (не только практические, но и теоретические) трудно переоценить. Радиоактивные изотопы, ныне содержащиеся в полярных льдах нашей планеты, в будущем могут послужить определенным маркером, переломным моментом в истории развития жизни на Земле, и конкретнее – в истории человечества как вида [1]. Сегодня люди признаны геологическими агентами [2, с. 30] – самой мощной геологической силой, кардинально меняющей мир вокруг себя. Человеческая мощь столь велика, что в конце XX – начале XXI века в геологии для ее характеристики был введен отдельный термин – «антропоцен», время людей. Данный термин применяется для выделения в геологической истории Земли новой эпохи, в которой решающую роль играют антропогенные факторы.

Современный философский дискурс антропоцена восходит к работам ученых и мыслителей XIX–XX веков. Среди них можно выделить труды русских философов-космистов: Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, В.Н. Муравьева, А.А. Богданова и др., выстраивавших свои учения непосредственно на экологической проблематике антропоцена. Н.Ф. Федоров, например, в «Философии общего дела» помимо весьма спорного по оценкам многих исследователей проекта воскрешения

мертвых [3] развивает идею разумной регуляции «слепой природы» посредством человеческих сил [4]. Позднее эта мысль ляжет в основу проекта техносферы К.Э. Циолковского [5] и концепта ноосферы В.И. Вернадского [6]. О насущных экологических проблемах и необходимости разумной организации мира говорит и А.А. Богданов в своем фундаментальном труде «Тектология: Всеобщая организационная наука» [7].

Однако наиболее последовательным идейным преемником «философии спасения» Н. Ф. Федорова и теоретиком антропоцена начала XX века можно считать другого видного представителя русского космизма Валериана Николаевича Муравьева. На базе федоровского проекта воскрешения он выстраивает свою концепцию спасения человеческого общества в условиях кризисной ситуации, вызванной антропогенными факторами – концепцию преодоления времени как такового. В труде «Овладение временем как основная задача организации труда» мыслитель развивает проблему реорганизации всего мира посредством сотворения новой культуры, а через нее – и нового времени, что можно трактовать как создание фактически новых условий существования социума.

Резюмируя вышесказанное, нужно отметить, что в настоящее время особенно актуальным предметом исследования становится проблема социального бытия человека в условиях приспособления к глобальным проблемам современности, прежде всего к экологическому кризису, вызванному нерациональным потреблением обществом природных ресурсов. Эти вопросы были поставлены в трудах мыслителей еще в конце XIX – начале XX века, однако именно сейчас, ввиду отрицательных последствий технического развития они приобретают принципиальное значение. Возникает острая необходимость поиска путей их решения, как теоретических, так и практических. Исходя из этого, изучение философского наследия оригинального представителя русской философской мысли В.Н. Муравьева и рассмотрение его концепции овладения временем в проекции на

реалии эпохи антропоцена являются важной теоретической предпосылкой выхода из опасной социально-экологической ситуации, в которой оказалось общество эпохи антропоцена в конце XX – начале XXI века, и поиска возможностей сохранения баланса между естественной и искусственной средой обитания.

Нельзя не отметить, что интерес к проблеме времени в XX веке возник не только в области философского знания (например, концепция длительности французского философа Анри Бергсона [8]), но также в области естественных наук, таких как физика и биология (теория относительности Альберта Эйнштейна, учение о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского). Поэтому и сам В.Н. Муравьев, несмотря на неоднократное упоминание бергсоновской концепции длительности, выстраивает свое учение о преодолении времени на основе теории множеств немецкого математика Георга Кантора [9].

Согласно мысли русского философа, мир есть не что иное, как определенная совокупность множеств. Каждое из таких составляющих универсум множеств, в свою очередь, также является некой множественностью элементов. Из этого мыслитель делает вывод, что время представляет собой постоянное движение и изменение, т. е. время – это маркер непрестанно меняющегося положения вещей в мире, смены одних множеств другими. А так как множество – это определенная совокупность элементов, составленных в некой последовательности, комбинации, тогда и сам необратимый характер времени может быть поколеблен. Временем можно научиться управлять, говорит Муравьев, достаточно лишь научиться воспроизводить потерянные (смененные) комбинации: «Повторение ряда событий есть, следовательно, возобновление периода времени, в котором они развились» [10, с. 29]. С этой точки зрения, мы, зная необходимую последовательность элементов воспроизводимого нами множества, сможем остановить время этой конкретной вещи и «воскресить» ее, преодолевая таким образом необратимость времени и управляя им.

Похожее видение проблемы времени многим позже представил румынский философ, культуролог и религиовед Мирча Элиаде. Согласно ему для времени характерно периодическое возрождение, предполагающее некое новое сотворение. Иначе говоря, отмена мирского времени осуществляется посредством имитации неких архетипов и повторения определенных сакральных действий, при которых происходит перенос совершающих эти действия из мирского времени во время мифическое (время, когда данные действия были совершены впервые богами) [11, с. 46]. История прерывается посредством повторения парадигматических действий. Такая цикличность возрождения времени актуализирует проблему упразднения истории как таковой. Другими словами, человек испокон веков постоянно преодолевает время через повторение (воссоздание) определенных действий, пытаясь тем самым противостоять слепым силам хаотичной Природы, внося в нее долю разумности. Это подводит нас к одной из гипотез относительно времени начала эпохи людей.

Существует несколько мнений об отправной точке антропоцена. Все они связаны с некими переломными моментами в истории развития человечества (неолитическая и промышленная революции, изобретение ядерного оружия и т. д.). Концепцию овладения временем В.Н. Муравьева и идею о постоянном прерывании-возобновлении времени М. Элиаде можно отнести к так называемой теории раннего антропоцена, выдвинутой У. Руддимэном [12], согласно которой вмешательство человека в развитие нашей планеты произошло задолго до появления персональных компьютеров или открытия радиоактивных элементов. Антропоцен, по мнению Руддимэна, начался в период неолита, когда на Земле стала возрастать доля одомашненных и искусственно выведенных видов растений и животных – когда человек впервые вторгся в естественную историю, сотворив в ней нечто искусственное.

Стремление к прерыванию времени через совершение некоторых актов и овладение его «неразумной» силой есть пример того, чего че-

ловек добился в эпоху антропоцена: комфорт, безопасность и увеличение средней продолжительности жизни были достигнуты посредством прерывания естественного хода вещей и создания в этом природном потоке событий чего-то исконно человеческого – теплого жилища и удобной одежды, службы безопасности или вакцин от ранее неизлечимых болезней. В эпоху антропоцена человечество ступило на путь преодоления времени.

Главным образом такая времяпреодолевающая практика характерна для области культуры, в которой человек постоянно совершает воскрешающие акты в отношении вещей или процессов. Мир без культуры, согласно Муравьеву, – это мир господства сил «слепой» Природы, мир, в котором человека ждет только смерть и страдания в неконтролируемом временном потоке. Окультуренный же мир – это мир упорядоченный, контролируемый, человеческий. Это то, что сейчас ученые называют антропоценом. Именно культура является тем непрерывно качающимся маятником, что из поколения в поколение передает комбинации, формулы, символы, рецепты вещей, благодаря которым люди обретают возможность возобновлять последние.

Таким образом, получается, что культура есть деятельность не только времяпреодолевающая, но и времяобразующая. Однако культурное время – это время особое. Муравьев говорит, что культурная деятельность человека одинаково исторична и внеисторична, поскольку она одновременно осуществляется в рамках истории и прерывает ее [10, с. 16]. Иными словами, культурное время – это время «внутри» истории, «внутри» хаотичного природного времени. Оно сознательно творимо человеком и подвластно ему в определенных пределах. Следовательно, культурное «внутреннее» время находится в оппозиции по отношению к природному «внешнему» времени, или, как называет его сам Муравьев, к «всеуносящей реке Гераклита» [10, с. 16–17]. И, несмотря на то, что все сотворенные человеком вещи в конечном итоге уносятся этим бушующим гераклитовским потоком, каждая из них будет сопротивляться ему до момента

своего уничтожения. Отсюда главной задачей человека становится расширение этих «внутренних» культурных «островков времени» до границ времени биологического, «внешнего». Подобным образом люди обеспечивают себе выход за пределы символической и производственной деятельности, начиная овладевать историческим временем, творя собственное время, время людей.

В XXI веке человечество очень близко подошло к точке бифуркации, описанной Муравьевым. Течение естественного природного потока времени замедлилось, над его поверхностью появилось множество искусственно созданных людьми островов в виде городов; сети автомобильных и железных дорог; плотин и дамб; пустынь, образованных после массовой вырубке лесов и освоения почв; горных шахт; свалок синтетических отходов и т. д. Оценивая современное экологическое состояние планеты, ученые пришли к выводу, что в настоящее время едва ли можно найти хотя бы один квадратный метр земли, кубометр воды или воздуха, чей химический состав не имел бы посторонних, искусственных элементов, созданных в результате деятельности человека, – даже организмы, обитающие на дне Марианской впадины, сегодня имеют в своей крови множество синтетических соединений, которые невозможно получить в результате естественной эволюции [13].

Таким образом, современный мир, вплотную подходя к идеалу учения Муравьева – овладению природным временем, балансирует на грани экологической катастрофы, а вместе с тем – и на грани социального, культурного и экономического коллапса, поскольку, как пишет А. Волков в своей книге «Антропоцен, космоцен, роботоцен», изменение климата повлечет за собой и изменения во всех других сферах общества: начиная от экономического кризиса в результате неурожая, спровоцированных нехваткой воды, вызванной повышением средней температуры в мире, заканчивая «горячим переселением народов», причиной которого также станет чрезмерный выброс парниковых газов и «перегрев» планеты [14]. В этой

ситуации вполне закономерным кажется возникновение множества экологических движений, нацеленных на сохранение и поддержание баланса между природным и человеческим. Однако многие из этих движений в своей сути оказываются весьма консервативными и радикально настроенными, призывая своих сторонников отказаться от благ цивилизации и «вернуться назад», к природе [15, с. 28]. Здесь важно помнить, что общество уже слишком давно и крайне успешно следует заветам В.Н. Муравьева, вторгаясь в естественный ход событий и преобразуя его на благо людей. Как пишет английский философ и один из основоположников объектно-ориентированной онтологии Тимоти Мортон в своей работе «Стать экологичным», нам «надо понять, как люди включены в биосферу на правах одного из множества существ» [16, с. 69]. На наш взгляд, именно такая компромиссная позиция в современных условиях может оказаться единственно действенной, поскольку дальнейшее следование прогрессу, равно как и полный отказ от благ цивилизации представляют собой две противоположные крайности, соответствие идеалам которых едва ли сможет оправдать наши ожидания. Лишь в диалоге естественного и искусственного могут быть решены проблемы, возникшие в результате времяпреодолевающей деятельности человека.

Кроме того, В.Н. Муравьев, исходя из деления деятельности человека на символическую и производственную, выделяет также и два типа культуры: символический и реальный. К первому относятся те области, где создаются символы, проекты, формулы, которые в дальнейшем должны быть воплощены в нечто материальное. Иными словами, к символической культуре относится искусство во всех его проявлениях, а также теоретические науки и знание как таковое. Ко второму типу Муравьев причисляет генетику, политику и производство – эти виды деятельности реально (а не теоретически) изменяют мир. Так, например, генетика в трактовке Муравьева обретает смысл той самой науки, которой у Федорова должны будут овладеть все люди, дабы начать великое дело

воскрешения. Она должна будет заняться не просто созиданием жизни, но ее восстановлением: «Созидание человека есть реальное преодоление времени в виде утверждения против его разъедающей силы постоянства личности. Развитием этого процесса является продление существования этой личности... и, быть может, в будущем возобновление ее или воскрешение путем лабораторного творчества» [10, с. 99]. Что же касается политики и права, то они занимают регуляцией общественных отношений и должны быть направлены на создание определенного общественно-политического строя, «который имел бы задачей объединять людей в работе над изменением мира в смысле преодоления хаотического разброда разъедающих его времен» [10, с. 104]. И, наконец, область производства у Муравьева выполняет ведущую роль в преобразовании материальной составляющей окружающего нас мира.

Однако ни символическая, ни реальная культуры пока еще не способны овладеть историческим временем. Они работают несогласованно, стихийно: символическая культура продуцирует проекты и формулы, но реальная не воплощает их в жизнь. Они работают не на «времяпреодоление», но на «времяпрепровождение». Отсюда возникает актуальная сегодня проблема дефицита ресурсов, поскольку «создается расплывчатое действие человечества» [10, с. 106] из-за господствующего в обществе «себялюбивого» индивидуализма, о котором в своем «Обществе потребления» писал также французский мыслитель Ж. Бодрийяр: «Вещи чаще всего появляются из-за нехватки и... само их изобилие парадоксально означает нищету» [17, с. 72]. Именно из-за неспособности рационально организовать взаимодействие между символической и реальной культурой возникает большинство экологических проблем современности. Дискурс антропоцена здесь приобретает психолого-экологическую окраску, поскольку исток существующего дисбаланса между двумя типами культур видится Муравьеву в человеческом эгоизме и тяге людей к безопасности и комфорту. Он пишет, что пока социум разобщен и главные его

механизмы работают на создание всевозможных удобств и удовлетворение индивидуальных потребностей отдельных личностей, времяпреодолевающая деятельность будет представлять собой Сизифов труд, и раз за разом созданное ей искусственное время будет поглощаться временем природным [18, с. 156]. Соответственно, решением данной проблемы для Муравьева становится федоровское «общее дело» воскрешения, т. е. коллективное овладение временем.

Коллективистские настроения и стремление ко всеобщему единству являются одной из характерных черт русской философии. Однако и в дискурсе антропоцена они играют не последнюю роль. Так, например, американский философ русского происхождения и один из основоположников западного экодвижения Мюррей Букчин в работе «Реконструкция общества» (1989) также писал о необходимости объединения человечества перед лицом экологических проблем современности: «Пока общество не будет исправлено единым человечеством, которое будет использовать свою коллективную мудрость, культурные достижения, технологические инновации, научные знания и врожденную созидательность для собственной пользы и для пользы природного мира, все экологические проблемы будут происходить из социальных» [19, с. 30]. Таким образом, ключевыми проблемами в эпоху антропоцена становятся отнюдь не загрязнение окружающей среды и изменение климата. Они представляют собой лишь оболочку, скрывающую истинную причину кризиса, на грани которого человечество оказалось к концу XX – началу XXI века. Главной же проблемой является распространение культуры потребления и господство ценностей индивидуализма.

Соответственно, для преодоления возникшей кризисной ситуации человечество должно быть объединено «общим делом» овладения временем, осуществление которого, согласно Муравьеву, начинается с «организации множественности через коллективное дело» [10, с. 107]. Обосновывая свою точку зрения, фило-

соф говорит, что каждый мелкий индивидуальный акт, будучи сам по себе множеством, включен также в состав более крупного множества – коллективного акта. Коллективные же акты являются частью основополагающих актов, а те, в свою очередь, сопряжены со всем универсумом, т. е. входят в состав единого космического акта. Выстраивая представление об этой иерархии, каждый актер, совершая некое повторяющееся действие, одновременно осознает свою причастность не только к коллективному акту, направленному на преобразование некоторой отдельной области и сотворение ее времени, но и к единому космическому действию, преобразовывающему всю Вселенную. Это и играет решающую роль в достижении успеха всеобщего воскрешающего «времяпреодолевающего» действия: понимание каждым единичным действующим субъектом своей значимости и необходимости для совершения единого преобразования, носящего космический характер [10, с. 79–80].

Однако подобное вселенское действие невозможно совершить единовременно, так, чтобы оно охватило сразу весь существующий мир. В этом смысле Муравьев отступает от характерной для того же Федорова утопичности и избирает иную тактику: преобразовывать мир постепенно, последовательно распространяя власть человеческого, культурного времени во времени природном, изменяя и заменяя его. Подобная постепенность характерна не только для регулирующих мир областей культуры, но и для числа человеческих коллективов, принимающих участие в общем деле преобразования Космоса. Иными словами, к космическому единству и бессмертию человек приходит через осознание, принятие и следование иерархии «все более широких множеств или коллективов» [10, с. 77]. Здесь, правда, стоит отметить, что Муравьев, подхватывая и развивая идею Федорова о необходимости всеобщего родства и преодоления «небратского состояния» людей как главной причины существования смерти и хаоса, изредка поддается настроениям, которые в последствии скорее

будут присущи космической философии К.Э. Циолковского: неожиданно в работе философа появляются угрозы и предупреждения для тех, кто не пожелает присоединиться к совершению общего дела [10, с. 82].

Таким образом, овладевающее временем человечество у Муравьева обретает возможность свободно управлять не только собственной жизнью, но и всей Природой, а далее – и всей Вселенной, устанавливая тем самым особый тип коллективной «братской» регуляции природных и общественных сил, который сам философ называет «космократией». Последняя есть не что иное, как организация человечества во вселенском масштабе с целью не только собственного спасения от природного смертоносного времени посредством овладения им, но и спасения самой Природы от нерационализированной индивидуалистической деятельности человека. «Мировой характер культуры сказывается и в материальных ее результатах, физически видоизменяющих мир вокруг нас. Современная культура в этом отношении в особенности поучительна, ибо никогда дотоле влияние человека на окружающую среду не сказывалось в больших размерах» [10, с. 73]. Иными словами, Муравьев еще в начале XX века отмечал возросшую степень влияния человека на планету, начиная от истощения запасов ископаемых ресурсов и заканчивая вымиранием некоторых видов растений и животных в результате деятельности людей. В отношении последнего, правда, философ утверждает, что не вся их деятельность, касающаяся флоры и фауны, столь разрушительна: во многих случаях люди уничтожают вредителей, заменяя их полезными растениями и животными. Однако, чтобы вовсе перестать наносить вред Природе и сосуществовать с ней в гармонии, человечеству необходимо направить все свои усилия на коллективное сотворение культуры в космическом масштабе, отказавшись от нерационального индивидуализма.

С этой точки зрения, концепция овладения временем В.Н. Муравьева в проекции на реалии эпохи антропоцена представляется во мно-

гом полезной, особенно в том плане, что она способна указать человечеству на его основные ошибки при взаимодействии с природной стихией и тем самым, возможно, помочь найти выход из текущей кризисной ситуации. Учение русского мыслителя нацелено на рациональное коллективное преобразование мира и разумную всеобщую регуляцию Природы в противовес существующему индивидуальному «хищничеству» и разрушительному эгоизму. Создание человеком новой культуры, что в трактовке мыслителя означает буквально создание того, что В.И. Вернадский впоследствии назовет ноосферой, а ученые конца XX века – антропоценом, может привести к нарушению равновесия между естественным и искусственным. В своих трудах Муравьев называет главной целью человеческой деятельности рациональный подход к использованию нерациональных сил стихии. На подобных идеях были построены и многие научно-фантастические утопии XX века, характерной чертой которых, как это ни парадоксально, является их антиутопичность: часто естественное начало там полностью подавлено искусственным или же представляет собой его подчиненного симбионта. Идея управления временем посредством преобразования естественной истории в историю, творимую человеком, и создание таким образом новой культуры, представляет собой крайне похожий сценарий: люди пытаются сделать то, что уже сделали в антропоцене – перестроить мир в удобную среду обитания, не забывая, правда, при этом учесть ограниченные возможности Природы по «спонсированию» нашей «незаконной перепланировки» пространства. Баланс между естественным и искусственным нарушается, поэтому концепцию русского мыслителя едва ли можно считать панацеей. Однако в контексте современного дискурса антропоцена идеи В.Н. Муравьева, пересекаясь в своих ключевых точках с работами таких представителей философской экологии, как Д. Чакрабартти, Т. Мортон и М. Букчин, помогают глубже понять многие актуальные на сегодняшний день проблемы, чтобы на благо человечества их решать.

Список литературы

1. Шмелев Д., Чербунина М. Человек проходит как хозяин: Почему ученые признали наступление эпохи антропоцена // N+1. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/09/12/anthropocene> (дата обращения: 06.04.2021).
2. Чакрабартти Д. Об антропоцене / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V–A–C Press, Artguide, 2020. 160 с.
3. Фёдоров Н.Ф. Сочинения / общ. ред. А.В. Гулыги; вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семенов. М.: Мысль, 1982. 711 с.
4. Ключев А.А., Суханова Е.В., Бакунов Г.М. Философия спасения Н.Ф. Федорова как источник идей по решению проблем эпохи антропоцена // Социология. 2020. № 4. С. 263–271.
5. Циолковский К.Э. Будущее Земли и человека: Научный и технический прогресс будущего // Циолковский К.Э. Промышленное освоение космоса. М.: Машиностроение, 1989. С. 167–173.
6. Вернадский В. Биосфера и ноосфера. М.: Книга по требованию, 2016. 573 с.
7. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / под ред. Г.Д. Гловели. М.: ЛЕНАНД, 2019. 680 с.
8. Бергсон А. Длительность и одновременность. М.: Добросвет: КДУ, 2006. 160 с.
9. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. 430 с.
10. Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда // Муравьев В.Н. Соч. [в 2 кн.]. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 3–120.
11. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / пер. с фр. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
12. Ruddiman W.F. The Anthropogenic Greenhouse Era Began Thousands of Years Ago // Clim. Change, 2003. Vol. 61. P. 261–293.
13. Jamieson A.J., Malkocs T., Piertney S.B., Fujii T., Zhang Z. Bioaccumulation of Persistent Organic Pollutants in the Deepest Ocean Fauna // Nat. Ecol. Evol. 2017. Vol. 1. Art. № 0051. URL: <https://www.cbd.int/financial/2017docs/pop-fauna.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).
14. Волков А.В. Антропоцен, космоцен, роботоцен. М.: Независимое изд-во «Ноократия», 2018. 254 с.
15. Кутырев В.А. Бытие или ничто СПб.: Алетейя, 2009. 496 с.
16. Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей соврем. искусства «Гараж», 2019. 240 с.
17. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика, Культур. революция, 2006. 269 с.
18. Муравьев В.Н. Культура будущего // Муравьев В.Н. Соч. [в 2 кн.]. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 151–226.
19. Букчин М. Реконструкция общества: На пути к зеленому будущему. Н. Новгород: Третий Путь, 1996. 190 с.

References

1. Shmelev D., Cherbunina M. *Chelovek prokhodit kak khozyain: Pochemu uchenye priznali nastuplenie epokhi antropotsena* [Man Stands as a Master: Why Scientists Recognized the Onset of the Anthropocene Epoch]. *N+1*. Available at: <https://nplus1.ru/material/2016/09/12/anthropocene> (accessed: 6 April 2021).
2. Chakrabarti D. *Ob antropotsene* [On the Anthropocene]. Moscow, 2020. 160 p.
3. Fyodorov N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1982. 711 p.
4. Klyuev A.A., Sukhanova E.V., Bakunov G.M. *Filosofiya spaseniya N.F. Fedorova kak istochnik idey po resheniyu problem epokhi antropotsena* [N.F. Fyodorov's Philosophy of Salvation as a Source of Ideas for Solving the Problems of the Anthropocene Era]. *Sotsiologiya*, 2020, no. 4, pp. 263–271.
5. Tsiolkovsky K.E. *Budushchee Zemli i cheloveka: Nauchnyy i tekhnicheskyy progress budushchego* [The Future of the Earth and Human: Future Scientific and Technical Progress]. Tsiolkovsky K.E. *Promyshlennoe osvoenie kosmosa* [Space Industrialization]. Moscow, 1989, pp. 167–173.
6. Vernadsky V. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow, 2016. 573 p.
7. Bogdanov A.A. *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tectology: General Organizational Science]. Moscow, 2019. 680 p.

8. Bergson H. *Durée et simultanéité*. Paris, 1922. 245 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Dlitel'nost' i odnovremennost'*. Moscow, 2006. 160 p.).
9. Kantor G. *Trudy po teorii mnozhestv* [Works on Set Theory]. Moscow, 1985. 430 p.
10. Muravyov V.N. Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizatsii truda [Mastering Time as the Main Task of Labour Organization]. Muravyov V.N. *Sochineniya* [Works]. Book 2. Moscow, 2011, pp. 3–120.
11. Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii. Obrazy i simvol'y. Svyashchennoe i mirskoe* [The Myth of the Eternal Return. Images and Symbols. Sacred and Profane]. Moscow, 2000. 414 p.
12. Ruddiman W.F. The Anthropogenic Greenhouse Era Began Thousands of Years Ago. *Clim. Change*, 2003, vol. 61, pp. 261–293.
13. Jamieson A.J., Malkocs T., Piertney S.B., Fujii T., Zhang Z. Bioaccumulation of Persistent Organic Pollutants in the Deepest Ocean Fauna. *Nat. Ecol. Evol.*, 2017, vol. 1. Art. no. 0051. Available at: <https://www.cbd.int/financial/2017docs/pop-fauna.pdf> (accessed: 9 April 2021).
14. Volkov A.V. *Antropotsen, kosmotsen, robototsen* [Anthropocene, Cosmocene, Robotocene]. Moscow, 2018. 254 p.
15. Kutyrev V.A. *Bytie ili nichto* [Being or Nothingness]. St. Petersburg, 2009. 496 p.
16. Morton T. *Being Ecological*. Cambridge, 2018. 216 p. (Russ. ed.: Morton T. *Stat' ekologichnym*. Moscow, 2019. 240 p.).
17. Baudrillard J. *La société de consommation: ses mythes et ses structures*. Calmann-Lévy, 1970. 298 p. (Russ. ed.: Bodriyyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Moscow, 2006. 269 p.).
18. Muravyov V.N. Kul'tura budushchego [Culture of the Future]. Muravyov V.N. *Sochineniya* [Works]. Book 2. Moscow, 2011, pp. 151–226.
19. Bookchin M. *Remaking Society*. Montreal, 1989. 207 p. (Russ. ed.: Bukchin M. *Rekonstruktsiya obshchestva: Na puti k zelenomu budushchemu*. Nizhny Novgorod, 1996. 190 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V211

Elena V. Sukhanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
Universitetskiy pereulok 7, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9925> e-mail: elena_stupishina@mail.ru

VALERIAN MURAVYOV'S CONCEPT OF MASTERING TIME IN THE ANTHROPOCENE EPOCH: A DIALOGUE BETWEEN THE NATURAL AND THE ARTIFICIAL

This article analyses the teaching of Valerian Muravyov, a Russian cosmist, in the context of modern ecological discourse. It is emphasized here that at present, due to the active technological development, society is faced with the Anthropocene crisis. Its manifestations and ways of overcoming it are reflected in the works by representatives of Russian cosmism. The object of the research is the philosophical heritage of Muravyov as a prominent representative of the Russian philosophical thought. The purpose of this article was to study the concept of mastering time, developed by Muravyov, in order to find ways out of the dangerous socio-ecological situation in which the society of the Anthropocene epoch found itself in the late 20th and early 21st centuries, as well as to determine the possibilities of maintaining a balance between the natural and artificial human habitats under these conditions. Achieving this goal requires accomplishing a number of tasks, such as: a general analysis and assessment of the relevance of the idea of mastering time to the global problems of our era; examination of Muravyov's interpretation

---

For citation: Sukhanova E.V. Valerian Muravyov's Concept of Mastering Time in the Anthropocene Epoch: A Dialogue Between the Natural and the Artificial. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 86–95. DOI: 10.37482/2687-1505-V211

of the concept of culture and its extrapolation to the problems of nature preservation in the process of the ongoing technological revolution; exploration of the works of philosophical and ecological theorists within the framework of the Anthropocene concept, while identifying correlations between these works and Muravyov's ideas. The scientific novelty of this paper consists in the dissection of Muravyov's ideas, still largely unresearched, in considering their relevance to the current socio-ecological problems, as well as in analysing their similarities with and differences from the theories of other representatives of the ecological and philosophical thought. In addition, the paper suggests possible ways to overcome the current crisis. It is concluded that Muravyov's concept, including the idea of a rational transformation of the world by people, which requires their uniting for a common cause, may be applied to solve the problems faced by humanity in the Anthropocene epoch.

Keywords: *V.N. Muravyov, Anthropocene, cosmism, philosophical ecology, problem of time, socio-ecological crisis.*

Поступила 16.03.2022
Принята 10.10.2022
Опубликована 18.11.2022

Received 16 March 2022
Accepted 10 October 2022
Published 18 November 2022

УДК 113

DOI: 10.37482/2687-1505-V205

ДОРОЖКИН Егор Леонидович, старший преподаватель кафедры философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки. Автор 11 научных публикаций, в т. ч. одного учебного пособия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2083-7644>

ГЕОФИЛОСОФИЯ: КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В «ПОЭТИЧЕСКУЮ» ФИЛОСОФИЮ ПРИРОДЫ

... момент, когда Земля вторично станет необитаемой и пустой,
явится вновь моментом рождения высшего света духа...

Ф.В.Й. Шеллинг

В статье исследуется понятие «геофилософия» и присущий обозначаемому им проекту смысл земли. Рассмотрение исходит из гипотезы о наличии идеи природы, выступающей альтернативой по отношению к господствующей классической современной концепции («*natura*»). Обнаруживается эта альтернатива в поэтических онтологиях Ж. Делеза и М. Хайдеггера, а также у их предшественников в лице Ф. Ницше и немецких романтиков (Ф. Шеллинга, Новалиса и проч.). Если классическая новоевропейская идея природы может быть ассоциирована с понятием Вселенной, указывающим на представление и объективность, то альтернативная «поэтическая» идея воплощается в понятии Земли, подразумевающим непосредственность и «раз-обоснование», т. е. основание не в субъекте или объекте, а в безосновном. Это принципиально разные толкования природы, из которых проистекают различные антропологические и философско-политические стратегии. Поэтому можно утверждать, что геофилософия, введенная Ж. Делезом и Ф. Гваттари и подхваченная многими современными авторами, такими как И.Г. Грант, является проектом новой философии природы – «поэтической» философией природы. Данные выводы позволяют глубже осмыслить онтологические основания проектов, относящихся к современным течениям: спекулятивному реализму, новому материализму, ингуманизму и постгуманизму. Без внятной постановки вопроса о толковании природы невозможно мыслить онтологический поворот, подразумеваемый данными философскими течениями и их союзниками в социальных дисциплинах. Также исследование, осуществленное в статье, расширяет понятийный аппарат, применяемый при историко-философском рассмотрении постромантической европейской мысли, позволяя выстраивать неочевидные для господствующего словаря связи посредством концептуализированных понятий «земли» и «поэтического».

Ключевые слова: геофилософия, поэтические онтологии, природа, земля, становление, Жиль Делез, Фридрих Шеллинг.

*Адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Пискунова, д. 40; e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com

Для цитирования: Дорожкин Е.Л. Геофилософия: краткое введение в «поэтическую» философию природы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 96–106. DOI: 10.37482/2687-1505-V205

Одной из главных актуальных тенденций во многих философских и социальных дисциплинах сегодня является онтологический поворот. Вместе с экологическим кризисом и запросом на критику антропоцентризма это подталкивает к постановке вопроса о переосмыслении природы. Есть ли у нас понятийный аппарат для этого, позволяющий миновать классические оппозиции природа/человек, природа/культура, природа/дух? Существуют ли определения, способные стать основанием для осмысления альтернативных отношений между человеком и природой, между природой и самим мышлением? Мы исходим из гипотезы, что такого рода альтернативная идея природы обнаруживается в поэтических онтологиях [1, с. 123–129; 2] Мартина Хайдеггера и Жюль Делеза, наследующих романтико-спинозистскому повороту и его мутации в дионисийской философии Фридриха Ницше [3]. Природа парадоксальным образом раскрывается как безусловность единичного (сингулярность) и как синтез этой единичности в чувственном (аффект). Говоря иначе, это идея непосредственности единичного бытия, свободы и экспрессии чувственного; идея его подлинности и несводимости ни к каким общим представлениям. Однако даже если мы действительно имеем онтологические и историко-философские основания вычленив «поэтическую» идею природы, являющуюся альтернативой господствующему современному толкованию, этого недостаточно. Необходимо поставить вопрос о том, существует ли философия природы, соответствующая «поэтической» трактовке, или же это не более чем литературное упражнение? На наш взгляд, такого рода новой философией природы (или философией новой природы) является геофилософия.

Понятие геофилософии. Сам термин впервые появился в работе «Что такое философия?» [4, с. 110], написанной Жюлем Делезом и Феликсом Гваттари в 1991 году, однако идея сформировалась гораздо раньше. В интервью 1988 года Делез характеризует свой с Гваттари проект как «что-то вроде философии Природы, в то время, когда исчезает всякое различие между

природным и искусственным» [5, с. 202]. И действительно, основания для такого утверждения мы обнаруживаем в их главной работе «Капитализм и шизофрения». Авторы одного из многочисленных существующих на сегодняшний день исследований понятия «геофилософия», М. Бонта и Дж. Протеви, утверждают, что, открыв «Тысяча плато» [6] на любой странице, мы обнаружим термины, которые с полным правом можем называть геофилософскими [7, с. VII]. Также и Р. Гаше, известный американский специалист по современной континентальной философии, пишет, что «определенный геоцентризм изначально является центральным измерением движения их мысли» [8, с. 25]. Более того, можно проследить генезис онтологической проблематики, лежащей в основании данного понятия, и обратиться к текстам Делеза, написанным до встречи с Гваттари. В таком случае мы будем вынуждены признать, что она артикулирована еще в 1968 году в «Различии и повторении» [9], а первые подступы к ней мыслитель осуществлял в лекционном курсе «Что такое обоснование?» [10], читавшемся в 1956–1957 годах. Именно здесь Делез прямо обращается к немецкому романтизму и отдает должное романтикам, в особенности Новалису. Он пишет, что в их трудах мы *впервые* видим философию, которая представляет «принцип конститутивного воображения», подразумевающий, что «движение, с помощью которого мы используем способность воображения, не что иное, как движение, с помощью которого природа производит вещи» [10, с. 168–170]. Делез непосредственно обращается к романтико-спинозистскому повороту в толковании природы и связывает свою рефлексию с ним.

Итак, первое непосредственное упоминание понятия «геофилософия» мы обнаруживаем в следующем высказывании Делеза и Гваттари: «Философия – это геофилософия, точно так же как история по Броделю – это геоистория» [4, с. 124]. Авторы не предлагают нам геофилософию в качестве частной философской дисциплины, некой философии географии, а подразумевают под ней переосмысленное основание

философии как таковой. В то же время мы видим пояснительное сопоставление с геоисторией, разработанной Ф. Броделем его труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». Философы выделяют три вытекающих друг из друга концептуальных изменения, которые происходят с историей при вторжении географического [4, с. 124], и поясняют замысел геофилософии. Во-первых, география отрывает историю от закономерности, проявляя случайность. Во-вторых, она отрывает историю от первоначала, утверждая действие среды. В-третьих, она отрывает историю и от себя самой, поскольку открывает события, становления, не сводимые к истории и никак из нее не выводимые. «“Становление” – это не история». Случайность, среда, становление – вот в чем суть геоистории, равно как и геофилософии. Таким образом, понятие «геофилософия» указывает на освобождение мышления от привычного современного историцизма, раскритикованного еще Э. Гуссерлем [11, с. 221–240]. Историцизм – это оборотная сторона натурализма, утверждающая закономерное развитие структурных представлений от «истока» как идеального начала («ἀρχή») до наших дней, закономерно вытекающих из «истока». Само существование философии, с точки зрения историцизма, состоит в закономерном развитии абстрагированного от природы властвующего начала («ἀρχή»). В действительности же, чтобы на свет родилась философия и чтобы затем у нее была история, в которой появлялись бы новые концепты, должно иметь место *событие* как основание этой философии и ее истории. Событие же «нуждается в становлении как в элементе неисторического» [4, с. 125]. Таким образом, в рассматриваемом понятии мы обнаруживаем философию, почвой которой выступает становление и событие, – уже это указывает на альтернативное толкование природы. Онтологическим основанием историцизма может служить лишь классическая современная идея природы («*natura*») как объективной, бесконечной и однородной внешней Вселенной. Онтология Делеза, напротив, основана на

поэтической (романтико-спинозистской) идее непосредственной экспрессии существования, сосредоточенной в единичных событиях – гетерогенных и выпадающих из субъект/объектной оппозиции.

Отчего, однако, возникла необходимость в сохранении приставки «гео-» («*γεω*», «*γῆ*», «*Γαῖα*»), если сопоставление с геоисторией носило лишь пояснительный характер? Почему не ивентфилософия («*eventus*») или генофилософия («*γένεσις*», «*γίγνομαι*»)? И действительно, приставка «гео-» не сводится к пояснительной аналогии или к метафоре, а указывает на концептуальную значимость понятия «земля». Геофилософия исходит из недостаточности субъекта и объекта для понимания существа мысли. Подлинное мышление всегда захвачено теми самыми событиями единичного, сингулярностями, «единицами» становления природы в ее поэтическом толковании. Эти сингулярности невозможно редуцировать к объекту, субъекту или к их тождеству. В связи с этим центральный тезис геофилософии гласит, что мысль осуществляется «через соотношение территории и *земли*» [4, с. 110], а не объекта и субъекта. Причем это соотношение не следует воспринимать как противоположность, поскольку между двумя составляющими есть «две зоны неразличимости – детерриториализация (от территории к земле) и ретерриториализация (от земли к территории)» [4, с. 111]. Таким образом, соотношение земли и территории не является дуализмом, бинарной оппозицией или диалектической парой. Это чистое утвердительное онтологическое различие, как оно разрабатывалось в поэтических онтологиях Хайдеггера [12; 13] и Делеза [9]. Различие, выражающее однозначность бытия, а не отношение к тождеству сущего как рефлексивного представления. В данном случае это означает, что мы дважды встречаем «землю» – ту, которая отличает себя, становясь территорией (ретерриториализация), и ту, от которой она себя отличает, но при этом не отличается от нее (детерриториализация). Поэтому мы имеем две «зоны неразличимости», а не просто два конкретных процесса

трансформации одного объекта (земля) в другой (территория). Именно земля «осуществляет на месте движение детерриториализации, тем самым преодолевая границы любой территории: она является и детерриториализующей и детерриториализуемой» [4, с. 110]. Для Делеза и Гваттари «земля» выступает именем того самого внеисторического становления, события единичности, т. е. поэтической идеи природы. Поэтическое противопоставляется натуралистическому, а бездонная поверхность Земли – бесконечной объективности Вселенной.

Смысл земли. Тем не менее на этом понятии следует остановиться подробнее. Почему именно «земля» выступает именем альтернативной идеи природы? Неужели мы наблюдаем здесь возрождение представлений о первоначале («ἀρχή») в смысле утверждения одного «элемента» в качестве начала всего сущего? Неужели геофилософия просто подменяет историзм стихийным материализмом, историческое начало – элементарным веществом? В рамках данной статьи мы не имеем возможности рассматривать специфику понятия «ἀρχή» и неоднозначные интерпретации стихийных материалистов Древней Греции. Достаточно будет обратиться к тексту «Что такое философия?»: «Земля – это не стихия среди прочих стихий, она замыкает все стихии в единых объятиях, зато пользуется той или другой из них, чтобы детерриторализовать территорию» [4, с. 111]. Отсюда можно заключить, что с природой отождествляется не «земля» как один из элементов, представляющих собой уже абстрагированное вещество или начало. Тем более не указывает она на планету в астрономическом смысле – твердое галилеевское тело в бесконечности современной природы-вселенной. Земля – это непосредственное движение стихий как таковых, выражается ли оно в изменении ландшафтов, в формировании островов из мусора в Тихом океане или в усталости творческого воображения от наций и государств. Земля оказывается непосредственным становлением, свободным от понятийного тождества. Это возвращает нас к «смыслу земли» Фри-

дриха Ницше, на что указывал и сам Делез («Ницше заложил основы геофилософии» [4, с. 133]), и упоминавшиеся нами исследователи М. Бонта и Дж. Протеви [7, с. 3]. Земля геофилософии – это земля, смысл которой возвещает Заратустра. Именно в произведении «Так говорил Заратустра» Ницше ввел понятия «смысла земли» и «верности земле» [14, с. 14, 32, 33, 74, 88], понимая под ними манифестации утвержденного становления, ключевой момент которого – безусловность события единичного [3]. Земля здесь действительно противопоставляется господствующему современному толкованию природы – абстрактному и механическому.

Далее этот смысл земли появляется не только в геофилософии Делеза, но и в текстах другого представителя поэтических онтологий, Мартина Хайдеггера. В работе «К философии (О событии)» мыслитель пишет, что природа как «место мгновения» была подчинена «исчисляющей махинации и хозяйствованию» (т. е. сведена к объективированному современному представлению о природе в ее утилитарном измерении). И далее спрашивает: «Почему при этом разрушении молчит земля?.. Способны ли мы еще заново искать землю?» [15, с. 352]. Земля фигурирует здесь как нечто, имеющее отношение к природе, но не в господствующей интерпретации, а как способное на сопротивление и спор. Подобная фигура земли вообще характерна для текстов Хайдеггера с середины 1930-х годов. В «Истоке художественного творения» читаем: «Выход наружу, распускание-расцветание как таковое и все это в целом греки называли φύσις. Фюсис вместе с тем просветляет все, на чем основывает человек свое жительство. Мы эту основу именуем *землю*. С тем, что разумеет здесь это слово, не следует смешивать ни представление о почве, ни астрономическое представление о планете. Земля – то, внутрь чего распускание-расцветание прячет все распускающееся как таковое. В распускающемся бытийствует земля – как то, что прячет» [16, с. 139]. Древнегреческое понятие «φύσις» используется Хайдеггером не в строго историографическом смысле, а как герменевтический

прием – он противопоставляет его новоевропейскому «*natura*», извлекая из самого этого противопоставления необходимый смысл природы. Еще немецкие романтики, в особенности Ф. Гельдерлин, первыми осмыслили возможность нового взгляда на природу посредством своего рода параллакса, образуемого различающим удержанием древнегреческого и новоевропейского толкований. Когда мы встречаем у Хайдеггера «*φύσις*», то имеем дело не столько с античной идеей, какой она предстает, например, в «Физике» Аристотеля, сколько с резонансом, который данное понятие создает в отношении привычного для современных европейских языков «*natura*». Этот резонанс, эта герменевтика различающего удержания, и позволяет мыслителю говорить о «распускании-расцветании», которое мы обозначаем как поэтическую идею природы – выразительность, экспрессию и непосредственность единичного бытия. Если земля есть то, внутрь чего распускание-расцветание (природа) прячет распускающееся, если она сама бытийствует в распускающемся, как то, что прячет, значит, она и «есть выход на свет постоянно замыкающегося» [16, с. 153], т. е. природа. Хайдеггер мыслит землю не в качестве одного из составляющих природу элементов, а как само ее неразличимое основание. Отсюда очевидно совпадение с делезовским определением земли, замыкающей «все стихии в единых объятиях». Земля геофилософии – это природа как распускающаяся и замыкающаяся основа, детерриториализующая и детерриториализуемая. Основание, которое не составляет надежный фундамент представления, а напротив, подрывает его, выступая основанием чистого различия, экспрессии чувственного бытия, самораспускания, утвержденного и утвердительного становления. Земля – это безосновное основание, где само бытие оказывается уникальным событием, повторяющимся безо всякой причины.

Геология и романтизм: проблема основания. Обращение к Делезу, Хайдеггеру и Ницше позволило раскрыть геофилософское содержание понятия «земля». Однако неизбежно встает вопрос, насколько это содержание со-

относится с естественнонаучным? Ведь мы с самого начала заявили, что данное понятие не является простой пояснительной аналогией или же метафорой. «Земля» подразумевает именно землю, с той лишь оговоркой, что нам следует воздерживаться от редукции к господствующим представлениям о природе. Как известно, научным определением и исследованием земли занимается геология, поэтому обратимся к основоположнику современной геологии Чарлзу Лайелю. Он дает следующее определение своей дисциплине: «Геология есть наука, рассматривающая постепенные изменения, происходившие в органическом и неорганическом царствах природы; она разбирает причины этих изменений и то влияние, которое они производили на преобразование поверхности и внешнего строения планеты... Мы следим за длинными рядами событий, постепенно приведших к настоящему положению дел» [17, с. 1]. Таким образом, геология как наука о земле в непосредственном естественнонаучном определении с самого начала и по своей сути понимается как наука об изменениях и событиях, наука о становлении и синтезе. Земля и есть имя становления как безосновного основания. Это замечание крайне важно для понимания неоднородных отношений геофилософии (и вообще поэтических онтологий) с естественными науками, которые мы не намерены разбирать здесь отдельно, но один их аспект отметить необходимо.

Геофилософия и классическое естествознание представляют собой настолько различные стратегии, что сама «природа» понимается в них по-разному. В основание классической науки XVII–XVIII веков природа легла именно в смысле современной идеи («*natura*») объективной, бесконечной и однородной внешней Вселенной, точкой фокусировки которой выступает автономный рациональный субъект. Она и по сей день остается таковой для математического естествознания, основанной на нем иерархии наук и мировоззренческих установок, представляющих мир состоящим из галилеевских объектов [18, с. 117]. Геофилософия и математическая физика говорят о природе в разных смыслах. Однако не

все так однозначно с другими науками, в особенности с упомянутой выше геологией, которая хронологически формируется параллельно романтико-спинозистскому повороту и разительно отличается от физики по своему предмету. Первые геологические теории в собственном смысле складываются в 1780–1790 годах в работах Дж. Хаттона, А.Г. Вернера и М.В. Ломоносова, тогда же, когда Новалис, Ф. Гельдерлин и Ф. Шеллинг формируют романтическую натурфилософию, причем А.Г. Вернер был непосредственным учителем Новалиса в Горной академии во Фрейберге. Это не является простым совпадением – природа в геологии, как и в романтической натурфилософии, нарушает классическую модерную концепцию, оказываясь, во-первых, гетерогенной и, во-вторых, историчной (в смысле синтеза и становления). Как можно говорить о классическом делении на историю и природу, если у самой природы оказывается история? Как можно говорить об историцизме, если история может быть «естественной»? Земля – это изменения и «длинные ряды событий, постепенно приведшие к настоящему положению дел». Новалис в своих фрагментах [19] много размышлял о земле как о застывшем времени, о движении кристаллов и т. п. Фридрих Шеллинг проектировал свою натурфилософскую систему по типу геологии, как динамизм сил, формирующих различные страты от древних и неорганических к более поздним органическим и, в конечном счете, к разуму. В дальнейшем пути геологии и геофилософии разошлись, но сохранилась эта сопричастность друг другу в истоке, представляющей собой раскол классического толкования природы, который породил романтическую натурфилософию. Именно в немецком романтизме, как у Шеллинга, так и у Новалиса, мы наблюдаем обращение к теме земли не в качестве территории или элемента среди других элементов, а как к природной стихии по преимуществу. Выдающийся современный исследователь немецкого идеализма Иэн Гамильтон Грант предлагает даже называть натурфилософию Шеллинга «трансцендентальной геологией» [20, с. 199–

205], демонстрируя насколько свобода, мыслимая Шеллингом в качестве порождаемой природой, зависима от «самопроизводства земли» [20, с. 203]. В поэтико-философских фрагментах Новалиса, самых первых свидетельствах романтического поворота в отношении идеи природы, мы также наблюдаем геофилософский след. Новалис совершенно осознанно изучал геологию и минералогию у А.Г. Вернера, пытаясь растворить друг в друге научное, философское и поэтическое познания земли [19, с. 41]. Таким образом, тема земли появляется с самого начала становления поэтической идеи природы, связанной с романтизмом и геологией, и обретает, наконец, законное место в геофилософии.

Говоря о романтико-геологическом истоке, следует также обратиться к проблеме основания, разработанной Шеллингом. Как было сказано ранее, земля мыслится в качестве безосновного основания. В этом отношении показательным, что Делез впервые подступился к геофилософской проблематике именно в лекционном курсе «Что такое обоснование?» (1956–1957) [10], а за год до этого Хайдеггер читал цикл лекций «Положение об основании» (1955–1956) [21]. Однако именно романтический натурфилософ и трансцендентальный геолог Фридрих Шеллинг первым, если не считать религиозно-мистическую традицию в лице Мейстера Экхарта, подступился к проблеме безосновного основания. Данному вопросу посвящены «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметов» [22]. Земля в них – это темное основание существования (как вещей, так и самого Бога, хоть и различным образом). Шеллинг обращает внимание на противопоставление Неба Земле, являющееся, по его мнению, результатом заблуждения. Основой зла принимается здесь чувственность или земное начало, а добро и свобода усматриваются в господстве разума или духа [22, с. 119], но для мыслителя очевидно, что Небу следует противопоставлять Ад, но никак не Землю. Ад – это небытие Земли; Небо – это преображенная Земля. Для Шеллинга Земля является мощью

самой основы существования, мощью природы, которая не различает добро и зло. Она способна становиться злой только на определенной ступени и не как таковая, а в одном из своих изводов, модусов, отпадающих от нее самой. Бог как трансцендентальное единство всех ее частей есть добро, а зло порождается реактивной изляцией от ее производящей мощи. Иными словами, Бог воплощает добро как собиание всей природной мощи в единстве, в тождестве мира, а зло является злом, представляя собой атомизацию частей этого природного процесса, раскол мира. Мыслитель пишет, что в те времена, когда основа существования показала, на что способна, жизнь людей «формировалась властью вышедших из глубин Земли оракулов» [22, с. 125], подразумевая под ними божественные силы природы. Причем само божественное и отношение к нему, которое есть религиозность, Шеллинг определяет через веру, а не через ритуал, символ или священное. Вера не означает здесь убежденность в знании истины какого-то учения, а, как он сам пишет, используется «в своем изначальном значении – как доверие, как упование на божественное, исключающее всякий выбор» [22, с. 138]. Шеллингианская Земля как изначальная природа, как темная основа существования в некотором смысле предвосхищает ницшеанский «смысл земли». Его «религиозность» (доверие Земле, исключающее всякий выбор) носит натурфилософский, а не теологический или конфессиональный характер, и парадоксальным образом коррелирует с тем, что Ницше называл благородством и невинностью (готовность принимать случай без расчетов и надежд на повторные «броски костей» [3, с. 213–215]), т. е. с «добродетелями» верности земле.

Таким образом, Шеллинг переосмысляет землю – она не «юдоль плача», а могущественная основа существования. Ключевым моментом в этом переосмыслении является отделение природы от слепой необходимости или всеобщих законов рассудка, т. е. от тех абстракций, к которым в равной мере ведут и господствующая современная идея природы, и классическая христианская метафизика. Шеллинг пишет,

что природе вещей соответствует понятие становления [22, с. 108], которое не может содержаться в Боге или в априорных формах рассудка. Идея темной, предшествующей тождеству основы существования утверждает это становление как лежащее в глубине «вожделение или стремление», как «порыв становящейся природы», направленный на пробуждение жизни. Мыслитель пишет: «Бытие становится ощутимым для себя лишь в становлении. Правда, в бытии нет становления; напротив, в становлении само бытие вновь полагается как вечность» [22, с. 147]. Именно отсюда следует понимать его утверждение, что высшая цель динамического объяснения заключается в «сведении законов природы к душе» [22, с. 141]. «Душа», равно как «вожделение и стремление» в глубинах Земли, не означают сведение к Богу, разуму или человеческой психологии. Речь идет о свободе, которая обнаруживает себя в природе благодаря наличию «иррационального и случайного» в формировании различных «сущств», особенно органических [22, с. 123]. Это свобода от слепой механической необходимости и от всеобщих законов рассудка, свобода от классического современного толкования природы.

Тем не менее встает вопрос, если переосмысление Земли связано с освобождением идеи природы от механицизма, с утверждением становления и свободы в природе, то как, согласно Шеллингу, становление рождает вечное бытие, свобода и случай правят в природе, не противореча при этом разуму? Ответ в последней части «Философских исследований», где утверждается, что в основании самого основания лежит *безосновное*. «Сущность основы, как и сущность существующего, может быть только предшествующей всякой основе, следовательно, неким абсолютным, рассмотренным как таковое безосновным» [22, с. 151]. Безосновная основа (Ungrund) не является ни Богом, ни вещами, ни тождеством, ни даже самой по себе Землей, а оказывается чистой и безусловной *неразличенностью* (Indifferenz). Поскольку безосновное (Ungrund) не является тождеством

или слиянием всего различного, его неразличенность не содержит в себе вообще никаких противоположностей. Она полагает чистое различие в становлении. Безосновное ничему не противоположно и ни с чем как таковое не различается, но любые «противоположности» присущи ему в качестве «непротивоположностей, т. е. в обособлении и каждое для себя» [22, с. 150]. Нечто, прежде чем вступить в противоречие или даже в отношения простого родо-видового различия, должно уже быть само по себе, в качестве единичности. Это чистое онтологическое различие, каким мы обнаруживаем его в поэтических онтологиях и которое наблюдали в геофилософском понятии земли. Безосновное (Ungrund) оказывается основанием существования как становления свободных единичностей, поскольку во всех противоположностях оно полагает себя свободной сущностью, предшествующей любой противоположности и не связанной никаким законом. Неразличимость как сущность различия, безосновное как сущность основания. Эти отношения и маркируют собой геофилософское понятие земли как безосновного основания или же как «раз-обоснования» [23].

Заключение. Осознавая краткий и до определенной степени незавершенный характер данного рассмотрения, мы ограничены рамками статьи. В связи с этим оставим некоторые вопросы для прояснения в других текстах, постараемся резюмировать сказанное и перейти к заключению. Мысль Шеллинга освободила Землю от закона и слепой необходимости, открыла путь к осмыслению бытия становления и безусловной непосредственности единичного. Также она явила философскую экспликацию понятия природы, усматриваемого в таких естественных науках, как геология и химия, но подавленного физико-математической, галилеевской, классической модерной трактовкой. Наиболее контрастную форму это высвобождение обрело у Ницше и далее получило полноценное развитие в поэтических онтологиях Хайдеггера и Делеза. Именно на этом пути сформировалась геофилософия как философия новой приро-

ды. Если античная идея природы коррелирует с понятием Космоса (иерархическое Целое), а новоевропейская – с понятием Вселенной (бесконечная объективность), то после всего рассмотренного выше не остается сомнений, что именем альтернативной, поэтической идеи природы выступает Земля (освобожденное бытие единичного). По этой причине на статус новой философии природы и претендует геофилософия, что находит подтверждение как в самом ее названии, так и в истории ее становления.

Земля геофилософии – это безосновное основание (раз-обоснование) как становление свободных сингулярностей, формирующее донисийский поток, саму природу в качестве непосредственной экспрессии существования. Это и планета, и почва, и раскинувшийся ландшафт, и растущие формы жизни, и производимые формы мысли, но взятые не статически, в качестве самотождественного предмета представления, а динамически, в качестве природного процесса. Земля в своем неподвижном движении разверзается поверхностями, становящимися территориями, но сама территория и есть разverzание или вздымание земли в поверхность, ее чистое онтологическое саморазличение. Как таковая земля есть безосновная основа, предстающая наслоением событий, движимым новыми событиями, – синтетическая и раз-обосновывающая. Мы нигде не сталкиваемся с ней как с наличным предметом, в этом качестве всегда выступает «территория» – поименованная, структурированная, представимая и представленная, «внутримирная». Однако непосредственность и выразительность этой территории всегда есть сама земля. Мыслим мы в языке, но он не сводится к набору готовых слов для фиксированного обозначения предметов – язык всегда глубже и темнее, он поэтичен в своей основе [2; 24]. Также и территория в своей истине всегда есть земля. Мышление не в себе – оно основано в земле, в соотношениях земли и территории, в спорах земли и мира. Не существует естественного соответствия между языком и землей, но неопределенность и ста-

новление языка вступают в неразличимость с неопределенностью и становлением земли. В этом становлении-неразличимостью и заключается разомкнутость языка, человека и мира. В этом становлении-неразличимостью стали возможными поэтические онтологии и расположила свою работу новая философия природы – геофилософия.

Делез и Гваттари называли данную неразличимость, в которой философия сопрягается со становлением новой земли, «утопией», как ее в общем и целом понимали представители Франкфуртской школы. Однако далее авторы неоднократно подчеркивали, что понятие «утопия» несет в себе слишком много историцистских коннотаций, поэтому оно хорошо лишь для прояснения политического измерения геофилософии, но подлинное имя того, с чем сопрягается здесь философия, есть становление. Становление, не имеющее «ни начала, ни конца,

а только середину» [4, с. 143], – дионисийский поток, имманентный, неподвластный истории, неисчислимой единицей которого оказывается событие. Не становление тем, что будет, а становление тем, что есть, – выразительная природа, а не картина мира; разверзающаяся земля, а не твердая земля галилеевских объектов. Онтологический поворот в резонансе с вопросами экологического кризиса определяет сегодня актуальность геофилософии в различных вариациях. К ней можно отнести многих авторов, связываемых со спекулятивным реализмом, новым материализмом, ингуманизмом и постгуманизмом. Главным же именем, по нашему мнению, является Иэн Гамильтон Грант [20], одновременно и занимающий видное место в указанных современных течениях, и связывающий себя с рассмотренной выше историей становления геофилософской проблематики.

Список литературы

1. *Badiou A.* Being and Event. N. Y.: Continuum, 2005. 527 p.
2. *Дорожкин Е.Л.* К определению поэтических онтологий // Филос. мысль. 2020. № 1. С. 13–21. DOI: [10.25136/2409-8728.2020.1.32088](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.1.32088)
3. *Дорожкин Е.Л.* Бросок костей: Ницше о чистом понятии «природа» // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 208–220. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-208-220](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-208-220)
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. С. Зенкина. СПб.: Алетейя, 2018. 288 с.
5. *Делёз Ж.* Переговоры, 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 236 с.
6. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
7. *Vonta M., Protevi J.* Deleuze and Geophilosophy: A Guide and Glossary. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 216 p.
8. *Гаши П.* Геофилософия: О книге «Что такое философия?» Жюль Делёза и Феликса Гваттари / пер. с англ. А.Е. Чёрного. СПб.: Владимир Даль, 2022. 262 с.
9. *Делёз Ж.* Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
10. *Deleuze G.* What Is Grounding? Grand Rapids: &&& Publishing, 2015. 185 p.
11. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Избр. работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 185–241.
12. *Хайдеггер М.* О существе основания // Философия: в поисках онтологии: сб. тр. Самар. гуманит. акад. Вып. 5. Самара: Изд-во СамГА, 1998. С. 78–130.
13. *Хайдеггер М.* Тождество и различие / пер. с нем. А. Денежкина. М.: Гнозис; Логос, 1997. 64 с.
14. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Полн. собр. сочинений: в 13 томах. Т. 4. М.: Культура. революция, 2007. 432 с.
15. *Хайдеггер М.* К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 640 с.
16. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Акад. Проект, 2008. 528 с.

17. Ляйэлли Ч. Основныя начала геологii, или Новейшiя измененiя земли и ея обитателей. Т. I / пер. с англ. А. Минь. М.: Изд. книгогоровца А.И. Глазунова, 1866. 403 с.
18. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 202 с.
19. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. 319 п.
20. Grant I.H. *Philosophies of Nature After Schelling*. London: Continuum, 2006. 233 p.
21. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / пер. с нем. О.А. Коваль. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. филос. фак. СПбГУ, Алетейя, 2000. 290 с.
22. Шеллинг Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 86–159.
23. Керслейк К. Об основании Делёза // Логос. 2020. Т. 30, № 4. С. 89–108. DOI: [10.22394/0869-5377-2020-4-89-106](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-4-89-106)
24. Фатенков А.Н. В арьергардных боях за бытие (вслед поэтической философии Эрнста Юнгера) // Человек. 2018. № 2. С. 29–43. DOI: [10.7868/S0236200718020025](https://doi.org/10.7868/S0236200718020025)

References

1. Badiou A. *Being and Event*. New York, 2005. 527 p.
2. Dorozhkin E.L. К определению поэтических онтологий [To the Definition of Poetic Ontologies]. *Filosofskaya mys'l*, 2020, no. 1, pp. 13–21. DOI: [10.25136/2409-8728.2020.1.32088](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.1.32088)
3. Dorozhkin E.L. A Throw of the Dice: Nietzsche on the Pure Notion of “Nature”. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2022, no. 2, pp. 208–220 (in Russ.). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-208-220](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-208-220)
4. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. 206 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* St. Petersburg, 2018. 288 p.).
5. Deleuze G. *Pourparlers: 1972–1990*. Paris, 1990. 249 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Peregovory, 1972–1990*. St. Petersburg, 2004. 236 p.).
6. Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg, 2010. 895 p.
7. Bonta M., Protevi J. *Deleuze and Geophilosophy: A Guide and Glossary*. Edinburgh, 2004. 216 p.
8. Gasché R. *Geophilosophy: On Gilles Deleuze and Félix Guattari's What Is Philosophy?* Evanston, 2014. 141 p. (Russ. ed.: Gashe R. *Geofilosofiya: O knige "Chto takoe filosofiya?" Zhilya Deleza i Feliksa Gvattari*. St. Petersburg, 2022. 262 p.).
9. Deleuze G. *Différence et répétition*. Paris, 1968. 409 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Razlichie i povtorenie*. St. Petersburg, 1998. 384 p.).
10. Deleuze G. *What Is Grounding?* Grand Rapids, 2015. 185 p.
11. Husserl E. *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a Rigorous Science]. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, 2005, pp. 185–241.
12. Heidegger M. O sushchestve osnovaniya [The Essence of Reasons]. *Filosofiya: v poiskakh ontologii* [Philosophy: In Search for Ontology]. Iss. 5. Samara, 1998, pp. 78–130.
13. Heidegger M. *Identität und Differenz*. Pfullingen, 1957. 76 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Tozhdestvo i razlichie*. Moscow, 1997. 64 p.).
14. Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow, 2007. 432 p.
15. Heidegger M. *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Frankfurt am Main, 1989 (Russ. ed.: Khaydegger M. *K filosofii (O sobytii)*. Moscow, 2020. 640 p.).
16. Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Origin of the Work of Art]. Moscow, 2008. 528 p.
17. Lyell C. *Principles of Geology, or, The Modern Changes of the Earth and Its Inhabitants: Considered as Illustrative of Geology*. Vol. 1. London, 1853 (Russ. ed.: Lyayell' Ch. *Osnovnyya nachala geologii, ili Noveyshiya izmeneniya zemli i eya obitateley*. Vol. 1. Moscow, 1866. 403 p.).
18. Latour B. *Où atterrir? Comment s'orienter en politique*. Paris, 2017. 155 p. (Russ. ed.: Latur B. *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientatsii*. St. Petersburg, 2019. 202 p.).
19. Novalis. *Fragments*. St. Petersburg, 2014. 319 p. (in Russ.).
20. Grant I.H. *Philosophies of Nature After Schelling*. London, 2006. 233 p.
21. Heidegger M. *Der Satz vom Grund*. Pfullingen, 1957. 211 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Polozhenie ob osnovanii. Stat'i i fragmenty*. St. Petersburg, 2000. 290 p.).

22. Schelling F.W.J. *Filosofskie issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoy svobody i svyazannykh s ney predmetakh* [Philosophical Investigations into the Essence of Human Freedom]. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow, 1989, pp. 86–159.

23. Kerslake C. Ob osnovanii Deleza [Grounding Deleuze]. *Logos*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 89–108. DOI: [10.22394/0869-5377-2020-4-89-106](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-4-89-106)

24. Fatenkov A.N. V ar'ergardnykh boyakh za bytie (vsled poeticheskoy filosofii Ernsta Yungera) [In Rearguard Battles for Existence (Following the Poetic Philosophy of Ernst Junger)]. *Chelovek*, 2018, no. 2, pp. 29–43. DOI: [10.7868/S0236200718020025](https://doi.org/10.7868/S0236200718020025)

DOI: 10.37482/2687-1505-V205

Egor L. Dorozhkin

Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire;

ul. Piskunova 40, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2083-7644> e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com

GEOPHILOSOPHY: A SHORT INTRODUCTION TO THE “POETIC” PHILOSOPHY OF NATURE

*...the very moment when the earth becomes for the second time desolate and empty becomes the moment of
birth for the higher light of the spirit...*

F.W.J. Schelling

This article explores the concept of geophilosophy and the meaning of the earth inherent in the project designated by it. The consideration proceeds from the hypothesis of the existence of an idea of nature that acts as an alternative to the dominant classical modern concept (“natura”). This alternative is found in the poetic ontologies of J. Deleuze and M. Heidegger, as well as in the works of their predecessors, such as F. Nietzsche and the German romanticists (F. Schelling, Novalis, etc.). While the classical modern European idea of nature can be associated with the concept of the Universe, indicating representation and objectivity, the alternative “poetic” idea is embodied in the concept of the Earth, implying immediacy and “ungrounding”, i.e. grounding not in a subject or an object, but in the groundless. These are fundamentally different interpretations of nature, from which various anthropological and philosophical-political strategies stem. For this reason, it can be argued that geophilosophy, introduced by J. Deleuze and F. Guattari and picked up by many modern authors, such as I.H. Grant, is a project of a new – “poetic” – philosophy of nature. These conclusions allow us to deeper understand the ontological foundations of projects related to such modern trends as speculative realism, new materialism, inhumanism and posthumanism. Without a clear formulation of the question of the interpretation of nature, it is impossible to think of the ontological turn implied by these philosophical movements and their allies in the social disciplines. In addition, this paper expands the conceptual apparatus used in the historical and philosophical consideration of the post-romantic European thought by allowing us to make connections unapparent to the existing vocabulary through the conceptualized notions of the earth and the poetic.

Keywords: *geophilosophy, poetic ontologies, nature, earth, becoming, Gilles Deleuze, Friedrich Schelling.*

Поступила 12.07.2022

Принята 20.10.2022

Опубликована 21.11.2022

Received 12 July 2022

Accepted 20 October 2022

Published 21 November 2022

For citation: Dorozhkin E.L. Geophilosophy: A Short Introduction to the “Poetic” Philosophy of Nature. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 96–106. DOI: 10.37482/2687-1505-V205

УДК 165.62:001

DOI: 10.37482/2687-1505-V214

ЗАШИХИНА Инга Михайловна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 63 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ КАК ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Проблема подготовки научных статей к публикации в высокоиндексируемых журналах особенно остро стоит последние 5-6 лет, с тех пор как наукометрические показатели стали основными для оценки эффективности работы вузов в целом и представителей академического сообщества в частности. Несмотря на длительный срок решения проблемы, однозначного ответа или алгоритма выстраивания работы, который определил бы, что делать авторам научных статей от задумки исследования до публикации работы, так и не найдено. Автор статьи предполагает, что нужно начать с философской методологии, определяющей сущностную природу научной коммуникации. В данной работе анализируется применение метода феноменологической философии для решения обозначенной проблемы. Используются теоретические источники основателей феноменологической традиции философии и исследователей, развивающих идею интерсубъективности при передаче смыслов в коммуникации, в том числе в научной коммуникации. Кроме этого, в качестве теоретического обоснования логической организации текста исследования используется принятый в международном масштабе формат научной статьи IMRAD. Феноменологический метод подробно описывает влияние фактов биографии индивида на выстраивание процесса коммуникации. Его природа такова, что только после выстраивания общей системы референции смысл высказывания становится ясным партнерам по коммуникации. Отсюда возникает необходимость включения в коммуникативное сообщение, каким является научная статья, функциональных элементов фонового знания по исследуемой проблеме и раскрытие актуальности вопроса. Результатом работы является теоретическое обоснование необходимости соответствия текста научного исследования требованиям формата научной публикации.

Ключевые слова: феноменологическая философия, интерсубъективность, жизненный опыт, публикация научных статей, формат научной статьи, фоновое знание, актуальность исследования, научная коммуникация.

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: zashikhinaim@mail.ru

Для цитирования: Зашихина И.М. Актуальность проблемы как жизненный опыт: феноменологический взгляд на научные публикации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 107–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V214

Введение

Цель публикации научной статьи – получение признания в научном сообществе [1–4]. Работа, получая одобрение редакции научного журнала и рецензентов, проходит первичный отбор. Если статья принята в печать, значит, ее автор получил поддержку членов научного сообщества. Теперь судьба опубликованного текста зависит от эффекта, который произведут строки, прочитанные аудиторией. Существуют данные о том, что сегодня мало какие публикации удастаиваются чести быть прочитанными от начала до конца. Исследования показывают, что наиболее читаемыми фрагментами статьи являются аннотация, введение и часть результатов [5]. Наиболее важными вопросами для принятия читателем решения о ее дальнейшей востребованности являются те, что указаны в аннотации и более развернуто во введении¹. Это такие вопросы, как:

- 1) фоновая информация по рассматриваемой тематике;
- 2) актуальность исследуемой проблемы;
- 3) проблемный вопрос исследования;
- 4) пробел в научном знании, который восполняется благодаря предпринятому исследованию;
- 5) методология исследования;
- 6) краткое описание результата исследования [5–8].

В данной работе мы будем говорить о первых двух пунктах списка в связи с тем, что авторы научных текстов часто не считают их необходимыми элементами статьи. Это показывает анализ публикаций русскоязычной наукометрической базы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Недооцененность фонового знания и актуальности исследуемой проблемы как элементов научного текста часто отмечают эксперты, работающие в области подготовки научных работ [9–11].

Однако фоновое знание и актуальность исследования важны для формирования положи-

тельного имиджа публикации и ее дальнейшей читаемости. В условиях академического капитализма, характерного для современности, и ученые, и научные журналы встают перед необходимостью обрести как можно больше читателей [2; 12]. Принимая во внимание, что наука оплачивается посредством грантов из тех фондов, которые могут не иметь отношения к научным исследованиям, ученый обязан объяснить суть своей работы так, чтобы она была понятна широкому кругу «стейкхолдеров». Принятым критерием оценки доступности научного текста является понятность содержания статьи студенту-бакалавру первого курса того дисциплинарного направления, к которому относится исследование [5; 13]. Такой уровень изложения материала позволит прочитать статью представителям смежных областей науки, что соответствует высокой востребованности междисциплинарных исследований в современном обществе.

Коммуникация посредством научных публикаций – вопрос, который давно волнует исследователей в области философии, социологии, социальной психологии и социолингвистики [1–3; 5–8; 10; 12]. Каков эвристический ресурс коммуникации в науке? Как выразить идею так, чтобы она имела для читателя тот же смысл, что и для автора? В данной работе мы приведем философские основания, обосновывающие важность фонового знания и актуальности исследования для эффективной научной коммуникации посредством научных текстов. Для достижения цели мы объясним, какими теоретическими знаниями будем оперировать для проведения исследования, а затем применим эти знания для демонстрации необходимости включения аспектов *фоновое знание* и *актуальность* во вводную часть научной статьи.

Методология

Методологической основой для проведения исследования, прежде всего, выступил феноме-

¹Включение определенных функциональных элементов в структуру статьи рассматривается в концепции академической грамотности (см. работы П. О'Коннора и М. Каргилл (P. O'Connor & M. Cargill), И.Б. Короткой, Н.Г. Поповой, Ю.М. Кувшинской и др.)

нологический подход в философии. Феноменологическая философия анализирует предпосылки человеческого сознания, для исследования которых не подходят средства теоретического мышления, имеющие дело с готовыми предметностями и их отображениями в понятиях [14]. Задача феноменологии – раскрыть происхождение смысла предметности, понять ее онтологические основания и объяснить структуры, изначально по отношению к сознаваемому Я [15, с. 103]. Главная задача такого метода – освободить сознание от натуралистических установок, достичь рефлексии о собственных действиях и их содержании, определить основы человеческого познания [16]. Данный метод оформился в 20-х годах XX века в работах Э. Гуссерля и был разработан далее в исследованиях А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, М. Мерло-Понти, Ю. Хабермаса, М. Полани и др.

Феноменологический метод используется для анализа проблемы коммуникации в науке посредством научных публикаций. Теоретической основой анализа выступили работы отечественных и зарубежных лингвистов, изучавших вопрос структуры научной статьи: П. О'Коннора и М. Каргилл, Дж. Флауэрдью, П. Хабиби, И.Б. Короткиной, Н.Г. Поповой, Н.Н. Коптяевой, Л.К. Раицкой, а также руководство Ассоциации научных редакторов и издателей по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах [5; 17–21]. В качестве отправной идеи анализа послужила концепция академической грамотности [18] и распространенная в мире научных публикаций модель IMRAD. Для данной модели характерна четкая структура текста, содержащая такие части, как введение, методология, результаты и обсуждение, которые, в свою очередь, должны включать установленные функционально-содержательные элементы.

Теоретические основания вопроса научной коммуникации

Рассматривая вопрос о природе коммуникации вообще и научной коммуникации в частности, ученые-философы неизбежно сталкиваются с проблемой субъектности. Производя

исследования в мире квантовой физики, множественной правды и методологического плюрализма, важно понимать, где заканчивается факт и начинается мнение, каковы логические основания для принятия позиции, насколько мысль автора соотносится с теоретическими основаниями в том или ином методологическом подходе. Необходимо ответить на вопросы о критериях объективного и субъективного знания, о границах между социальным и индивидуальным.

Начиная с Г. Фреге, в аналитической философии изучается проблема смыслообразования в области знания [22, с. 31]. Он сформулировал необходимость четкого разграничения значения и смысла, истинности и ложности, мысли и чувства и заявил о том, что имя имеет значение и смысл, *денотат* (объект мысли, отражающий предмет или класс предметов действительности и обозначаемый языковым выражением/именем) и *коннотат* (сопутствующее, символическое значение языковой единицы) [23]. Для Фреге мысль – это смысл предложения. Однако не каждое предложение наделяется смыслом. Для того чтобы мысль была истинной, из нее необходимо исключить чувства. Выражение и утверждение мысли – абсолютно разные понятия. Выражение мысли имеет временной характер. Утверждение мысли – вне времени, существует независимо от сознания и связано с видами логических умозаключений. Идея об утверждении мыслей как нементальных объектов подобна платоновской идее о существовании мира идей.

Для современной теории научной коммуникации важна следующая импликация к заявлению Фреге: восприятие и выражение мысли происходят в другой плоскости по отношению к существованию мысли, и потому – проблематичны. Человек воспринимает как смысл, т. е. содержание мысли, референт, так и выражение мысли в предложении естественного языка. Выражение мысли связано с передачей содержания референции. По Фреге, мысль – это смысл, содержание предложения, а точнее, содержание референции к некоторому объекту. Вопрос коммуникации в таком случае – вопрос

о том, в чем смысл смысла. Он не равен субъективным представлениям о содержании знака. Фреге отвергает и субъективность смысла. Однако благодаря его трудам появляется идея коммуникации, основанная не на психологических функциях человека, как у В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, В.М. Вундта, А.А. Потебни, а на структуре содержания мысли. Идеи Фреге развивались в учениях других представителей аналитического направления философии: Б. Рассела и Л. Витгенштейна.

В «Коричневой» и «Голубой» книгах, в «Философских исследованиях» Витгенштейн заявляет, что понимание смыслов коммуникации становится возможным, когда человек овладевает языковыми играми. Языковые игры – это простейшие формы лингвистической коммуникации, упрощенные модели употребления слов естественного языка, усложняющиеся в процессе практики и развития языка. Этот концепт Витгенштейн вводит для объяснения механизма повседневной речевой деятельности, для выявления прагматики лингвистических средств: знаков, слов, предложений. Ребенок овладевает языком посредством ежедневных тренировок, использования языка в повседневной жизни. Какое-либо теоретическое разъяснение не требуется. Понимание достигается за счет практики. Доказательство освоения языка – успешная жизнедеятельность. Этот успех – результат соединения лингвистических и экстралингвистических средств в процессе социальной практики. Так, Витгенштейн приходит к заключению, что смысл передается через живую практику речевой деятельности, через стандарты, нормы поведения, «формы жизни»² [24].

Обращение к понятию *жизненного мира* ради поиска ответа на вопрос, как передается смысл в процессе коммуникации, характерно для феноменологической традиции философии и работ таких философов, как Э. Гуссерль, А. Шюц. В практиках повседневной жизни коренится основа для познания, в том числе научного

познания. *Жизненный мир* выступает естественной установкой сознания, универсумом смыслов, совокупностью человеческого опыта, смысловой структурой мира человеческой повседневности [25]. В нем человек оказывается зависимым от предпосылок, характерных для обыденного мышления. Гуссерль заявляет, что смысл не может быть соотнесен с материальным миром, поскольку у смысла и объективного мира разные онтологические основания. Реальность приобретает значение для человека посредством надления ее смыслом [26, с. 10–11]. Смысл подвижен, культурно символичен, обладает знаковой репрезентацией в языке и мышлении. Язык науки основан на естественном языке. Однако для любых используемых человеком понятий характерны непроблематизированные естественные установки сознания, коренящиеся в *жизненном мире* человека [27].

В «Картезианских размышлениях» Гуссерль формулирует ряд когнитивных презумпций, на основании которых человек вырабатывает смыслы [28]. Среди них:

- когнитивная неоднородность знаний о предмете;
- невозможность полного знания о мире;
- избирательность человеческого разума;
- изначальная определенность горизонта познания;
- укорененность научных типизаций в смысловой релевантности для человека.

Кроме этого, Гуссерль разрабатывает объяснительную схему деятельности человеческого разума по обнаружению пробелов в знании. Схема включает:

- 1) пассивное узнавание, определение сходства;
- 2) перенос смысла на иной объект;
- 3) новую репрезентацию сходного восприятия.

Эта схема крайне значима для анализа научной коммуникации, поскольку поясняет, каким образом возможно формирование нового

²«Формы жизни» – термин Витгенштейна. См. *Медведев Н.В.* Витгенштейн и Гадамер о «Языковой игре» // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 5, № 121. С. 156–165.

знания членами научного сообщества, авторами и читателями научных публикаций. Так, формулируя новый проблемный вопрос, который обязан обладать научной новизной, автор исследования обращает внимание на старые смыслы, просматриваемые в новых объектах. Как пример можно вспомнить использование концептуального аппарата лингвистики для теоретизации политической науки или применение формализма квантовой механики для изучения социальных феноменов.

Благодаря феноменологии для анализа процесса коммуникации также значимым становится понятие *интерсубъективности*. Интерсубъективная модель бытия предполагает, что социальная реальность является продуктом деятельности отдельного человека. Опыт осознания обуславливает все существование человека.

Процесс понимания смыслов, коммуницируемых другими людьми, ограничен, поскольку человек находится в рамках собственной данности. Пытаясь понять другого, индивид неизбежно возвращается к самому себе. Знаковый характер интерсубъективной связи между людьми скорее препятствует пониманию, чем способствует ему. Человеческое сознание конституирует другого человека лишь исходя из своего собственного опыта. В «Картезианских размышлениях» Гуссерль допускает, что возможно сконструировать образ другого человека. Этот эксперимент неизбежно будет сопровождаться феноменологической редукцией. Преодолевая границы собственного сознания, индивид у Гуссерля открывает в себе трансцендентальное «Я» и переносит себя в границы другого. Однако такие попытки выйти из собственных пределов не обладают высокой продуктивностью. Несмотря на то, что внешний мир трансцендентен, он одновременно и имманентен сознанию изучающего его человека. Объективный мир как трансцендентность редуцируется сознанием человека. Таким образом, интерсубъективность у Гуссерля не позволяет человеку встать в положение собеседника [29].

Проблема интерсубъективности далее была изучена А. Шюцем в прагматическом ключе как

атрибут *жизненного мира*. Шюц рассматривал концепт интерсубъективности в части мотивов, целей индивида, отношений индивидов друг с другом. Интересно понимание *Другого* в жизненном мире, где интерсубъективность является естественной установкой. Согласно Шюцу, багаж смыслов, который человек имеет в изначально данном виде, складывается из традиций, привычек, унаследованных и проявляющихся в памяти в разные моменты. Такой багаж усваивается нами некритично, без проблематизации и зависит от фактов личной биографии.

В своей работе *On Phenomenology and Social Relations* (1970) Шюц описывает, каким образом происходит восприятие индивидом информации от других источников, в том числе информации, которая приходит к нам как обыденное, повседневное знание [30]. Важными для этого процесса являются *идеализация* и *типизация*. Опыт повседневной жизни систематизируется человеком по принципу библиотечного каталога. Узнавая какой-либо объект, мы вспоминаем предыдущий опыт знакомства с подобными предметами и относим новый объект к определенному классу предметов. Так, например, увидев на дороге новую модель автомобиля, мы констатируем, что проехал автомобиль, не выделяя каких-либо характеристик и не выясняя название, марку. Мы воспринимаем не конкретный автомобиль, а класс объектов, вписывающихся в систему нашего предыдущего опыта. Однако, по сути дела, мы воспринимаем только те типичные черты, которые уже нам знакомы. Мы не знаем ничего индивидуального, нового, уникального, что отличает объект от других представителей данного класса. Наше сознание избирательно активно в отношении тех черт новых объектов, которые вписываются в нашу систему предыдущего опыта, или систему референции. Действуя в рамках естественной установки, человек воспринимает повседневную жизнь, двигаясь по пути наименьшего сопротивления. Такое некритичное восприятие жизненного мира снимает напряжение необходимости интерпретировать события, явления, процессы и пр.

Коммуникация будет успешной в том случае, когда передающий сообщение коммуникант *предвосхищает* ожидаемый эффект своего сообщения, т. е. может предугадать, каким образом коммуникативный партнер *интерпретирует* содержание сообщения. Однако последнее крайне трудно ввиду того, что интерпретативные схемы коммуникантов детерминированы ситуациями их биографий. Соответствие схем восприятия определяет возможность коммуникантов понимать друг друга. Данная возможность тем вероятнее, чем более формализован язык общения, как, например, язык науки, использующий термины. Кроме этой возможности в качестве бустера коммуникативного эффекта выступает механизм коммуникативной поддержки субъективной реальности, прежде всего беседа. Коммуникативные практики, воплощающие фоновые знания и обмен мнениями, способствуют выявлению смысловой структуры субъективной реальности и составляют когнитивный фундамент коммуникации. Понимание происходит «лишь в коммуникативном опыте, в котором конституируются и воспроизводятся» экспрессивная и интерпретативная стороны коммуникации [31, с. 52].

Дискуссия и результаты

Рассуждая о природе коммуникации, современный философ-методолог В.Н. Порус говорит о том, что коммуникативное взаимодействие происходит через коммуникативное пространство и *коммуникативную рациональность*. *Рациональная коммуникация* рассматривается как коммуникация, с помощью которой удастся достичь целей, являющихся общими ценностями для участников коммуникации [32]. Рациональное всегда коммуникативно, однако, коммуникация не всегда рациональна. Так, В.Н. Порус приводит пример нерациональной коммуникации, где «обсуждалась бы... рациональность самих критериев» [32, с. 61]. В контексте достижения целей эффективной коммуникации возникает вопрос: как должен выглядеть научный текст, чтобы быть максимально понятным для читателя?

Среди официальных требований международной академической коммуникации – со-

ответствие формату публикации. Таким международным форматом научной статьи стал формат IMRAD: введение, методы, результаты и обсуждение, вошедший в широкое распространение с начала XX века [5]. Сегодня формат также представлен как AIMRAD и включает элемент аннотации в качестве первой части аббревиатуры. Конечно, есть опубликованные тексты, в которых нет заголовков формата IMRAD. Однако читая эти статьи аналитически, можно заметить, что их части функционально содержат тот же тип информации, что и под условными заголовками [2, с. 12]. В этом формате вводная часть предлагает информацию о лакунах в рассматриваемой проблеме, масштабах и целях исследования с точки зрения современных знаний по данному предмету. Раздел «Материалы и методы» или «Методология» описывает все шаги, предпринимаемые исследователем для получения результатов своего труда. В отчете о результатах представлены итоги работы. Раздел «Обсуждение» охватывает значение результатов, обеспечивая перспективу будущих исследований в этой области.

Как мы говорили ранее, объектом внимания в данной работе стал раздел «Введение», содержащий такие функционально-содержательные элементы, как релевантность выбранной проблемы, методологическая основа исследования, цель и задачи работы, методика исследования, представленная в общем виде, а также основной результат работы. Важность введения в статью состоит в том, что эта часть текста дает план и анонс аспектов, обсуждаемых в основном разделе работы. Чтение вводной части статьи предоставляет возможность быстрее и полнее понять методологию, результаты и обсуждение, составляющие основную часть статьи. Исследователи также отмечают, что введение зачастую является единственным разделом, который читает редактор и большая часть читательской аудитории, отбирающая материал для более глубокого изучения [33].

Актуальность и фоновое знание по исследуемой проблеме, как неотъемлемые элементы раздела введения, можно представлять исходя

из разных причинно-следственных оснований. Например, вопрос подготовки научных публикаций: 1) это один из критериев оценки эффективности работы представителей академического сообщества; 2) многие авторы научных статей испытывают серьезные сложности в подготовки статей, которые готовы опубликовать редакторы высокоиндексируемых журналов; 3) определенная область научного знания является недостаточно изученной, и необходимо наращивать объем и качество опубликованных научных данных для привлечения внимания широкой общественности к проблеме и развития дискуссии по данному вопросу среди заинтересованных членов научного сообщества, сфер политики и бизнеса; 4) процесс овладения компетенцией научного письма занимает много времени, является слабо исследованным и нуждается в дальнейшем изучении в контексте подготовки высококачественных научных публикаций. Список можно продолжать.

Значимо то, что каждому их сформулированных вариантов актуальности изучения вопроса подготовки научных публикаций соответствует своя целевая читательская аудитория с характерным жизненным опытом. В зависимости от читателя автор должен представить фоновую информацию по изучаемой тематике. Фоновое знание должно содержать информацию, которая выстроит мост между предположительными знаниями читателя и литературой, послужившей основой для подготовки исследования. Так, если статья адресована студенту, упоминание специфических философских, социологических или психологических концепций может дать нулевой эффект. Возможно, придется, привести более подробные данные о теории или отсылку к другим исследованиям. Если текст предназначен ученым, следует исходить из того, что им известны философские концепции, которые, например, изучаются в аспирантском курсе по истории методологии науки. В случае, если аудиторией являются лингвисты, для них фоновое знание связано в большей мере с лингвистическими и педагогическими исследованиями, чем с философским знанием.

То, о чем мы сейчас говорили, коррелирует с вопросами феноменологии, которые были разработаны Э. Гуссерлем и его последователями. Каждый новый смысл, который мы выстраиваем в процессе коммуникации, встраивается в общий контекст нашего опыта. «Всякое опытное переживание... существует в окружении удержаний, отсылающих к прошедшим переживаниям, и предвосхищений, указывающих на предстоящие переживания» [34, с. 742].

Типизированные паттерны нашего опыта являются подложкой, на которую наслаивается любой новый опыт, любой новый смысл. Если опыт автора статьи не совпадает с опытом читателя, смысл, передаваемый в тексте, будет чужим, непонятным и в конце концов покажется некорректным. Чем больше общего в опыте автора текста и фоновом опыте читателя, тем более автоматическим будет распознавание и понимание описываемой проблемы.

Личный биографический опыт каждого автора научного текста определяет субъективные смыслы, которыми автор наполняет свое произведение. В коммуникативной ситуации, какой является коммуникация посредством научных публикаций, автор и читатель текста не могут воспринимать содержание статьи одинаковым образом, потому что их жизненный бэкграунд разный. Соответственно, смыслы, вкладываемые в одно и те же предложение, зависят от тех знаний, чувств, опыта, которые автор и читатель получили в своей жизни. Для того чтобы читатель понял, в чем заключается смысл текста, он должен хорошо осознавать, от каких исходных данных отталкивается в своих рассуждениях автор статьи. Любой факт, содержащийся в статье, не «воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом» [35, с. 129].

Учитывается ли научный результат философской школы феноменологии при подготовке письменных текстов научной коммуникации? Насколько писатель учитывает жизненный опыт потенциального читателя и, вообще, думает ли о той «подложке», которая послужила бы основой для восприятия информации? Как формат

научного текста влияет на восприятие его читателем и попадание в более высокорейтинговые журналы? Читая опубликованные статьи, часто встречаешь работы, начинающиеся с описания сложной проблемы, с той информации, которая и представляет собой ее суть. Исследования показывают, что написанные по такому принципу статьи не являются читаемыми [1–3].

Редакторы научных журналов сетуют на сложности вхождения в международные системы и рейтинги. Что касается авторов, многие российские ученые испытывают серьезные проблемы с публикацией своих работ в высокорейтинговых международных журналах. Для обеспечения высоких уровней публикационной активности среди ученых социально-гуманитарного профиля важно понимать, что публикация научного текста в высокорейтинговом журнале – процесс социально обусловленный. Анализ исследований в области написания текстов для публикации претерпел сдвиг. Если изначально текст научного исследования рассматривался с точки зрения жанрового анализа, то сегодня на передний план выходят вопросы продуманной организации исследовательской мысли и учета интересов целевой аудитории [6; 8]. Диалогическая коммуникация вокруг текста, социальная природа взаимодействия и согласования ролей, а также социальные компетенции, лежащие в основе этих переговоров, – важные условия написания читаемого, понятного текста [12]. «Для адекватного понимания слов коммуникативного партнера необходимо принять во внимание его ситуативные коннотации, выражающие личный опыт использующего слово человека применительно к конкретной ситуации речевой коммуникации» [31, с. 49].

Заключение

В нашей работе анализируется применение феноменологического метода к обоснованию необходимости включения фонового знания и актуальности предпринятого исследования как значимых элементов в структуру текста при подготовке его к публикации. Представлены идеи известных теоретиков феноменологической философии в развитии. Мы про-

следили, как установки сознания влияют на индивидуальные механизмы коммуникации и на восприятие коммуникативного сообщения партнером по коммуникации. Выявлено, что передаваемый смысл коммуникации становится понятным при совпадении систем референции у обоих коммуникативных партнеров. Для того чтобы достичь эффекта, автор письменного сообщения, каким является научная статья, должен выстроить смысловую «подложку», позволяющую читателю понять, из каких предпосылок исходит автор. Учитывая, что жизненный опыт индивидов всегда различен, понимание научной статьи возможно только тогда, когда читатель получает представление о том опыте автора статьи, который является значимым для передачи смыслов исследования. В общепринятой структуре статьи такие вводные для понимания научных смыслов данные приводятся в части введения и артикулируются как фоновое знание по теме исследования и актуальность исследования. Для каждого ученого, стремящегося опубликовать статью в высокорейтинговом журнале и быть признанным, цитируемым, важно осознавать значимость включения элементов фонового знания и актуальности изучения вопроса во вводную часть своего текста. В противном случае коммуникативный эффект достигнут не будет, ведь многие читатели решают, читать ли текст дальше, основываясь на первом впечатлении от статьи при чтении введения к тексту. Разумеется, данное требование – не единственное, определяющее успех или неуспех публикации. Существуют и другие сложности, связанные с аргументацией и логикой изложения в научном тексте. В современной науке, где продуктивными считаются междисциплинарные исследования, становится все более важным создавать такие тексты, которые будут понятны широкому кругу читателей. Вопрос о том, какие другие философские концепции могли бы послужить теоретической основой для подготовки понятной и доступной научной статьи, является перспективой данного исследования.

Список литературы

1. Korotkina I.B. Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 2. С. 311–323. DOI: [10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323](https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323).
2. Raitetskaya L., Tikhonova E. Pressure to Publish Internationally: Scholarly Writing Coming to the Fore // J. Lang. Educ. 2020. Vol. 6, № 1. P. 4–7. DOI: [10.17323/jle.2020.10631](https://doi.org/10.17323/jle.2020.10631)
3. Ивануцкая Е.В. Статья как элемент научной коммуникации: особенности формирования научного авторитета в международном сообществе // Науч. ред. и изд. 2018. Т. 3, № 1-2. С. 44–51. DOI: [10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51)
4. Карпушина Н.В. Теоретические аспекты оценки эффективности деятельности педагога. Критерии и показатели оценивания // Образование. Наука. Науч. кадры. 2020. № 4. С. 295–298. DOI: [10.24411/2073-3305-2020-10261](https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10261)
5. Cargill M., O'Connor P. Writing Scientific Research Articles. Chichester: Wiley-Backwell, 2013. 240 p.
6. Day R.A. How to Write and Publish a Scientific Paper. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 228 p.
7. Косычева М.А., Бальхин М.Г. Структура научной статьи: эмпирическое исследование // Health, Food & Biotechnology. 2019. Т. 1, № 2. С. 7–10. DOI: [10.36107/hfb.2019.i2.s270](https://doi.org/10.36107/hfb.2019.i2.s270)
8. Раицкая Л.К. Теоретическая и исследовательская статьи в социально-гуманитарных дисциплинах: как преодолеть трудности восприятия западной методологии в России // Науч. ред. и изд. 2018. Т. 3, № 1-2. С. 13–25. DOI: [10.24069/2542-0267-2018-1-2-13-25](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-13-25)
9. Мороз О. 12 вопросов о дипломах и диссертациях. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F6laj2fdBdY> (дата обращения: 20.07.2022).
10. Sutherland W.J., Goulson D., Potts S.G., Dicks L.V. Quantifying the Impact and Relevance of Scientific Research // PLoS ONE. 2011. Vol. 6, № 11. Art. no. e27537. DOI: [10.1371/journal.pone.0027537](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0027537)
11. Shaw D., Bernice S., Elger B.S. The Relevance of Relevance in Research // Swiss Med. Wkly. 2013. Vol. 143, № 19. Art. no. w13792. DOI: [10.4414/smw.2013.13792](https://doi.org/10.4414/smw.2013.13792)
12. Шейнак С.А. Опубликовать научную статью: диалог автора и журнала // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 3. С. 151–167. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-151-168](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-151-168)
13. Writing Scientific Manuscripts: A Guide for Undergraduates // J. Young Investig. 2005. 44 p. URL: https://ugr.ue.ucsc.edu/sites/default/files/jyi_guide_to_scientific_writing.pdf (дата обращения: 20.07.2022).
14. Молчанов В. Предпосылки и беспредпосылочность феноменологической философии // Логос. 1999. № 10. С. 16–28.
15. Савин А.Э. Развитие феноменологической философии в современной России // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 94–105.
16. Юдин Г.Б. Феноменологическая редукция в эпистемологии социальной науки: дис... канд. филос. наук. М. 2012. 237 с.
17. Flowerdew J., Habibie P. Introducing English for Research Publication Purposes. London: Routledge, 2021. 156 p.
18. Короткина И. Академическое письмо: учебно-методическое пособие для руководителей школ и специалистов образования. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 184 с.
19. Попова Н.Г., Коптяева Н.Н. Академическое письмо: Статьи IMRAD. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, 2015. 160 с.
20. Методические рекомендации по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных / Ассоц. науч. ред. и изд.; под общ. ред. О.В. Кирилловой. М.: 2017. 144 с.
21. Oleinik A. Publication Patterns in Russia and the West Compared // Scientometrics. 2012. Vol. 93, № 2. P. 533–551. DOI: [10.1007/s11192-012-0698-5](https://doi.org/10.1007/s11192-012-0698-5)
22. Демина Л.А. Проблема смысла в аналитической философии // Вестн. РУДН. Сер.: Философия. 2011. № 3. С. 31–40.
23. Фреге Г. Мысль: логическое исследование / Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.
24. Витгенштейн Л. «Голубая книга» и «Коричневая книга» // Соврем. аналит. философия. М. 1991. Вып. 3. С. 179–190.

25. Смирнова Н.М. Эпистемология жизненного мира: эвристический потенциал и когнитивные границы // *Вопр. соц. теории*. 2017. Т. IX. С. 246–254.
26. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Мысль, 1994. 489 с.
27. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. 493 с.
28. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Наука, 2006. 315 с.
29. Гуссерль Э. Картезианские медитации М.: Акад. проект, 2010. 229 с.
30. Schutz A. *On Phenomenology and Social Relations*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 336 p.
31. Смирнова Н.М. Коммуникация и интерсубъективность // *Философия науки и техники*. 2012. № 1. С. 40–54.
32. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // *Коммуникативная рациональность: эпистемол. подход*. М.: ИФРАН, 2009. С. 11–24.
33. Trinh T.P.T., Tran T., Nguyen T., Nghiem T.T., Danh N.N. Comparative Analysis of National and International Educational Science Articles in Vietnam: Evidence from the Introduction, Methods, Results, and Discussion Structure // *Eur. J. Educ. Res*. 2020. Vol. 9, № 3. P. 1367–1376. DOI: [10.12973/eu-jer.9.3.1367](https://doi.org/10.12973/eu-jer.9.3.1367)
34. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1055 с.
35. Шюц А. Структура повседневного мышления // *Социол. исслед.* 1988. № 2. С. 120–136.

References

1. Korotkina I.B. Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs. *Integratsiya obrazovaniya*, 2018, vol. 22, no. 2, pp. 311–323. DOI: [10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323](https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.311-323)
2. Raitskaya L., Tikhonova E. Pressure to Publish Internationally: Scholarly Writing Coming to the Fore. *J. Lang. Educ.*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 4–7. DOI: [10.17323/jle.2020.10631](https://doi.org/10.17323/jle.2020.10631)
3. Ivanitskaya E.V. Article as the Element of Scientific Communication: Specifics of Formation of Scientific Authority in the International Community. *Nauchnyy redaktor i izdatel'*, 2018, vol. 3, no. 1-2, pp. 44–51 (in Russ.). DOI: [10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51)
4. Kartushina N.V. Teoreticheskie aspekty otsenki effektivnosti deyatelnosti pedagoga. Kriterii i pokazateli otsenivaniya [Theoretical Aspects of Evaluating the Effectiveness of the Teacher's Activity. Evaluation Criteria and Indicators]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2020, no. 4, pp. 295–298. DOI: [10.24411/2073-3305-2020-10261](https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10261)
5. Cargill M., O'Connor P. *Writing Scientific Research Articles*. Chichester, 2013. 240 p.
6. Day R.A. *How to Write and Publish a Scientific Paper*. Cambridge, 1993. 228 p.
7. Kosycheva M.A., Balykhin M.G. Scientific Paper Structuring: Empirical Research. *Health Food Biotechnol.*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 7–10 (in Russ.). DOI: [10.36107/hfb.2019.i2.s270](https://doi.org/10.36107/hfb.2019.i2.s270)
8. Raitskaya L.K. Theoretical and Research Articles in Social Sciences and Humanities: Overcoming Hurdles to Perception of Western Methodology in Russia. *Nauchnyy redaktor i izdatel'*, 2018, vol. 3, no. 1-2, pp. 13–25. DOI: [10.24069/2542-0267-2018-1-2-13-25](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-13-25)
9. Moroz O. *12 Questions About Diplomas and Theses*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=F6laj2fdBdY> (accessed: 20 July 2022) (in Russ.).
10. Sutherland W.J., Goulson D., Potts S.G., Dicks L.V. Quantifying the Impact and Relevance of Scientific Research. *PLoS One*, 2011, vol. 6, no. 11. Art. no. e27537. DOI: [10.1371/journal.pone.0027537](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0027537)
11. Shaw D., Elger B.S. The Relevance of Relevance in Research. *Swiss Med. Wkly.*, 2013, vol. 143. Art. no. w13792. DOI: [10.4414/smw.2013.13792](https://doi.org/10.4414/smw.2013.13792)
12. Sheypak S.A. Publishing a Research Article: A Dialogue Between the Author and the Journal. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2021, vol. 30, no. 3, pp. 151–167 (in Russ.). DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-151-168](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-151-168)
13. Writing Scientific Manuscripts: A Guide for Undergraduates. *J. Young Investig.*, 2005. 44 p. Available at: https://ugr.ue.ucsc.edu/sites/default/files/jyi_guide_to_scientific_writing.pdf (accessed: 20 July 2022).
14. Molchanov V. Predposylki i bespredposylchnost' fenomenologicheskoy filosofii [Conditions and Unconditionality in Phenomenological Philosophy]. *Logos*, 1999, no. 10, pp. 16–28.
15. Savin A.E. Razvitie fenomenologicheskoy filosofii v sovremennoy Rossii [Development of Phenomenological Philosophy in Modern Russia]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 1, pp. 94–105.
16. Yudin G.B. *Fenomenologicheskaya reduktsiya v epistemologii sotsial'noy nauki* [Phenomenological Reduction in the Epistemology of Social Science: Diss.]. Moscow, 2012. 237 p.
17. Flowerdew J., Habibie P. *Introducing English for Research Publication Purposes*. London, 2021. 156 p.

18. Korotkina I. *Akademicheskoe pis'mo* [Academic Writing]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 184 p.
19. Popova N.G., Koptyaeva N.N. *Akademicheskoe pis'mo: Stat'i IMRAD* [Academic Writing: IMRAD Papers]. Yekaterinburg, 2015. 160 p.
20. Kirillova O.V. (ed.). *Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke i oformleniyu nauchnykh statey v zhurnalakh, indeksiruemyykh v mezhdunarodnykh naukometricheskikh bazakh dannykh* [Guidelines for the Preparation and Design of Scholarly Articles in Journals Indexed in International Scientometric Databases]. Moscow, 2017. 144 p.
21. Oleinik A. Publication Patterns in Russia and the West Compared. *Scientometrics*, 2012, vol. 93, no. 2, pp. 533–551. DOI: [10.1007/s11192-012-0698-5](https://doi.org/10.1007/s11192-012-0698-5)
22. Demina L.A. Problema smysla v analiticheskoy filosofii [Sense Problem in Analytical Philosophy]. *Vestnik RUDN. Ser.: Filosofiya*, 2011, no. 3, pp. 31–40.
23. Frege G. Mysl': logicheskoe issledovanie [The Thought: A Logical Inquiry]. Frege G. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Moscow, 2000, pp. 326–342.
24. Wittgenstein L. "Golubaya kniga" i "Korichnevaya kniga" [The Blue Book and The Brown Book]. *Sovremennaya analiticheskaya filosofiya* [Modern Analytic Philosophy]. Moscow, 1991. Iss. 3, pp. 179–190.
25. Smirnova N.M. Epistemologiya zhiznennogo mira: evristicheskiy potentsial i kognitivnye granitsy [Lifeworld Epistemology: Heuristic Potential and Cognitive Frontiers]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2017, vol. 9, pp. 246–254.
26. Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, 1994. 489 p.
27. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy]. St. Petersburg, 2013. 493 p.
28. Husserl E. *Kartezijskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Moscow, 2006. 315 p.
29. Husserl E. *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Moscow, 2010. 229 p.
30. Schutz A. *On Phenomenology and Social Relations*. Chicago, 1999. 336 p.
31. Smirnova N.M. Kommunikatsiya i intersub"ektivnost' [Communication and Intersubjectivity]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2012, no. 1, pp. 40–54.
32. Porus V.N. Ratsional'naya kommunikatsiya kak problema epistemologii [Rational Communication as an Epistemological Problem]. *Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod* [Communicative Rationality: An Epistemological Approach]. Moscow, 2009, pp. 11–24.
33. Trinh T.P.T., Tran T., Nguyen T., Nghiem T.T., Danh N.N. Comparative Analysis of National and International Educational Science Articles in Vietnam: Evidence from the Introduction, Methods, Results, and Discussion Structure. *Eur. J. Educ. Res.*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 1367–1376. DOI: [10.12973/eu-jer.9.3.1367](https://doi.org/10.12973/eu-jer.9.3.1367)
34. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Radiating Meaning]. Moscow, 2004. 1055 p.
35. Schütz A. Struktura povsednevnogo myshleniya [The Structure of Everyday Thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1988, no. 2, pp. 120–136.

DOI: 10.37482/2687-1505-V214

Inga M. Zashikhina Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302> e-mail: zashikhinain@mail.ru

RELEVANCE OF THE PROBLEM AS LIFE EXPERIENCE: A PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE ON SCHOLARLY PUBLICATIONS

The issue of preparing scholarly articles for publication in highly indexed journals has been acute for the last five or six years, since scientometric indicators became the main tool for evaluating the

For citation: Zashikhina I.M. Relevance of the Problem as Life Experience: A Phenomenological Perspective on Scholarly Publications. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 107–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V214

performance of both universities and representatives of the academic community. However, no definitive answer or algorithm for lining up the process of scholarly article preparation has yet been found. It seems that we need to start with the basics: a philosophical methodology that probes into the nature of scientific communication. This paper analyses the application of the phenomenological philosophy method to solve the indicated problem. The author used theoretical works of the founders of the phenomenological tradition in philosophy and researchers developing the idea of intersubjectivity in conveying meanings during communication, including scientific communication. Further, the internationally accepted IMRAD article format is applied as a theoretical justification for the logical organization of the research text. The phenomenological method describes in detail the influence of personal biography on the organization of the communication process. The nature of the latter is such that the meaning of a statement becomes clear to the communicative partners only after a common system of reference has been developed. Hence the need to include in the communicative message, such as a scientific article, the functional elements of background knowledge and the relevance of the research problem. Thus, the study provides a theoretical substantiation of the importance of structuring scholarly papers according to the scientific publication format.

Keywords: *phenomenological philosophy, intersubjectivity, life experience, publishing scholarly papers, structure of a scientific article, background knowledge, research relevance, scientific communication.*

Поступила 25.07.2022
Принята 20.10.2022
Опубликована 26.10.2022

Received 25 July 2022
Accepted 20 October 2022
Published 26 October 2022

УДК 001.38+001.89

DOI: 10.37482/2687-1505-V216

КУДРЯШОВА Елена Владимировна, доктор философских наук, ректор, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель диссертационного совета 24.2.394.01. Автор более 250 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

ЖГИЛЕВА Лариса Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь диссертационного совета 24.2.394.01. Автор 55 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-5791>

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ САФУ 24.2.394.01: НА ПУТИ К НОВЫМ ГОРИЗОНТАМ

В статье представлен анализ деятельности диссертационного совета 24.2.394.01, созданного на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ), за период его 23-летнего существования. Дана характеристика деятельности его членов в свете наукометрических показателей. Приведен пример научного и административного взаимодействия в свете требований нормативного законодательства по присуждению ученых степеней.

Ключевые слова: диссертационный совет САФУ, защита диссертации, статистические данные, научные направления, присуждение ученых степеней, научное взаимодействие, официальные оппоненты, ведущие организации, философия, социология.

История диссертационного совета 24.2.394.01 началась в 1998 году, когда в Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации был направлен пакет документов с ходатайством об открытии при Поморском государственном университете имени М.В. Ломоносова (ПГУ) диссовета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук. На момент создания совета в университете уже в течение 5 лет функционировала аспирантура по специальности 09.00.11 – «Социальная философия», в которой обучались

и работали над диссертационными исследованиями 30 аспирантов очной и заочной форм обучения, а также несколько соискателей.

С инициативой создания диссертационного совета выступила заведующая кафедрой социальной философии, д-р филос. наук, профессор Елена Владимировна Кудряшова. Ее идея была активно поддержана ректором ПГУ, д-р ист. наук, профессором Владимиром Николаевичем Булатовым. В ходатайстве был сделан акцент на тот факт, что развитие системы высшего образования и науки на Севере России, интеграция

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17; e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17; e-mail: larsamor@gmail.com

Для цитирования: Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. Диссертационный совет САФУ 24.2.394.01: на пути к новым горизонтам // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 119–125. DOI: 10.37482/2687-1505-V216

научных исследований ученых Европейского Севера актуализируют необходимость подготовки кадров высшей квалификации в регионе. Это обусловлено и важным народно-хозяйственным, социокультурным значением Русского Севера.

На 1998 год ПГУ был известен как региональный центр науки, культуры и образования на Европейском Севере с широкими международными связями. С ним сотрудничали ученые из Скандинавских стран, Германии, Великобритании, Франции и США. Университет располагал высококвалифицированными научными кадрами (50 докторов наук и профессоров), работы которых получили широкое признание в России и за рубежом. В области философии реализовывались международные и федеральные программы: «Баренцев регион: сотрудничество в области науки, культуры и образования», «Современные подходы к преподаванию философии», «Интеллектуальная учебная информационная система “Философская классика (русскоязычные тексты)”», «Текстовая база данных “Русская философия”». В Архангельске работал целый ряд специалистов-философов, докторов и кандидатов наук, что позволяло говорить об уровне компетентности диссертационного совета.

Ходатайство было поддержано профильным министерством, и Приказом от 29 июня 1999 года при ПГУ был открыт диссертационный совет К 113.58.03 по специальностям 09.00.11 – «Социальная философия», 09.00.01 – «Онтология и теория познания (философские науки)». В его состав вошли 13 специалистов, в т. ч. 7 докторов наук. Председателем диссовета была назначена д-р филос. наук, профессор Елена Владимировна Кудряшова, курировавшая направление социальной философии. Ее заместителем стал д-р филос. наук, профессор Михаил Юрьевич Опенков, отвечающий за направление онтологии и теории познания. Ученым секретарем – канд. филос. наук, доцент Евгений Игоревич Аринин.

Первое заседание диссертационного совета прошло 1 октября 1999 года, на нем был дан до-

пуск на защиту диссертаций «Лидер как субъект социального управления: социально-философский анализ» Ананченко Марины Юрьевны, «Социально-философский анализ проблемы равноправия в гендерной перспективе» Кукаренко Натальи Николаевны, «Социально-философский анализ феномена тоталитаризма (эволюция основных концепций)» Руссовой Ольги Николаевны. Защиты этих работ состоялись в декабре 1999 года.

Приказом Министерства образования Российской Федерации № 365-в от 17.11.2000 года диссертационный совет был переутвержден под номером К 212.191.02 и включал в себя 15 специалистов. В состав вошли несколько человек, ранее защитившие в нем свои кандидатские диссертации. Аринин Евгений Игоревич и Есюков Альберт Иванович в этот период защитили докторские диссертации. Ученым секретарем диссовета стала канд. филос. наук, доцент Наталья Николаевна Кукаренко. В период с 1998 по 2007 год состоялись успешные защиты 64 кандидатских диссертаций по философским наукам.

В 2007 году, в связи с изменениями нормативно-правовой базы процесса присуждения ученых степеней, Рособнадзор объявил о пересмотре сети диссертационных советов с учетом изменений, внесенных Постановлением Правительства РФ от 20.04.2006 № 227 в «Положение о порядке присуждения ученых степеней». Университетом было подготовлено ходатайство об открытии на его базе диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям 09.00.11 – «Социальная философия (философские науки)» и 22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)». Оно было поддержано, и приказом Министерства образования и науки России № 1986-1456 от 21 ноября 2008 года на базе ПГУ был создан диссертационный совет Д 212.191.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций. В его состав вошли ведущие специалисты, доктора наук в области философии, социологии, культурологии, истории и политологии. Председателем была назначена д-р филос. наук,

профессор Елена Владимировна Кудряшова, которая курировала философское направление. Ее заместителем стал д-р филос. наук, профессор Александр Алексеевич Дрегалю, руководивший социологическим направлением. Ученым секретарем – канд. филос. наук, доцент Лариса Александровна Морщихина (Жгилева). За период деятельности диссертационного совета при ПГУ было защищено 90 работ, 70 из которых принадлежали выпускникам аспирантуры, докторантуры и соискателям университета. Тематическое поле диссертационных исследований отличалось большим разнообразием.

В 2012 году, после включения ПГУ в САФУ, диссертационный совет прошел перерегистрацию и продолжил функционировать под номером Д 212.008.08.

В 2013 году началась глобальная перестройка системы аттестации научных и педагогических кадров, которая кардинальным образом изменила модель функционирования диссертационных советов. Исходя из государственной задачи – интеграции российской науки в мировое научное пространство, Министерством образования и науки РФ в период с 2013 по 2021 год был разработан и внедрен комплекс мер по оптимизации сети диссертационных советов и требований к публикационной активности их участников. основополагающий нормативный документ «Положение о присуждении ученых степеней» в течение 8 лет претерпел 5 принципиальных редакций. «Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» за этот период изменялось трижды. Реформы затронули требования к проведению экспертизы диссертаций и процедур допуска к защите, назначения оппонентов и ведущей организации, а также лишения ученых степеней. Секретари стали вести одновременно четыре аттестационных дела ученой степени на одного соискателя (на сайте организации, в электронной системе Высшей аттестационной комиссии (ВАК), печатные аттестационные дела для отправки в ВАК и для диссовета). По новым правилам два нарушения в процедурных вопросах

подготовки документов, проведения заседания или две отмены ВАК решения, принятого диссоветом, влекли за собой закрытие последнего.

Период, связанный с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), изменил процедуру защиты диссертаций, т. к. появилась возможность использования формата удаленного онлайн-общения.

К публикационной активности членов диссертационных советов стали предъявлять требования соответствия статистическим нормативам, заявленным в «Плане мероприятий (Дорожная карта) по оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». Основное внимание уделялось публикациям в журналах из международных наукометрических баз данных. Ежегодно, по итогам мониторинга отчетов диссертационных советов, происходила оптимизация их сети. Кандидаты наук и носители PhD степени, обладающие необходимым объемом научных публикаций, получили возможность входить в состав диссертационных советов на правах доктора наук.

Все проводимые мероприятия не только «закалили» участников процесса, но и позволили найти новые решения. По результатам работы в качестве ученого секретаря и начальника отдела научных изданий Л.А. Жгилевой в 2018 году было издано учебное пособие «Информационная культура исследователя», разошедшееся значительным тиражом в России. Также в САФУ аспиранты последнего года обучения изучают курс «Нормативно-правовые аспекты деятельности соискателей ученых степеней», разработанный Л.А. Жгилевой. У диссовета значительно расширилась география приглашенных официальных оппонентов и ведущих организаций в силу необходимости находить специалистов, имеющих научные работы по тематике, близкой к теме защищаемой работы. Основными источниками выбора специалистов стали системы Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) (elibrary.ru) и Publons.

После введения новой Номенклатуры научных специальностей диссертационный совет

САФУ по философии и социологии был перерегистрирован под номером **24.2.394.01** и стал принимать к защите диссертации по специальностям 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы и 5.7.7 – социальная и политическая философия. Сегодня в его состав входят 20 докторов и один кандидат наук. Наряду с САФУ, в диссертационном совете представлены Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), Мурманский арктический государственный университет (МАГУ), Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (РГПУ, Санкт-Петербург), Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.

За период с 1998 года в диссертационном совете проведено 144 защиты, в т. ч. 15 докторских и 129 кандидатских диссертаций, 70 % работ защищено выпускниками аспирантуры и докторантуры ПГУ–САФУ. В 2022 году диссертационный совет, по запросу Минобрнауки России, получил опыт проведения заседания по лишению ученой степени кандидата наук.

Расширяется география регионов, откуда приезжают соискатели с целью защиты диссертации. К соискателям из Архангельска, Северодвинска, Мурманска, Череповца и Владимира присоединились аспиранты и докторанты из Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Казани, Новосибирска, Красноярска, Омска, Томска и Владивостока.

Изменения требований к выбору официальных оппонентов и ведущих организаций по диссертациям, а также предоставление возможности дистанционного участия позволили расширить профессиональные связи и географическую представленность городов. В качестве ведущей организации выступают известные вузы страны (представлено 36 городов), среди которых все федеральные университеты,

ряд национально-исследовательских университетов, вузы Санкт-Петербурга (СПбГУ, РГПУ, Российский государственный гуманитарный университет, Европейский университет), университеты Владимира, Екатеринбурга, Иваново, Мурманска, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Петрозаводска, Тамбова, Хабаровска, а также институты Российской академии наук.

В заседаниях совета принимают участие официальные оппоненты из различных регионов России (представлено более 150 городов), известные своими научными исследованиями и публикациями по тематике защищаемых диссертаций. Значительная часть специалистов в рамках визитов выступает в САФУ с открытыми лекциями для преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематический спектр защищаемых в совете диссертаций достаточно широк. Вместе с тем одним из основных исследовательских направлений в университете является изучение философских и социальных аспектов функционирования социума арктического региона. В рамках этого направления защищено 21 % диссертаций, представленных в совете за весь период его деятельности.

По данным РИНЦ абсолютным лидером в цитировании является исследование канд. филос. наук И.П. Тикуновой «Концептуальная модель современной библиотеки: социально-философский анализ» (2007). Большим интересом пользуются работы канд. филос. наук А.Б. Федуловой «Семья и семейные ценности: философско-аксиологический анализ» (2003); канд. филос. наук Л.А. Морщиной (Жгилевой) «Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований» (2004); канд. филос. наук Л.Н. Евсевой «Роль языка в формировании национальной идентичности» (2009); канд. социол. наук Е.Н. Шаровой «Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (на примере Мурманской области)» (2012); канд. социол. наук С.В. Лагуновой «Институционализация территориального общественного самоуправления в локальной среде (на примере Архангельской

области)» (2013); канд. социол. наук, К.О. Малининой «Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели» (2015); канд. социол. наук Ю.А. Луц «Общественные объединения как ресурс социальной активности молодежи России» (2016); д-р филос. наук А.В. Макулина «Социальная визиософия: инфографика, визуализация и графический язык социально-философского познания» (2019); д-р филос. наук, С.С. Касаткиной «Урбосфера: системно-семиотический анализ» (2019).

Наиболее результативными научными руководителями (консультантами) защищенных в совете диссертаций являются д-р филос. наук, профессор Кудряшова Елена Владимировна, д-р филос. наук, профессор Аринин Евгений Игоревич, д-р филос. наук, профессор Дрегалло Александр Алексеевич.

Многие члены диссертационного совета являются руководителями научных направлений и научных школ: Е.И. Аринин – философия религии, аспекты сущностного анализа; Л.В. Баева – философия электронной культуры; Г.В. Жигунова – социология социальной среды и пространства; Е.В. Кудряшова – изучение социальных и когнитивных систем: Арктика и глобальный вектор; А.В. Макулин – социальная визиософия; сакральная география и традиционная культура народов Северной Евразии, В.Н. Матонин, Н.М. Терехихин – семиотика культуры; А.А. Мёдова – модальное мышление и модальные онтологии; В.В. Орлова – социология профессиональной миграции; Ф.Х. Соколова, Е.А. Шапаров – история культуры и интеллигенции, социально-культурные и этнические процессы на Европейском Севере России и в Арктической зоне РФ, иммиграционная политика; А.М. Прилуцкий – семиотика религии.

При участии членов диссертационных советов осуществляется реализация магистерских образовательных программ: «Европейские исследования: арктический вектор»; «История и культура стран циркумполярного мира: сравнительные исследования»; «Лидерство и управ-

ление сложными социально-экономическими, политическими и социотехническими системами»; «Межнациональные и межрелигиозные отношения»; «Политическая социология»; «Прикладная культурология»; «Социология управления» (САФУ); «Управление коммуникацией в многоконфессиональной среде» (ВлГУ); «Социология маркетинговых коммуникаций» (МАГУ); «Педагогическая теология»; «Феноменологическая философия и современное гуманитарное знание»; «Философская антропология и философия культуры» (РГПУ).

Члены диссертационного совета занимаются активной публикационной деятельностью. Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России ведется постоянный мониторинг количественных и качественных показателей деятельности ученых. За последние 5 лет членами совета было опубликовано 118 статей в журналах, входящих в наукометрические базы данных Web of Science, Scopus; 232 статьи в журналах из Перечня ВАК и 76 монографий. Средний h-индекс среди членов совета по РИНЦ составляет 7,1.

Из наиболее интересных монографий, опубликованных членами диссертационного совета, следует выделить:

Genius loci Арктики: знания, смыслы и практики / Кудряшова Е.В., Терехихин Н.М., Овчинников О.В., Соловьёва А.Н., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е., Мокшин В.К., Дрегалло А.А., Ульяновский В.И., Жгилева Л.А., Окунев Ю.П. и др.; отв. ред. Е.В. Кудряшова. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2019. 350 с.

Гражданственность. Религия. Образование / Р.Г. Апресян, Е.И. Аринин, В.В. Гаврилова [и др.]; Общая редакция и составление М.Г. Пис-маника, А.А. Лисенковой, А.А. Субботиной. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2020. 180 с.

«Бытие-в-мире» электронной культуры / Л.В. Баева, Н.А. Касавина, Т.Д. Лопатинская, Е.В. Федюлина; Астраханский государственный университет. Санкт-Петербург: Общество с ог-

раниченной ответственностью «Реноме», 2020. 192 с.

Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: введение в философию лидерства: монография / Е.В. Кудряшова. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. 348 с.

Лукин Ю.Ф. Гибридность многоликой Арктики в ковидном 2020 году / Ю.Ф. Лукин. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2021. 241 с.

Макулин А.В. Визиософия: в 2 частях / А.В. Макулин. Архангельск: Северный государственный медицинский университет, 2017. 480 с.

Молодежный экстремизм: интегрированный подход с позиции гуманитарных наук / В.В. Орлова, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова, Д.В. Карелин [и др.]. Томск: Издательство Томского университета, 2019. 164 с.

Прилуцкий А.М. Семантика и семиотика мифологизированного информационного скандала / А.М. Прилуцкий, В.Ю. Лебедев. Санкт-Петербург: ООО «Медиакросс», 2021. 159 с.

Теребихин Н.М. Метафизика Севера / Н.М. Теребихин; Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Центр сравнительного религиоведения и этносемиотики. Архангельск: [б. и.], 2020 (Соломбал. тип.). 514 с.

Возможности для публикации статей по направлениям философии и социологии предоставляют научные журналы САФУ, занимающие ведущие позиции в тематических рейтингах РИНЦ. Сетевой журнал «**Арктика и Север**»¹ с лета 2018 года индексируется в Russian Science Citation Index. Его тематиче-

ский вектор – это комплексное освещение политических, социально-экономических и общественных и международных проблем северных социумов. Журнал выходит в двух версиях: русской и английской. Журнал «**Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки»**»² входит в Перечень ВАК и принимает к публикации статьи по истории, философии и филологии (языкознанию).

Печально говорить об этом, но пандемия, связанная с распространением коронавирусной инфекции, унесла жизни наших коллег, старейших членов диссертационного совета Александра Алексеевича Дрегалю, Альберта Ивановича Есюкова и Владимира Александровича Колосова. Память о них навсегда останется в наших сердцах.

Но мы стараемся с оптимизмом смотреть в будущее, впереди у диссертационного совета 24.2.294.01 новые горизонты. Приказом Минобрнауки России № 561/нк от 3 июня 2021 года совет перерегистрирован и является официально действующим по новой номенклатуре специальностей. Происходит планомерное обновление состава за счет приглашения молодых, научно-активных специалистов в области социальной философии и социологии из других регионов страны. Ежегодно увеличивается число проведенных защит, в том числе и докторских диссертаций. Растет количество научных взаимодействий и коллабораций. Выходят новые научные работы.

Руководство диссертационного совета выражает искреннюю благодарность всем его членам за творческое сотрудничество, активную деятельность, высокий профессионализм, проявляемый при рассмотрении диссертационных работ, и желает крепкого здоровья, счастья, неиссякаемого энтузиазма, благополучия и новых достижений!

¹ URL: <http://www.arcticandnorth.ru/> (дата обращения: 29.06.2022).

² URL: <https://vestnikgum.ru/> (дата обращения: 29.06.2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V216

Elena V. Kudryashova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: [0000-0002-0684-3856](https://orcid.org/0000-0002-0684-3856) e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

Larisa A. Zhgileva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: [0000-0003-1639-5791](https://orcid.org/0000-0003-1639-5791) e-mail: larsamor@gmail.com

NArFU 24.2.394.01 THESIS COUNCIL: TOWARDS NEW HORIZONS

This article analyses the work of 24.2.394.01 Thesis Council based at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, covering the entire 23 years of its existence. The work of the Council's members is characterized in terms of scientometric indicators. An example of scientific and administrative cooperation is provided in the light of the requirements stipulated by the regulations on awarding academic degrees.

Keywords: *NArFU Thesis Council, thesis defence, statistical data, academic disciplines, awarding academic degrees, scientific cooperation, official opponents, host institutions, philosophy, sociology.*

Поступила 29.06.2022
Принята 20.10.2022
Опубликована 15.11.2022

Received 29 June 2022
Accepted 20 October 2022
Published 15 November 2022

For citation: Kudryashova E.V., Zhgileva L.A. NArFU 24.2.394.01 Thesis Council: Towards New Horizons. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 119–125. DOI: 10.37482/2687-1505-V216

УДК 001.8:[378.4+327](470.46)

DOI: 10.37482/2687-1505-V215

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 630 научных публикаций, в т. ч. 30 монографий (4 – в соавт.) и 6 учебных пособий (3 – в соавт.)*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

СОКОЛОВА Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 160 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий (4 – в соавт.) и 4 учебных пособий (3 – в соавт.)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена обобщению опыта работы Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а в дальнейшем Северного (Арктического) университета имени М.В. Ломоносова в сфере подготовки кадров и научной деятельности по международным отношениям. Характеризуются знаковые события 2003 и 2007–2008 годов, связанные с развертыванием данного направления, в т. ч. с созданием кафедры регионоведения, позднее регионоведения, международных отношений и политологии. Анализируются партнерские связи университета и кафедры с ведущими российскими и зарубежными научными учреждениями и высшими учебными заведениями в сфере изучения истории и современности международных отношений в Северной Европе, Баренцевом Евро-Арктическом регионе и в Арктике, результаты этого сотрудничества и наиболее крупные исследовательские проекты и издания.

Ключевые слова: международные отношения, подготовка специалистов, научная деятельность, Баренцев Евро-Арктический регион, Северная Европа, Арктика.

Преобразование Поморского международного педагогического университета в классический университет – Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ПГУ), состоявшееся в 1996 году, открыло качественно новые возможности для расширения подготовки специалистов в вузе. Накопленный к этому времени и укреплявшийся в дальнейшем потенциал международного сотрудничества позволял размышлять в перспективе о возмож-

ности подготовки специалистов в области международных отношений.

В конце 1990-х годов были получены для ознакомления основные учебные планы Московского государственного института международных отношений. В 2000 году у ПГУ сложились добрые отношения сотрудничества с Дипломатической академией МИД России. Ее ректором в 2000–2006 годах являлся почетный доктор Поморского университета, Чрезвычай-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: f.sokolova@narfu.ru

Для цитирования: Голдин В.И., Соколова Ф.Х. Архангельская область в системе подготовки специалистов в области международных отношений // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 126–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V215

ный и Полномочный Посол Российской Федерации Ю.Е. Фокин, передавший эстафету сотрудничества своему преемнику в этой должности А.Н. Панову (возглавлял академию в 2006–2010 годах), который до этого, как и Фокин, был послом России в Норвегии, а ранее (в 1993–1996 годах) заместителем министра иностранных дел России.

Общность интересов сотрудников ПГУ и Дипломатической академии заключалась, в частности, в изучении процессов международного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР) и Арктике [1]. На рубеже XX и XXI веков завершился начатый в 1993 году крупный международный научный проект «Государство, религия и этносы на Севере. 700–1990», в рамках которого прошли конференции в каждой из стран БЕАР с публикацией их материалов. Один из авторов этой статьи был главным редактором издававшегося в 2000-е годы на базе ПГУ международного «Баренц-журнала» (Barents Journal), в состав редакции которого входили ведущие российские и зарубежные исследователи из стран БЕАР.

В 2000-е годы продолжалось тесное сотрудничество ПГУ с Институтом всеобщей истории РАН и Институтом мировой экономики и международных отношений РАН в области исследования истории и современности международных отношений с Северной Европой, что воплотилось в проведении на базе ПГУ в Архангельске в 2001 и 2008 годах XIV и XVI международных конференций по изучению Скандинавских стран и Финляндии с изданием сборников их материалов. В 2008 году в ПГУ был создан Центр международных отношений. Появление данного научного центра, возглавляемого профессором В.И. Голдиным, в ту пору проректором по научной работе ПГУ, знаменовало собой достижение высокого уровня и возможности развития этого направления.

Это, в свою очередь, стало фундаментом для развернувшейся в университете подготовки специалистов в области зарубежного регионоведения, а затем и международных отношений.

Договор о сотрудничестве, связывавший ПГУ с Российской академией государственной службы при Президенте РФ, способствовал проведению ряда совместных конференций. Наиболее значимой из них стала «Русский Север в системе геополитических интересов России», организованная совместно с Советом Безопасности РФ и при участии Администрации Президента РФ в Москве. Сборник ее материалов был издан в ПГУ при поддержке Российского государственного научного фонда. Эта конференция и принятый итоговый документ аргументировали необходимость включения Русского Севера и Арктики в систему приоритетов и основных национальных интересов России [2].

Многолетнее сотрудничество и имя М.В. Ломоносова связывало ПГУ с главным вузом страны Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (МГУ), и в 2003 году они приняли решение о начале подготовки в своих стенах специалистов по международным отношениям. В МГУ был создан факультет мировой политики, а в ПГУ в рамках кафедры государственного и муниципального управления была лицензирована специальность «Регионоведение», нацеленная на формирование экспертов, обладающих комплексными знаниями и разбирающихся в политических, социально-экономических и культурных процессах, происходящих в странах Северной Европы. В том же 2003 году ПГУ вошел в состав Учебно-методического объединения (УМО) вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений по специальности «Регионоведение».

31 августа 2007 года на Ученом совете ПГУ было решено создать выпускающую кафедру регионоведения в структуре факультета управления. Как самостоятельное структурное подразделение она начала свое существование по приказу ректора от 5 сентября 2007 года. Кафедру возглавила доктор исторических наук, профессор Ф.Х. Соколова. Она вот уже 12 лет (с небольшим перерывом) стоит во главе подразделения, которое ныне называется кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии, и много сделала для его развития.

В 2008 году было получено положительное заключение УМО на реализацию профиля подготовки специалистов «Страны Северной Европы». В этом же году в ПГУ была открыта специальность аспирантуры «История международных отношений и внешней политики». В диссертационном совете ПГУ также была открыта данная специальность, что позволяло защищать здесь кандидатские и докторские диссертации. Это способствовало подготовке высококвалифицированных научных и преподавательских кадров по международным отношениям.

С благодарностью следует вспомнить, что профессором кафедры регионоведения и международных отношений и членом докторского диссертационного совета ПГУ–САФУ на протяжении многих лет являлся Чрезвычайный и Полномочный Посланник РФ, доктор исторических наук, кадровый сотрудник аппарата МИД, почетный доктор Поморского государственного университета, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета А.И. Смирнов. Он помогал университету и кафедре поддерживать тесные связи с МИД России.

За 15 лет своего существования профильная кафедра, занимающаяся подготовкой специалистов в области международных отношений, окрепла и расширила перечень направлений подготовки. Была выстроена преемственно взаимосвязанная система подготовки кадров высокой и высшей квалификации. По кадровому составу, показателям научной и образовательной деятельности кафедра занимает сегодня достойное место в САФУ.

В настоящее время реализуются 4 программы бакалавриата, две программы магистратуры и две программы аспирантуры. К основным образовательным программам бакалавриата относятся: «Зарубежное регионоведение», профиль подготовки «Страны Северной Европы» (с 2008 года); «Международные отношения», профиль подготовки «Международные отношения», профиль «Международные отношения в Арктике» (с 2010 года); «Регионове-

дение России», профиль «Арктический регион России» (с 2017 года); «Публичная политика и социальные науки», профиль подготовки «Политические и социальные коммуникации в пространстве Российской Арктики» (с 2020 года).

Магистратура включает в себя: «Зарубежное регионоведение», магистерская программа «Европейские исследования: арктический вектор» (с 2009 года, а с 2015 года она стала англоязычной); «Международные отношения в Арктике», магистерская программа «Международная безопасность в Арктике» (лицензирована в 2020 году). В аспирантуре ведется подготовка по специальностям: «История международных отношений и внешней политики» (Исторические науки) и «Политические процессы и институты» (Политические науки).

Кафедрой подготовлено уже немало квалифицированных кадров с высшим образованием. Начиная с 2008 года, когда состоялся первый выпуск по направлению «Зарубежное регионоведение», – 213 специалистов и бакалавров в данной сфере. За 2015–2021 года выпущено 126 бакалавров по профилю подготовки «Международные отношения в Арктике».

Подготовлено и выпущено более 50 магистрантов, включая иностранных из таких стран, как США и Индонезия, а также государств постсоветского пространства.

Выпускники кафедры работают во всех структурных подразделениях администрации губернатора Архангельской области и правительства Архангельской области, в структурных подразделениях МИД России, в международных организациях, в научных, образовательных и культурных учреждениях, в организациях и на предприятиях региона, в других субъектах РФ, в различных столичных центрах.

На протяжении 15 лет существования неуклонно рос кадровый потенциал кафедры. В настоящее время весь ее штатный профессорско-преподавательский состав имеет ученые степени и звания. Среди преподавателей: два доктора исторических наук, профессора (В.И. Голдин и Ф.Х. Соколова), доктор политических наук (А.Е. Шапаров) и доктор философских

наук (С.Э. Сорокин), а также 7 кандидатов наук, доцентов. На кафедре работают специалисты 5 отраслей научных знаний: исторических, политических, философских, экономических и социологических наук. Два преподавателя кафедры – К.С. Зайков и Бхагват Джавахар (гражданин Индии) имеют иностранные дипломы доктора философии (PhD).

Тематика научно-исследовательской работы кафедры – «Геополитические, социальные и этнокультурные проблемы Арктики и Севера России» актуальна для страны и региона. Отдельными направлениями исследований, объединяющими ряд преподавателей, являются «Фундаментальные проблемы геополитического сотрудничества и соперничества в Арктике на рубеже XX и XXI вв.» и «Европейский Север России в условиях регионализации и глобализации». Вместе с тем некоторые исследовательские темы преподавателей выходят за пределы указанных направлений, будучи связаны с другими крупными проблемами международных отношений, что воплощается и в издаваемых монографиях [3; 4].

Публикационная активность преподавателей проявляется в том, что за последние 5 лет ими подготовлено 18 монографий, 63 статьи в журналы, входящие в Scopus и Web of Science, 60 статей в издания Перечня ВАК и 90 статей в журналы, рецензируемые в РИНЦ. Научные статьи преподавателей кафедры опубликованы в 12 странах Европы, Азии и Америки. Преподаватели кафедры принимали участие в реализации таких крупных международных проектов, как «Модернизационный процесс в Баренцевом регионе», «Асимметричное соседство. Норвегия и Россия. 1814–2014», что воплощалось в фундаментальные коллективные научные издания, опубликованные за рубежом [5–7]. Основными зарубежными партнерами преподавателей ПГУ–САФУ в изучении истории и современности международных отношений и сотрудничества в БЕАР и Арктике выступали Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии, Университет Оулу и Лапландский университет в Финляндии и университеты Лулео и Умео в Швеции.

В 2022 году в Нидерландах вышел в свет новый крупный коллективный научный труд, посвященный истории, настоящему и будущему Северного морского пути [8]. В сложных условиях современной конфронтации в мире это событие является примером продолжающегося международного сотрудничества и научной дипломатии, которые призваны содействовать взаимопониманию и противодействовать набирающей силу русофобии в странах Запада.

Процесс обучения в сфере международных отношений обеспечивается учебными пособиями и материалами, публикуемыми преподавателями кафедры. Результатом их сотрудничества с Российским советом по международным делам, одной из ведущих отечественных исследовательских организаций в сфере международных отношений, стало издание учебного издания по Арктике под грифом Российского совета по международным делам [9].

За последние 5 лет, несмотря на пандемию, преподаватели и сотрудники кафедры приняли участие в 100 конференциях международного и национального уровней.

Кафедра тесно взаимодействует со студентами, способствуя развитию их творческой и исследовательской активности. Ее формами являются деятельность политклуба, проведение научных студенческих конференций, обсуждение в разных форматах актуальных проблем международных отношений и др. За минувшие 5 лет была опубликована 161 студенческая работа, выполненная под руководством преподавателей кафедры.

Таким образом, коллектив преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов, занимающихся тематикой международных отношений, живет интересной творческой жизнью, которая отнюдь не ограничивается стенами университета, но выходит далеко за его пределы, охватывая регионы Европейского Севера России, страны в целом и, несмотря на современные сложности, международное пространство.

*Редколлегия журнала сердечно поздравляет профессора, заместителя главного редактора **Флёру Харисовну Соколову** с юбилеем и желает ей творческих сил, крепкого здоровья, благополучия и успехов во всех делах.*

Список литературы

1. Булатов В.Н., Шалев А.А. Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество: история и современность. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2001. 172 с.
2. Русский Север в системе геополитических интересов России / отв. ред. В.И. Голдин, В.А. Михайлов. М.: Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2002. 192 с.
3. Голдин В.И. Китайская мозаика: Китайская Народная Республика в начале XXI века. Архангельск: САФУ, 2017. 253 с.
4. Голдин В.И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления: моногр. Архангельск: САФУ, 2020. 560 с.
5. Russland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917 / ed. by J.P. Nielsen. Oslo: Pax, 2014. 643 p.
6. Naboer i frykt og forventning: Norge og Russland 1917–2014 / ed. by S.G. Holtmark. Oslo: Pax, 2015. 748 p.
7. The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe / ed. by L. Elenius. Oslo: Pax, 2015. 518 p.
8. From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia / ed. by J.P. Nielsen, E. Okhuizen. Leiden: Brill, 2022. 500 p.
9. Международные отношения в Арктике: учеб.-метод. материалы № 3/2017 / Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Паникар М.М.; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 76 с.

References

1. Bulatov V.N., Shalev A.A. *Barentsev Evro-Arkticheskiy region i Arkhangel'skaya oblast': mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: istoriya i sovremennost'* [Barents Euro-Arctic Region and the Arkhangelsk Region: International Cooperation: Past and Present]. Arkhangelsk, 2001. 172 p.
2. Goldin V.I., Mikhaylov V.A. (eds.). *Russkiy Sever v sisteme geopoliticheskikh interesov Rossii* [Russian North in the System of Russia' Geopolitical Interests]. Moscow, 2002. 192 p.
3. Goldin V.I. *Kitayskaya mozaika: Kitayskaya Narodnaya Respublika v nachale XXI veka* [The Chinese Mosaic: The People's Republic of China in the Early 21st Century]. Arkhangelsk, 2017. 253 p.
4. Goldin V.I. *Mir v proshlom i nastoyashchem: nablyudeniya, vpechatleniya, razmyshleniya* [The World in the Past and Present: Observations, Impressions, Reflections]. Arkhangelsk, 2020. 560 p.
5. Nielsen J.P. (ed.). *Russland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, 2014. 643 p.
6. Holtmark S.G. (ed.). *Naboer i frykt og forventning: Norge og Russland 1917–2014*. Oslo, 2015. 748 p.
7. Elenius L. (ed.). *The Barents Region: A Transnational History of Subarctic Northern Europe*. Oslo, 2015. 518 p.
8. Nielsen J.P., Okhuizen E. (eds.). *From Northeast Passage to Northern Sea Route: A History of the Waterway North of Eurasia*. Leiden, 2022. 500 p.
9. Goldin V.I., Sokolova F.Kh., Panikar M.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Arktike* [International Relations in the Arctic]. Moscow, 2017. 76 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V215

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Flera Kh. Sokolova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-6128> e-mail: f.sokolova@narfu.ru

---

For citation: Goldin V.I., Sokolova F.Kh. Arkhangelsk Region in the System of Training Specialists on International Relations. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 126–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V215

ARKHANGELSK REGION IN THE SYSTEM OF TRAINING SPECIALISTS ON INTERNATIONAL RELATIONS

This article dwells on the experience of Pomor State University named after M.V. Lomonosov and, later, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov in training specialists and scientific work in the field of international relations. The authors characterize landmark events of 2003 and 2007–2008 related to the development of this sphere, e.g. to the creation of the Department of Regional Studies (later, Regional Studies, International Relations and Political Sciences). The paper analyses the university's and department's partnerships with the leading scientific institutions and universities in Russia and abroad in the field of studying the history and current state of international relations in Northern Europe, Barents Euro-Arctic Region, and the Arctic. In addition, it presents the results of this collaboration and the most significant projects and publications.

Keywords: *international relations, training of specialists, scientific activity, Barents Euro-Arctic Region, Northern Europe, Arctic.*

Поступила 03.10.2022
Принята 10.10.2022
Опубликована 15.11.2022

Received 3 October 2022
Accepted 10 October 2022
Published 15 November 2022

УДК 001.38:[9+327]

DOI: 10.37482/2687-1505-V217

КЛИМОВ Олег Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и глав в 4 коллективных монографиях, глав в двух учебниках для средней школы*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8379-5456>

РЕПНЕВСКИЙ Андрей Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий (соавтор), главы в учебнике для 10-11 классов**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3163-4009>

К 70-ЛЕТИЮ НОРДИСТА ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА КАРЕЛИНА

Статья посвящена характеристике научной и преподавательской деятельности известного ученого и преподавателя, исследователя истории русско-норвежских отношений В.А. Карелина (род. в 1952). Раскрыты основные этапы жизненного пути ученого, охарактеризованы важнейшие направления его исследовательской работы и ее результаты. В.А. Карелин является крупным специалистом в области истории России

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: o.klimov@spbu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: andrey-gold@inbox.ru

Для цитирования: Климов О.Ю., Репневский А.В. К 70-летию нордиста Владимира Анатольевича Карелина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 132–138. DOI: 10.37482/2687-1505-V217

XIX – начала XX века и русско-норвежских отношений. Он участвовал в значительном числе международных научных проектов с коллегами из университетов Гронингена (Нидерланды), Тромсё (Норвегия), результатом которых стало издание учебных пособий, монографии о Шпицбергене и научных статей. Кроме того, В.А. Карелин был инициатором создания при Мурманском государственном педагогическом институте, в настоящее время Мурманском Арктическом государственном университете Баренц-факультета, на котором успешно осуществлялись научные, издательские и образовательные программы, направленные на развитие международного сотрудничества в рамках Баренц-региона.

Ключевые слова: В.А. Карелин, история Севера, Баренц-регион, Баренц-факультет, русско-норвежские отношения, Шпицберген.

23 июля 2022 года Владимир Анатольевич Карелин – кандидат исторических наук, доцент, известный специалист по истории России и русско-норвежских отношений – отметил свое 70-летие.

Владимир Анатольевич родился в 1952 году в Москве, но основная часть его жизни связана с Мурманском, куда переехали родители в середине 1950-х годов. После окончания средней школы В.А. Карелин успешно поступил в 1970 году на историческое отделение историко-филологического факультета Мурманского государственного педагогического института (МГПИ). Оно было выбрано не случайно: Владимир Анатольевич любил именно гуманитарные науки, особенно историю, литературу и английский язык. В институте проявил себя прекрасным студентом: с увлечением учился, успешно проходил педагогические практики, занимался общественной деятельностью и получил диплом с отличием. О своих институтских наставниках В.А. Карелин часто вспоминает с уважением и благодарностью. Это такие известные исследователи и замечательные преподаватели, как профессора И.Ф. Ушаков, А.А. Киселев, Ю.Н. Климов, доценты Г.В. Атласов, В.В. Курякин и многие другие. Уже в студенческие годы определился круг научных интересов В.А. Карелина: он углубленно занимался историей России XIX – начала XX века, писал работу о декабристе М.С. Лунине, выступал с докладами на научных конференциях.

В 1974–1975 годах после окончания института Владимир Анатольевич прошел срочную

военную службу в гвардейском учебном мотострелковом полку имени Ленинского комсомола под Ленинградом. После увольнения в запас юбилей с осени 1975 года работал учителем истории и обществоведения в Мурманской заочной школе моряков, где приобрел очень ценный опыт преподавания и общения с людьми разного уровня образования, повидал далекие края – Канарские острова, городки и поселки Арктического побережья СССР. В 1977 году Владимир Анатольевич был приглашен на работу в Мурманский городской комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи на должность инструктора, но через год вернулся в сферу образования, став учителем истории и обществоведения в одном из профессионально-технических училищ г. Мурманска. В 1981–1984 годах В.А. Карелин прошел обучение в целевой аспирантуре при кафедре истории России Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена (ЛГПИ). Его научным руководителем сначала был известный историк профессор Ю.В. Кожухов, после кончины которого руководство взял на себя другой крупный специалист профессор В.И. Старцев. Под их руководством В.А. Карелин прошел хорошую научную школу и в 1985 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русское техническое общество и проблема подготовки квалифицированных фабрично-заводских рабочих в России (1866–1890 гг.)». С 1984 года началась работа Карелина в каче-

стве штатного преподавателя в *alma mater*, в МГПИ, которая продолжилась до 2012 года, сначала в должности ассистента, затем старшего преподавателя, доцента. Владимир Анатольевич был весьма популярен как лектор, приобрел значительный авторитет среди студентов и коллег.

В трудные 90-е годы XX века раскрылись новые грани таланта юбиляра. В.А. Карелин подключился к реализации новых направлений деятельности института, в том числе к развитию внебюджетной и международной работы [1, с. 8–14]. Он стал инициатором создания при МГПИ в 1996 году отделения международных образовательных программ, на котором обучались русскому языку слушатели из Австрии, Норвегии, США, Турции, Финляндии, Швейцарии. В 1999 году оно было реорганизовано в *Баренц-факультет*, переименованный в 2001 году в *Баренц-центр* [2, с. 64–79]. Как директор Баренц-факультета/Баренц-центра В.А. Карелин развернул кипучую деятельность: был организован прием обучающихся на ряд специальностей и специализаций, введено преподавание шведского и норвежского языков, проводились встречи студентов с видными политическими деятелями и дипломатами, организована кафедра Баренц-регионоведения, создана исследовательская лаборатория и учрежден журнал «Вестник Баренц-факультета» («Вестник Баренц-центра»), который издавался с 1999 по 2012 год. Редколлегию возглавил известный мурманский историк профессор А.А. Киселев, а в ее состав вошли видные ученые: А.А. Комаров, директор Центра «Северная Европа» Института всеобщей истории РАН, норвежский историк профессор Йенс Петтер Нильсен и другие [3, с. 11–14]. В журнале публиковались статьи, обзоры, интервью, касающиеся международных отношений на Севере Европы. В частности по инициативе юбиляра были опубликованы интервью с заместителем председателя комитета Государственной думы РФ по международным делам Ю.А. Квицинским, работавшим послом в Норвегии с 1997 года; Оддрун Петтерсен, генеральным секретарем Баренц-секретариата

(Киркенес) с 1993 по 2002 год; Э.А. Мидтун, губернатором норвежской провинции Финнмарк; Ю. Муландером, послом Швеции в Москве с 2004 по 2008 год; В.А. Павловским, послом России в Норвегии (с 2010 года), и другими официальными лицами. Вся работа Баренц-факультета/Баренц-центра осуществлялась на внебюджетной основе и приносила институту/университету немалые дополнительные средства. «Вестник Баренц-центра» под энергичным руководством Карелина немало сделал для научного становления целой плеяды мурманчан – исследователей российского и зарубежного Севера, Арктики и международных связей в регионе. В Петрозаводском государственном университете, Поморском государственном университете (позднее – САФУ) хорошо знают и уважают Владимира Карелина, так как самым теснейшим образом сотрудничают с ним лично и в значительной степени через него со всем содружеством историков Мурманска. Такие люди, как Владимир Анатольевич помогают увидеть в ученых, занимающихся схожей научной проблематикой, не соперников, а соратников. В частности, он многое сделал для налаживания тесных деловых и дружеских отношений между коллективами вузов Русского Севера. Владимир Анатольевич постоянно публикуется в научных изданиях Архангельска и Петрозаводска. Он и по сегодняшний день генерирует новые продуктивные идеи, через живую творческую работу объединяет нордистов Москвы, Санкт-Петербурга и ближнего зарубежья с вузами, библиотеками и архивами отечественной «глубинки», выступает организатором, локомотивом совместной исследовательской деятельности. Его умение разыскивать новые документы в различных архивах просто удивительно. Пожалуй, на Русском Севере, в Скандинавских странах не осталось ни одного солидного архива, где бы Карелин не просмотрел сонмы документов. Ему присущ здоровый исследовательский «нюх» и завидная работоспособность.

С 2012 года В.А. Карелин завершил свою работу в МГПИ– Мурманском Арктическом государственном университете (МАГУ). К сожалению

нию, после этого деятельность Баренц-центра и издание журнала были остановлены. Несколько лет В.А. Карелин являлся преподавателем Мурманского филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики. С 2018 года наш юбиляр проживает в Санкт-Петербурге, где продолжает активную научную деятельность: участвует в международных научных проектах с партнерами из Норвегии, Финляндии и других стран, публикует статьи и книги, выступает с докладами на научных конференциях, является регулярным читателем научных библиотек Санкт-Петербурга, активно работает в архивах, ведет переписку с партнерами по проектам, встречается с коллегами.

В.А. Карелин является крупным ученым, известным специалистом в области истории России XIX – начала XX веков и российско-норвежских отношений, имеющим солидную научную подготовку: он не только обучался в аспирантуре при ЛГПИ, но в 2005–2008 годах прошел подготовку в докторантуре при Санкт-Петербургском государственном университете. Им опубликовано более 100 научных статей и несколько книг, реализован ряд значимых научных проектов. Юбиляр являлся участником доброй сотни солидных научных конференций, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Петрозаводске, Киркенесе, Тромсё и на Шпицбергене. В последние годы он становится ежегодным докладчиком авторитетных в международных кругах научно-практических «Полярных чтений», организуемых филиалом Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол “Красин”».

В середине 90-х годов XX века В.А. Карелин выдвинул предложение объединить усилия преподавателей кафедры истории МГПИ и их зарубежных коллег в области исследования русско-норвежских отношений. В результате родился проект по истории русско-норвежских связей. Его научным руководителем с российской стороны стал заведующий кафедрой истории профессор А.А. Киселев, а В.А. Карелин выполнял важную роль координатора и явился автором ряда разделов. Партнером в данном проекте выступила группа норвежских историков университета г. Тромсё, научным руково-

дителем которых стал известный исследователь профессор Йенс Петтер Нильсен. По согласованию с норвежской стороной было решено подготовить учебное пособие, в котором освещалась история Норвегии (ее излагали норвежские ученые) и русско-норвежских отношений (эту часть книги писали их мурманские коллеги). Работа продолжалась несколько лет: состоялся обмен визитами, было проведено несколько рабочих конференций. В 2001 году учебное пособие «Соседи на Крайнем Севере» [4] было издано и очень тепло принято широкой общественностью и коллегами, в частности высокую оценку изданию дал известный ученый-исследователь скандинавских стран А.С. Кан, которому и принадлежит, кстати, термин «нордистика» [5, с. 156–165].

В числе научных достижений юбиляра участие в солидной коллективной монографии, которую подготовила группа российских ученых и их норвежских коллег. Эта книга посвящена отношениям России и Норвегии в 1814–1917 годах [6]. Авторы рассматривают различные аспекты отношений двух стран, показывают их динамику под влиянием меняющихся внешних и внутренних условий в наших государствах.

В.А. Карелин плодотворно трудится на ниве науки, обращаясь к актуальным проблемам недавней истории России и стран Северной Европы. Им опубликован ряд весьма значимых научных трудов. В 2013 году В.А. Карелин издал монографию, посвященную экономической политике России на Шпицбергене 1905–1925 годов и формированию русских деловых интересов на архипелаге [7]. В книге на очень широком круге архивных и опубликованных источников отечественного и зарубежного происхождения раскрыты цели и задачи российской политики в вопросе о Шпицбергене в контексте международных отношений, ее динамика, показаны особенности создания и деятельности первых русских угледобывающих предприятий на островах. Автор прекрасно владеет историографией вопроса и потому критически оценил результаты работы новейших российских и иностранных историков.

Одним из важных международных проектов Владимира Анатольевича стало издание перево-

да книги Харальда Риесто «Маленький город и война», в которой норвежский ученый описывал события Второй мировой войны на примере истории небольшого северного городка Вадсё [8].

В.А. Карелин выступил не только инициатором данного издания, но решил множество сложных практических вопросов: нашел переводчика и издательство, обеспечил источниками финансирования. Значимым научным деянием юбиляра стало издание в сотрудничестве с норвежскими учеными Йенсом Петтером Нильсеном и Кари Ага Мюклебуст писем российского дипломата К.Н. Гулькевича (1865–1935) профессору-слависту, переводчику и общественному деятелю Олафу Броку (1867–1961), которые хранятся в фондах норвежской Национальной библиотеки в Осло [9]. Публикация вводит в научный оборот ценные новые источники, которые не были известны широкому кругу специалистов. В этих письмах, написанных в период с 1916 по 1923 год, раскрываются различные аспекты истории российско-норвежских общественных, политических и культурных связей во время Первой мировой войны, в годы русской революции и гражданской войны.

Еще одной важной публикацией, выполненной в соавторстве с Йенсом Петтером Нильсеном, является издание серии найденных в отечественных архивах документов, которые посвящены российско-норвежским отношениям начала XX века. Данная подборка малоизвестных материалов проливает свет на особенности дипломатических, экономических, политических связей двух стран в очень напряженный период исто-

рии – после разрыва Шведско-норвежской унии и в течение последующих нескольких лет становления независимой Норвегии, а также всего периода Первой мировой войны [10]. В это интереснейшее издание вошли 174 документа семи архивов. Сборник ценен тем, что дает читателю возможность глубже и объективнее разобраться в перипетиях российско-норвежских и даже общеевропейских событий тех лет. Данная публикация была осуществлена при содействии Института всеобщей истории РАН, Института истории и религиоведения Университета г. Тромсё (Норвегия) и российско-норвежского исследовательского проекта «Асимметричное соседство: Россия и Норвегия, 1814–2014».

Свою научную деятельность юбиляр успешно продолжает, так что будет еще не раз радовать специалистов и любителей истории своими публикациями.

В.А. Карелин не только является известным ученым, но и обладает замечательными человеческими качествами: он принципиален, безукоризненно честен, хранит верность своим идеалам, скромнен, доброжелателен и приветлив в общении с людьми. Владимир Анатольевич – человек высокой культуры и широких интересов. Среди его увлечений – английский язык, которым он самостоятельно овладел на высоком уровне, музыка (классическая и старый рок 60–70-х годов), физкультура и спорт, а также художественная литература.

Авторы очерка поздравляют дорогого друга с юбилеем и желают ему долгих лет жизни, новых творческих достижений и успехов, здоровья и счастья.

Список литературы

1. Климов О.Ю., Лявданский Э.К. МГПИ в системе международных научных связей // Наука и образование. Вестн. Мурман. отд-ния Международ. акад. пед. и соц. наук. 2000. № 1. С. 8–14.
2. Климов О.Ю. «Народная дипломатия» в Баренцевом регионе: Мурманский государственный педагогический университет в системе международных научных, образовательных и культурных связей Баренцева региона в 90-е гг. XX – нач. XXI вв. // Баренц-сборник: регион. межвуз. науч. изд. Вып. 1(1). 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества. Мурманск: Мурман. гос. техн. ун-т, 2013. С. 64–79.

3. *Климов О.Ю., Карелин В.А.* Баренц-факультет Мурманского государственного гуманитарного университета // *Alma Mater.* (Вестн. высш. шк.). 2015. № 7. С. 11–14.
4. *Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: от первых контактов до Баренцева сотрудничества / Мурман. гос. пед. ин-т, Ун-т г. Тромсё (Норвегия).* Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 2001. 377 с.
5. *Кан А.С.* Русско-норвежское учебное пособие (*Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: от первых контактов до Баренцева сотрудничества.* Мурманск, 2001) // *Вестн. «Баренц-центра» МГПУ.* 2002. № 4. С. 156–165.
6. *Давыдов Р.А., Зайков К.С., Карелин В.А. и др.* Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / под ред. Й.П. Нильсена, пер. с норвеж. [А.С. Касьян и др.]; Ун-т Тромсё – Арктич. ун-т Норвегии, Ин-т всеобщей истории Рос. акад. наук 2-е изд., испр. М.: Весь мир, 2019. 705 с.
7. *Карелин В.А.* Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905–1925 гг.: исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы (на фоне отношений с Норвегией). Архангельск: КИРА, 2013. 303 с.
8. *Рiesto Х.* Маленький город и война. Вадсё в 1941–1945 гг. СПб.: С.-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов, 2005. 317 с.
9. *Письма к Олафу Броку, 1916–1923 / К. Н. Гулькевич; [сост.: В.А. Карелин, Й.П. Нильсен, К.А. Мюклебуст; вступ. ст. и предисл. В.А. Карелина]; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ун-т Тромсё.* М.: Новое лит. обозрение, 2017. 284, [3] с.
10. «Старая» Россия и «новая» Норвегия: российско-норвежские отношения (1905–1917): сб. док. / сост.: В.А. Карелин, Й.П. Нильсен. М.: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.

References

1. Klimov O.Yu., Lyavdanskii E.K. MGPI v sisteme mezhdunarodnykh nauchnykh svyazey [Murmansk State Pedagogical Institute in the System of International Scientific Relations]. *Nauka i obrazovanie. Vestnik Murmanskogo otdeleniya Mezhdunarodnoy akademii pedagogicheskikh i sotsial'nykh nauk*, 2000, no. 1, pp. 8–14.
2. Klimov O.Yu. “Narodnaya diplomatiya” v Barentsevom regione: Murmanskii gosudarstvennyi pedagogicheskiy universitet v sisteme mezhdunarodnykh nauchnykh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh svyazey Barentseva regiona v 90-e gg. XX – nach. XXI vv. [“People’s Diplomacy” in the Barents Region: Murmansk State Pedagogical University in the System of International Scientific, Educational, and Cultural Relations of the Barents Region in the 1990s and Early 21st Century]. *Barents-sbornik: regional'noe mezhvuzovskoe nauchnoe izdanie. Вып. 1(1). 20-letie Barentseva Evro-Arkticheskogo sotrudnichestva* [Barents Collection: Regional Interuniversity Academic Publication. Iss. 1. The 20th Anniversary of the Barents Euro-Arctic Cooperation]. Murmansk, 2013, pp. 64–79.
3. Klimov O.Yu., Karelin V.A. Barents-fakul'tet Murmanskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Barents Faculty of Murmansk State University for the Humanities]. *Alma Mater. (Vestnik vysshey shkoly)*, 2015, no. 7, pp. 11–14.
4. *Sosedi na Kraynem Severe: Rossiya i Norvegiya: ot pervykh kontaktov do Barentseva sotrudnichestva* [Neighbours in the Far North: Russia and Norway: From the First Contacts to Barents Cooperation]. Murmansk, 2001. 377 p.
5. Kan A.S. Russko-norvezhskoe uchebnoe posobie (Sosedi na Kraynem Severe: Rossiya i Norvegiya: ot pervykh kontaktov do Barentseva sotrudnichestva. Murmansk, 2001) [Russian-Norwegian Study Guide (Neighbours in the Far North: Russia and Norway: From the First Contacts to Barents Cooperation. Murmansk, 2001)]. *Vestnik “Barents-tsentra” MGPU*, 2002, no. 4, pp. 156–165.
6. Davydov R.A., Zaykov K.S., Karelin V.A. *Sblizhenie: Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godakh* [Getting Closer: Russia and Norway in 1814–1917]. Moscow, 2019. 705 p.
7. Karelin V.A. *Rossiyskie delovye interesy na arhipelage Shpitsbergen v 1905–1925 gg.: issledovanie pravitel'stvennoy politiki i predprinimatel'skoy initsiativy (na fone otnosheniy s Norvegiyey)* [Russia’s Business Interests in the Svalbard Archipelago in 1905–1925: A Study of Government Policy and Entrepreneurial Initiative (Against the Background of Relations with Norway)]. Arkhangel'sk, 2013. 303 p.
8. Riesto H. *Den lille byen og krigen.* Stamsund, 2000. 242 p. (Russ. ed. Riesto Kh. *Malen'kiy gorod i vojna. Vadse v 1941–1945 gg.* St. Petersburg, 2005. 317 p.).

9. Gul'kevich K.N. *Pis'ma k Olafu Broku, 1916–1923* [Letters to Olaf Broch, 1916–1923]. Moscow, 2017. 284 p.
10. Karelin V.A., Nielsen J.P. (comps.). *“Staraya” Rossiya i “novaya” Norvegiya: rossiysko-norvezhskie otnosheniya (1905–1917)* [The “Old” Russia and the “New” Norway: Russian-Norwegian Relations (1905–1917)]. Moscow, 2014. 400 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V217

Oleg Yu. Klimov

Saint Petersburg State University;
Mendeleevskaya liniya 5, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8379-5456> e-mail: o.klimov@spbu.ru

Andrey V. Repnevskiy

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3163-4009> e-mail: andrey-gold@inbox.ru

TO THE 70th BIRTHDAY ANNIVERSARY OF THE NORDIC HISTORIAN VLADIMIR A. KARELIN

This article dwells on the academic and teaching activities of Vladimir A. Karelin (born 1952), a well-known teacher and historian who has studied the history of Russian-Norwegian relations. The main stages in his life are described, key areas and results of his research are characterized. V.A. Karelin is a prominent specialist on the history of Russia of the 19th and 20th centuries and the history of Russian-Norwegian relations. He has participated in a large number of international scientific projects with colleagues from the universities of Groningen (the Netherlands) and Tromsø (Norway), which resulted in the publication of study guides, scholarly articles, and a monograph on Svalbard. Moreover, he initiated the creation of the Barents Faculty at Murmansk State Pedagogical Institute (currently, Murmansk Arctic State University), which successfully carried out scientific, publishing and educational programmes aimed at developing international cooperation within the Barents Region.

Keywords: V.A. Karelin, history of the Nordic Countries, Barents Region, Barents Faculty, Russia–Norway Relations, Svalbard.

Поступила 24.07.2022
Принята 20.10.2022
Опубликована 15.11.2022

Received 24 July 2022
Accepted 20 October 2022
Published 15 November 2022

For citation: Klimov O.Yu., Repnevskiy A.V. To the 70th Birthday Anniversary of the Nordic Historian Vladimir A. Karelin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 132–138. DOI: 10.37482/2687-1505-V217

ПАМЯТИ ЮРИЯ ПАВЛОВИЧА ОКУНЕВА (04.09.1941 – 23.09.2022)

23 сентября на 82-м году жизни ушел из жизни доктор культурологии, профессор Юрий Павлович Окунев.

Юрий Павлович родился 4 сентября 1941 года в городе Каргополе Архангельской области. В 1966–1968 годах работал в Северодвинском драматическом театре. В 1968 году он окончил Московский государственный институт культуры, получив специальность режиссера.

В 1995 году Юрий Павлович получил второе высшее образование в Российской академии государственной службы (РАГС) по специальности «менеджмент».

Кандидатскую диссертацию «Пути оптимизации социокультурной ситуации на Русском Севере» (по специальности 09.00.11 – социальная философия) он также защитил в РАГС в 1997 году. Докторскую диссертацию «Динамика развития культуры Русского Севера в условиях социальных трансформаций» (по специальности 24.00.04 – теория и практика куль-

туры) Юрий Павлович защитил в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 2007 году.

Более 58 лет Юрий Павлович Окунев работал профессором кафедры государственного и муниципального управления Поморского государственного университета, затем Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Руководил Лабораторией народного творчества, созданной им в вузе.

Юрий Павлович вел активную общественную работу. Он являлся членом Ассоциации землячеств при министерстве развития местного самоуправления Архангельской области, а также членом консультационного совета Управления Федеральной миграционной службы по Архангельской области.

С 2008 года Юрий Павлович Окунев был членом диссертационного совета по защита диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора философских и социологических наук.

НЕКРОЛОГИ/OBITUARIES

Основные результаты его научной деятельности изложены в 7 монографиях (4 из них в соавторстве) и более чем 200 статьях.

Человек с широким кругозором, безгранично преданный своему делу, долгие годы Юрий Павлович возглавлял Каргопольское землячество в Архангельской области. Он гордился тем, что родился в Каргополе, и до последних дней своей жизни оказывал посильную помощь в продвижении города и его талантливых людей, организации событийных культурных мероприятий, конференций, гастролей творческих коллективов, выставок народных мастеров и художников Каргополя в Архангельске, Северодвинске, Москве.

Юрий Павлович Окунев имел правительственные награды: медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1995), медаль «Ветеран труда» (2007), почетный знак Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1985), почетный знак Министерства культуры СССР и ЦК Профсоюзов «Отличник культурного шефства над селом» (1989).

Память об ученом, педагоге, добром, светлом и отзывчивом человеке навсегда сохранится в наших сердцах. Друзья и коллеги из Северного (Арктического) федерального университета и диссертационного совета 24.2.394.01 выражают искренние соболезнования родным и близким в связи с кончиной талантливого ученого.

Редакция журнала

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Агафонов А.И., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

Бавуу-Сюрюн М.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры тувинской филологии и общего языкознания, директор научно-образовательного центра «Тюркология» Тувинского государственного университета (г. Кызыл);

Барбашина Э.В., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета;

Беляева Е.В., доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Беспалова Е.А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск);

Бобкова М.С., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);

Боргоякова Т.Г., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия);

Бичарова М.М., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка Каспийского института морского и речного транспорта филиала Волжского государственного университета водного транспорта (г. Астрахань);

Варьясова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, директор научно-образовательного центра Сургутского государственного университета;

Варова Н.Л., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета;

Данилова М.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар);

Дашинимаева П.П., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ);

Ерахтин А.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного политехнического университета;

Жгилева Л.А., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Иванов Е.Е., доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь);

Касимов Р.Х., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета;

Копелев Д.Н., доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Мантатов В.В., доктор философских наук, профессор, руководитель международной кафедры ЮНЕСКО по экологической этике Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ);

Немцева К.И., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Осинов С.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культуры Ульяновского государственного технического университета;

Павлов А.В., доктор философских наук, доцент, профессор факультета гуманитарных наук, школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

Савин А.И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск);

Сулейманова О.А., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета;

Федотова М.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета;

Филиппова И.Н., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета;

Шестова Е.А., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Центра феноменологической философии Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnik.narfu.ru> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	<p>Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на сайты (если это не книга, сборник, нормативный документ, статья и т. п. в электронном виде) даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnik.narfu.ru>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.